

ТРУДЫ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 121, вып. 2

Серия историческая

СБОРНИК
РАБОТ ПО ВОПРОСАМ ИСТОРИИ

ИЗДАНИЕ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск—1953

СОДЕРЖАНИЕ

Данилов А. И. — Капитулярый о поместьях Карла Великого и его интерпретация в исторической литературе	3
Коломиец И. Г. — Очерки по истории Закарпатья. I Социально-экономическое положение и борьба крестьянства Закарпатья против феодального гнета и католического порабощения в XV- XVIII веках	
Предисловие	39
Глава I. Развитие феодальных отношений в Закарпатской Руси и борьба крестьянства против крепостного гнета в XV веке	41
Глава II. Восстание «куруцев» в Венгрии и Закарпатье в XVI веке	51
Глава III. Социально-экономическое положение крестьянства Закарпатья в XVII ст.	59
Глава IV. Подготовка наступления феодально-католической реакции против народных масс Закарпатья	70
Глава V. Насильственное введение церковной унии в Закарпатье	88
Глава VI. Движение «куруцев» в начале XVIII ст.	97
Глава VII. Социально-экономическое положение крестьянства Закарпатья в первой половине XVIII ст.	103
Глава VIII. Новое наступление феодально-католической реакции в первой половине XVIII ст.	110
Глава IX. Борьба народных масс Закарпатья против феодального гнета и католического порабощения в XVIII ст. Антинародная роль униатской церкви	117
Глава X. Поход феодально-католической реакции против «русскости»	126
Глава XI. Усиление феодальной эксплуатации и разорение масс крестьянства во второй половине XVIII столетия	11
Примечания	157
Литература	163

Отв редактор проф В. Т. Макаров.

Редактор тома доц. А. И. Данилов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Проф В. Т. Макаров (отв. редактор, ректор университета), проф. А. П. Бунтин (зам. отв. редактора), проф. В. А. Пегель (зам. отв. редактора), проф. Б. Г. Иогансен (ученый секретарь редколлегии), доц. Е. Н. Аравийская, доц. Н. Ф. Бабушкин, доц. Д. А. Васильев, доц. М. С. Горохов, доц. А. И. Данилов, доц. В. В. Демидов, доц. П. В. Копнин, член-корр. АН СССР В. Д. Кузнецов, проф. П. П. Куфарев, доц. Н. А. Нагинский, И. Е. Полов, проф. И. М. Разгон, проф. Б. В. Тронов, проф. М. В. Тронов

А. И. Донцов

КАПИТУЛЯЦИИ О ПОМЕСТЬЯХ КАРЛА ВЕЛИКОГО И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Переход капитализма от домонополистического этапа к империалистическому породил глубочайший кризис всей буржуазной идеологии. В области буржуазной историографии одним из существующих выражений этого кризиса явился отказ от изучения исторических закономерностей, полная неспособность к теоретическому осмыслению исторических явлений, фактов и событий.

Отказ от исторических обобщений, страх перед изучением исторических закономерностей является прямым порождением того факта, что своими политическими и философскими идеями буржуазная историография эпохи империализма служит делу обреченного на гибель капитализма. Именно потому, что исторические закономерности говорят против капитализма, идеологи буржуазии стремятся «снять» эти закономерности.

В своей работе «Еще одно уничтожение социализма» В. И. Ленин, вскрывая связь борьбы буржуазных идеологов против изучения общепризнанными науками исторических закономерностей с философскими и политическими идеями империалистической буржуазии, показывает на примере П. Струве, что так называемый «последовательный эмпиризм» представляет собой выражение кризиса буржуазной философии. В. И. Ленин доказал, что скептицизм в области исторических закономерностей прямо отвечает классовым интересам буржуазии:

Отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития, загородить лес — деревьями, вот классовый смысл того модного буржуазного скептицизма, той мёртвой и мертвящей схоластики, которые мы видим у г-на Струве»¹.

Это ленинское определение полностью относится и к буржуазной историографии эпохи империализма с ее явно выраженным страхом перед историческими закономерностями, перед самым понятием исторического развития и прогресса. По мнению Дюпона, например, «учение о хозяйственных ступенях развития не соответствует историческим фактам... Оно является совершенно необоснованным упрощением весьма многообразного и различно выраженного развития в отдельных странах и в отдельные эпохи; это учение еще и потому создает ложные представления, что предполагает вместе с тем более высокое развитие якобы позднейших исторических ступеней, которые произошли из более ранних и должны обозначить постоянный прогресс и подъем»².

Здесь видно прямое отрицание той идеи естественного закона развития общества, которую упорно, но совершенно безнадежно пытаются оспаривать буржуазные идеологи эпохи империализма. Как указывает В. И. Ленин, эта идея вопреки всем потугам прислужников буржуазии «...не приходит в упадок, а крепнет все более и более»³.

Отказ буржуазной социологии от исторических закономерностей тесно переплетается с агностицизмом в познании явлений общественной жизни. Именно к этому в «Очерках из экономической истории средневековой Европы» пришел Д. М. Петрушевский, следуя за реакционными школами Риккерт и Макса Вебера в философии, за Допшем — в трактовке конкретных исторических фактов. Для Петрушевского «...действительность, как она есть во всем необъятном экстенсивном и интенсивном многообразии своего индивидуального и конкретного существа, недоступна нашему конечному рассудку»⁴. Отсюда и понятие в исторической науке, по мнению Петрушевского, «...вовсе не претендует на то, чтобы быть отражением действительности»⁵.

Так Петрушевский порывает с объективной истиной в исторической науке

Лишь материалистическое понимание истории, открытое Марксом и Энгельсом, развитое и обогащенное Лениным и Сталиным, является единственной подлинной научной основой изучения исторического развития общества. Указывая на громадное значение применения положений философии материализма к истории общества, И. В. Сталин пишет:

«Если мир познаваем и наши знания о законах развития природы являются достоверными знаниями, имеющими значение объективной истины, то из этого следует, что общественная жизнь, развитие общества — также познаваемо, а данные науки о законах развития общества, — являются достоверными данными, имеющими значение объективных истин»⁶.

Отказ от познания закономерности исторического процесса и возможности познать объективную истину в историческом развитии тесно переплетается в буржуазной историографии периода империализма с широким распространением фальсификации исторических источников. Отрицая закономерность исторического процесса, буржуазная историография тем самым уже фальсифицирует историческую действительность, и это, в свою очередь, требует соответствующей «обработки» исторических источников, свидетельствующих как раз о наличии в конкретной истории отвергаемой буржуазными фальсификаторами закономерности развития общественной жизни. Нельзя фальсифицировать историю, не извратив соответствующих источников.

В период империализма фальсификация истории, фальсификация исторических источников оставляет далеко позади все сделанное в прошлом в этом направлении буржуазной историографией. Происходит настоящий поход против негодных фальсификаторам исторических источников. Не только ставятся под сомнение достоверные свидетельства отдельных источников, но и отвергаются целые группы исторических памятников, без которых невозможно решение кардинальных проблем определенных исторических эпох. Одним из главных представителей антинаучно-фальсификаторского истолкования исторических памятников раннего средневековья является Альфонс Допш, фигура которого является в подлинном смысле слова символичной для кризиса современной буржуазной медиевистики. Во всех своих антинаучных построениях (отрицание революционного перехода от античности к средним векам, стремление инспровергнуть свободную общину-марку, стремление вытравить из истории как феодальное закрепощение, так и классовую борьбу средневекового крестьянства, уничтожение идеи господства на-

турального хозяйства в средние века и т. п.) Допш осуществляет постоянно и в самых разнообразных формах фальсификацию исторических источников. Стремясь провести мысль об извечности частной собственности и капиталистических отношений, о совпадении во все времена и у всех народов интересов эксплуататоров и эксплуатируемых, Допш не может обойтись без такой фальсификации. И это понятно: свидетельства исторических источников несовместимы с подобными антинаучными построениями; последние поэтому невозможны без того, чтобы заставить умолкнуть прямые и недвусмысленные свидетельства исторических памятников. Для Допша и других современных буржуазных медиевистов первостепенное значение приобрела подлинная война с историческими источниками, которую они и ведут, не стесняясь в выборе средств.

Уже в первой части своей известной книги «Хозяйственное развитие каролингской эпохи», превратившейся в настоящее знамя всей реакционной буржуазной медиевистики, Допш под видом строго научной критики исторических источников раннего средневековья проводит систематическую дискредитацию достоверности их важнейших данных. Ополчаясь против тех положительных элементов исторического знания, которые были созданы буржуазными медиевистами в период восходящего развития буржуазной историографии, Допш обвиняет историков XIX века в том, что их взгляды на социально-экономический строй раннего средневековья основывались лишь на одностороннем истолковании только части источников, причем это истолкование было порождено спекулятивными конструкциями, привнесенными в историческую науку извне и довлевшими над умами историков⁷.

Допш широко рекламирует необходимость глубокой критики исторических источников, осуждает историков за использование данных источников без установления их происхождения и выяснения целей, которыми руководствовались авторы источников⁸. Однако, все это, в конечном счете, необходимо Допшу лишь для того, чтобы посеять недоверие к неугодным ему историческим источникам, извратить их неоспоримые свидетельства и открыть простор для всякого рода антинаучных построений⁹. Источниковедческая критика Допша проникнута тем философским скептицизмом, лишенным всякого подлинно творческого начала, который так характерен для всяких школ и школок буржуазной философии эпохи империализма. Методология источниковедческой критики Допша представляет собой перенесение скептицизма буржуазной философии конца XIX—начала XX века на истолкование важнейших фактов социально-экономической истории раннего средневековья.

Среди исторических источников раннего средневековья особое внимание Допша привлекает известный «Капитулярий о поместьях» Карла Великого. Значительная часть первого тома «Хозяйственного развития каролингской эпохи» посвящается Допшем разбору этого источника.

О причинах повышенного интереса к Капитулярию сам Допш говорит следующее: «Особого и детального исследования заслуживает, по моему мнению, Капитулярий о поместьях, так как он до сих пор является главной основой для понимания и изображения каролингского хозяйственного строя»¹⁰. Все исследователи, — продолжает Допш, — смотрят на него как на источник, дающий общую картину хозяйственных отношений при Каролингах. И это действительно так. Трудно обойтись без этого уникального в своем роде исторического источника, дающего разнообразные сведения, по которым можно воссоздать в основных чертах картину жизни крупного феодального поместья раннего средневековья. При всем опорочивании данных Капитулярия Допш в

«оно» концов сам также не может обойтись без них и вынужден неоднократно к ним обращаться.

Тот факт, что сведения по внутреннему строю крупного феодального поместья выступают здесь не разрозненно, а часто взаимно дополняют друг друга, показывая социально-экономические отношения в их взаимной связи и зависимости, делают данный источник особенно важным. Но это-то и подрывает в самой основе произвольное истолкование важнейших свидетельств памятника, опровергает многие тезисы Допша о социально-экономическом строе средневековья. Поэтому Допш стремится в возможно большей степени дискредитировать значение Капитулярия, выдвинув на первый план в качестве источника изучения внутреннего строя королевских поместий отрывочные и скудные данные картулярного материала, которые легче могут быть подвергнуты произвольному истолкованию. Именно в силу этого Допш требует, чтобы при изучении королевского землевладения исходили из королевских жалованных грамот и на их основе интерпретировали «Капитулярий о поместьях»¹¹.

Уже первые рецензенты «Хозяйственного развития каролингской эпохи» обратили внимание на большой удельный вес анализа Капитулярия в этой книге. Так, например, К. Гафф писал, что «центр тяжести книги лежит в критике «Капитулярия о поместьях» и в находящейся в связи с этим характеристике королевских вотчин»¹².

Свою критику «Капитулярия о поместьях» после выхода в свет первого издания «Хозяйственного развития каролингской эпохи» Допш неоднократно защищал и стремился подкрепить новыми аргументами¹³. В немецкой буржуазной историографии широко распространено мнение, что новое истолкование Капитулярия является одним из главных научных достижений Допша. Такого взгляда придерживаются и те представители буржуазной медиевистики, которые не согласны с рядом других положений Допша. К их числу принадлежит Штуп, писавший, что никто не смог избежать влияния допшианского истолкования Капитулярия, которое продолжает сохранять свое значение¹⁴. Равным образом, Теодор Мейер в статье «К происхождению Капитулярия о поместьях» писал, что «этот новый результат был спокойно принят историками, они не смогли уклониться от принципиальной и осторожной аргументации Допша»¹⁵. Такая оценка допшианского истолкования Капитулярия проводится и в учебных курсах по истории хозяйства в средние века. «Эта критика, — заявляет Кечке, автор одного из таких курсов, — потрясая главную опору истории средневекового хозяйства, была принята историками-экономистами без значительных возражений»¹⁶.

Буржуазные историки, выступившие с возражениями против допшианской интерпретации Капитулярия, в своей полемике с Допшем ограничивались только указанием на формальную несостоятельность той или иной части его аргументации и не ставят вопроса о фальсификаторском характере приемов этой аргументации¹⁷.

К сожалению, в подобном же плане рассматривается критика Допшем Капитулярия о поместьях в последней по времени опубликованной в нашей литературе статье Л. В. Черепнина, специально посвященной рассмотрению вопроса о составе и происхождении памятника¹⁸.

Недостаточность и неудовлетворительность такого отношения к допшианскому истолкованию рассматриваемого источника — очевидно. Допшианская интерпретация «Капитулярия о поместьях» — достаточно убедительный пример фальсификации исторических источников, осуществляемой в квази-научной форме беспристрастнейшей и объективнейшей исторической критики. Нельзя говорить только о допустимости или недопустимости того или иного методического приема Допша, необхо-

димо учитывать обусловленность этих приемов его реакционной общесоциальной концепцией. Необходимо учитывать определяющую роль исходных общеметодологических позиций при выборе тех или иных источниковедческих приемов, которые подчиняются общим задачам, поставленным перед собой Допшем.

«Капитулярню о поместьях» Карла Великого посвящена обширная литература.

Во второй половине XIX в. Капитулярню о поместьях становится излюбленным источником, который широко используют в своих построениях сторонники вотчинной теории, особенно в немецкой историографии¹⁹. Внешне в толковании Капитулярня Допш полемизирует именно со сторонниками вотчинной теории²⁰.

Нет необходимости доказывать, что для советской исторической науки борьба с допшианством вовсе не означает признание правильности выводов вотчинной теории, тем более, что у самого Допша критика вотчинной теории в сущности преследует совсем иные цели, чем это может показаться на первый взгляд. Для Допша, несомненно, основным противником, против которого он тщетно напрягает свои усилия, является материалистическое понимание истории, а не вотчинная теория буржуазной историографии.

Сторонники вотчинной теории в своей трактовке Капитулярня о поместьях исходили из двух основных тезисов:

1) Капитулярню свидетельствует о роли крупной вотчины, как определяющей силы всего исторического процесса в раннее средневековье.

2) Капитулярню свидетельствует о могущественном воздействии Карла Великого на всю экономическую жизнь франкской империи. Своим Капитулярнем Карл осуществил подлинное преобразование поместной организации на королевских землях, которому стали подражать в широких масштабах крупные светские и церковные землевладельцы. Это преобразование, по утверждению представителей вотчинной теории, пошло в конечном счете на пользу широких народных масс.

Говоря о процессе образования крупного землевладения в каролингский период и связанном с ним подчинении крестьянства магнатам-землевладельцам, Инама-Штернегг заявляет, что «это соединение многих слабых с одним сильным должно было в конце концов окончиться выгодой для обеих сторон, вотчинный союз должен был стать источником благополучия и для зависимых людей, если ему было суждено приобрести прочность и обеспеченное развитие»²¹. По мнению Инамы, Карл Великий разрешил задачу создания внутренней организации крупной вотчины, задачу придания ей наиболее устойчивой формы²². «Вотчинное устройство Карла Великого, — пишет Инама, — несомненно стало в IX веке всеобщим образцом для организации крупных вотчин»²³.

Для Гарайса значение Капитулярня состоит в том, что его издатель в условиях своего времени разрешил этим документом социальную проблему. Своим Капитулярнем, по словам Гарайса, Карл обеспечил тысячи сельскохозяйственных работников и ремесленников, проживавших на королевских землях, предоставив им земельные наделы и заменив, таким образом, рабски гнетущее латифундальное производство хозяйством наследственно обеспеченного мелкого крестьянства²⁴. Новый распорядок, установленный на королевских землях, был заимствован всеми крупными землевладельцами империи, для которых королевские поместья были образцовыми хозяйствами²⁵.

Таким образом, для сторонников вотчинной теории в немецкой историографии обращение к Капитулярню о поместьях связано с идеа-

лизацией средневековой вотчины и тех форм эксплуатации трудящихся, на которых она была основана. Это главное положение вполне соответствовало социально-политическим устремлениям немецкого творчества второй половины XIX века, взгляды которого наряду со взглядами крупной буржуазии и представляли в историографии сторонники вотчинной теории²⁶.

Марксистско-ленинское понимание социально-экономического развития раннего средневековья прямо противоположно концепции вотчинной теории. В трудах классиков марксизма-ленинизма с исчерпывающей полнотой раскрыта эксплуататорская сущность феодального поместья, которое не имело ничего общего с обеспечением народного благосостояния. В 47 главе III тома «Капитала» К. Маркс говорит, что сущность всех отношений, исторически сложившихся при определенном уровне развития производительных сил в феодальном поместье, является присвоение феодальным господином неоплаченного труда или продуктов труда непосредственных производителей²⁷.

В условиях средневековья специфической формой присвоения неоплаченного труда являлась феодальная рента — материальная реализация феодальной собственности.

При господстве барщинной, отработочной системы хозяйства в феодальном поместье «...рента, — как установил К. Маркс, — здесь нормальная все поглощающая, так сказать, законная форма прибавочного труда»²⁸. Феодальное поместье выступает в качестве организации, выжимающей из непосредственного производителя этот неоплаченный прибавочный труд, феодальную ренту.

Земельные наделы крепостных в феодальном поместье обеспечивали не благосостояние трудящихся, а получение феодальным собственником феодальной ренты. Критикуя идеализацию народниками 90-х годов средневекового наделного крестьянского землевладения, В. И. Ленин писал:

«...Действительность не знает этой принадлежности земли земледельцу, отдельно и самостоятельно существующей, как вы ее взяли: это — только одно из звеньев тогдашних производственных отношений, которые состояли в том, что земля разделена была между крупными землевладельцами, помещиками, что помещики наделяли крестьян этой землей для того, чтобы эксплуатировать их, так что земля была как бы натуральной заработной платой: она давала крестьянину необходимые продукты, чтобы он мог производить прибавочный продукт на помещика: она являлась фондом для несения крестьянами повинностей в пользу помещика»²⁹.

В. И. Ленин особенно подчеркивал, что «...собственное» хозяйство крестьян на своем наделе было условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспечение» не крестьянина — средствами к жизни, а помещика — рабочими руками»³⁰.

Для вотчинной теории одно из проявлений исторически-прогрессивной роли феодального поместья состояло в том, что последнее преодолело раздробленность мелких хозяйств, создав более производительное крупное хозяйство³¹. Материалистическое понимание истории решительно отвергает такие утверждения об экономическом превосходстве крупного барщинного хозяйства над крестьянским хозяйством средневековья.

«Самый закон о преимуществе крупных хозяйств над мелкими, — отмечает В. И. Ленин, — есть закон только товарного производства и, следовательно, не может быть прилагам к хозяйствам, не втянутым еще окончательно в товарное производство, не подчиненным рынку»³².

Необходимо подчеркнуть далее, что нельзя характеризовать крупное барщинное хозяйство, как основанное на крупном производстве. Это

определяется тем, что в барском хозяйстве, основанном на барщинных повинностях, не могло существовать крупное производство «До капитализма, — говорит В. И. Ленин, — производство сельскохозяйственных продуктов всегда велось в неизменной, мизерно-мелкой форме, — как в том случае, когда крестьянин работал на себя, так и в том случае, когда он работал на помещика, — и никакая «общинность» землевладения не в силах была сломать эту гигантскую раздробленность производства»³³.

Некоторая заинтересованность в труде работника производства, отличающая феодальный строй от рабовладельческого, проявлялась в личном хозяйстве крестьянина, а не при выполнении барщинных повинностей. Именно из этого исходит Маркс, указывая при анализе форм феодальной ренты, что уже при отработочной ренте существует возможность известного экономического развития, которая может быть осуществлена в крестьянском хозяйстве³⁴.

Совершенно неприемлемым для материалистического понимания истории является и представление вотчинной теории об исторической значимости и действительности законодательства Карла Великого.

Выше указывалось, что вотчинная теория расценивала «Капитулярий о поместьях» как проявление заботы Карла Великого о благополучии и обеспечении крестьянства. В работах историков этого направления Карл выступает создателем целой законодательной системы, ставящей своей целью защиту крестьянства³⁵.

Несостоятельность подобной трактовки каролингского законодательства была вскрыта Ф. Энгельсом в работе «К истории прусского крестьянства», где соответствующие законодательные акты Карла Великого характеризуются как макулатура, предписания которой оставались лишь на бумаге³⁶. Государственная власть Карла Великого, служившая интересам класса феодалов, и помогавшая этому классу завершить феодалное закрепощение крестьянства и упрочить его феодальную эксплуатацию, по самой своей классовой природе не могла выступать подлинной защитницей крестьянства. Ее акты в этом направлении имели или демагогический характер, или выражали исторически несостоятельные стремления сохранить частично свободное крестьянство в качестве базы военного ополчения, подчинявшегося непосредственно королю.

Необходимо учитывать историческую специфику государства Карла Великого. В работе «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин относит это государство к числу империй рабского и средневекового периодов, которые «... не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения»³⁷. Это указание И. В. Сталина совершенно определенно предупреждает от переоценки степени воздействия каролингского законодательства на экономическую жизнь племен и народностей, входивших в состав империи Карла Великого. Государство Каролингов было, несомненно, частью надстройки, порожденной складывающимся феодальным базисом, и в качестве таковой оно всемерно содействовало оформлению и укреплению своего базиса. Но в силу своей внутренней непрочности, вскрытой И. В. Сталиным, империя Карла Великого не могла играть роль, равнозначную по степени своего обратного влияния на базис, например, с ролью буржуазного государства в период подымающегося капитализма.

Таким образом, утверждение вотчинной теории, что королевские поместья были образцом, которому во внутренней организации своего крупного землевладения следовали светские и церковные феодалы, утверждение, проистекающее из явной переоценки роли государства Карла Великого, не может быть нами принято. Если внутренняя структура крупного феодального поместья вообще была аналогична внутрен-

ней структуре королевского поместья, описываемого в Капитулярии, — это объясняется не тем, что светские магнаты и церковные учреждения подражали королю, а тем внутренним единством социально-экономической природы всего крупного землевладения, которое существовало в то время. Именно поэтому данный памятник стал объектом допшанской фальсификации.

Когда Допш выступает против общепринятой до него в буржуазной историографии интерпретации Капитулярия и предлагает по-новому определить его происхождение, издателя, район действия, то он стремится к тому, чтобы снять положение о типичности тех отношений, о которых говорят данные памятника. Именно поэтому он и выступает против положения вотчинной теории о влиянии Капитулярия на устройство всех крупных поместий во Франкском государстве. Для Допша, главное в критике Капитулярия заключается, прежде всего, в том, чтобы в возможно большей степени ограничить рамки, в пределах которых Капитулярий может быть признан надежным источником изучения социально-экономических отношений. Нападки Допша на представление вотчинной теории о значении Капитулярия и идут в таком направлении. С этой целью Допш, во-первых, ограничивает категорию тех королевских поместий, на которые мог распространяться Капитулярий. Он утверждает, что памятник относится лишь к тем поместьям, которые были предназначены исключительно для поставки продуктов натурой к королевскому двору³⁸. Во-вторых, Допш утверждает, что «так называемый «*Capitulare de villis*» был издан Людовиком Благочестивым для приведения в порядок королевских поместий, возвращенных в Аквитании магнатами по приказу Карла Великого»³⁹.

Отсюда становится ясным, почему Допш так настойчиво стремится доказать тезисы об аквитанском происхождении памятника и его минимальном распространении лишь на четыре королевских поместья в Аквитании. К рассмотрению допшанской версии о происхождении Капитулярия нам и предстоит теперь обратиться.

Значительная часть аргументации Допша основывается на сопоставлении данных Капитулярия с материалами, содержащимися в анонимной биографии Людовика Благочестивого. Последние привлекаются для объяснения первых и на этой основе делаются далеко идущие выводы. Допш не мог оставить без внимания достаточно известный факт близости по содержанию «Капитулярия о поместьях» и «Образцов описей». Предлагаемая им новая локализация района деятельности памятника требовала и нового истолкования «Образцов описей», так как одна из них относится к Южной Германии (опись Штафельзее), а другая к землям прирейнского монастыря Вейсенбург, что, естественно, не имеет ничего общего с Аквитанией. Чтобы выйти из этого положения, Допш утверждает отсутствие непосредственного совпадения между описями, относящимися к немецким землям, и Капитулярием⁴⁰. Что же касается королевских фисков Гаснап и Треола, о которых говорится в Описи, то они, по мнению Допша, не могут быть локализованы на собственно немецкой территории и поэтому должны быть исключены из круга источников, служащих для изучения хозяйственных отношений в Германии⁴¹. В «Образцах описей» отсутствуют как раз те из растений, упомянутые в § 70 Капитулярия, которые могли произрастать только на юге⁴². Допш обвиняет предшествующую историографию в переоценке значения «Образцов описей» в качестве исторического источника, они связаны не столько с каролингским, сколько с меровингским временем, к которому непосредственно и восходят⁴⁴.

Предложенная Допшем концепция о времени издания, авторе и районе действия Капитулярия основывается на целой комбинации исто-

никоведческих приемов⁴⁵, которые и придают ей внешне наукообразный вид, но нет буквально ни одного аргумента в этой концепции, не имеющего гипотетического характера и не вызывающего сомнения.

Какое основание имеет Допш считать Капитулярный тем самым документом, который явился результатом реорганизации королевского землевладения в Аквитании, проведенной в последнем десятилетии VIII века? Только произвольно установленную связь между «*Vita Hludovici*» и указаниями Капитулярия, направленными против стремлений поместного министералитета (управляющих и старост) превратить королевские поместья в свою собственность или присваивать себе значительную долю их доходов.

Н. П. Грацианский в статье «К критике *Capitulare de villis*», которая представляет собой первую в исторической литературе систематическую и развернутую критику допшинского истолкования Капитулярия, совершенно справедливо подчеркивает, что стремления крупных феодальных землевладельцев наложить свои руки на королевские земли не были характерны только для Аквитании, так как нельзя указать ни на одну из частей франкского государства, где бы дело обстояло иначе⁴⁶. В ряде Капитуляриев Карла имеется достаточно данных о стремлении пресечь расхищение королевских земель⁴⁷.

Допш стремится убедить читателя в правильности своего утверждения, что Карл не мог вмешиваться в детали организации внутренней жизни своих поместий в разных частях обширной империи. Но размеры Аквитании также достаточно велики для того, чтобы Людовик мог действительно заниматься подсчетом кур и яиц даже в тех четырех поместьях, о которых «*Vita Hludovici*» повествует, как о выделенных для снабжения продовольствием королевского дворца. Постановления Капитулярия сформулированы от имени короля, но нельзя считать, что они действительно выполнялись непосредственно королем и королевой или, что выполнение требований Капитулярия ими непосредственно контролировалось. Все это входило в задачу королевской дворцовой администрации. Об этом есть определенные указания в тексте памятника⁴⁸. Как показал Н. П. Грацианский, не выдерживает критики допшинское истолкование выражения «*a potu vel carne se absteineat*», которое обозначает не воздержание от еды и питья вообще, а только — от мяса и вина. Управляющий, не выполнивший королевского предписания, без всякого ущерба для своего здоровья мог явиться из любой части империи ко двору с объяснениями, соблюдая подобие воздержания⁴⁹.

Несостоятелен взгляд Допша на Капитулярный, как на документ, имеющий отношение только к поместьям, которые обслуживали королевский стол и были свободными от всяких иных поставок и повинностей. Они не свободны от военной повинности: § 30 прямо предполагает, что одна часть продуктов ежегодно используется для поставок на военные нужды, § 42 возлагает на управляющих ответственность за бранные доспехи, с которыми люди поместья ходят на войну (они должны следить за возвращением доспехов после походов), § 45 и 62 указывают на наличие в поместьях оружейников, § 64 требует, чтобы в поместьях имелись специальные повозки, на которые должны грузиться продовольственные для войска, находящегося в походе, § 68 говорит о снабжении войск в походе специально приготовленными бочками.

О том, что в задачи поместий, о которых говорит Капитулярный, входило не только обеспечение королевского стола продовольствием, говорят и некоторые другие параграфы. § 47 указывает, что посылаемые по любому делу королем дворцовые министералы должны получать от управляющих необходимое содействие. Из § 27 следует, что в случае какого-либо распоряжения поместья могли использоваться и для постоя по-

судьбы. Все указанные выше предписания Капитулярия при принятии сферы действия Капитулярия, предложенной Допшем, становятся просто понятными.

Ботаническая аргументация Допша не убедительна даже в рамках его собственной концепции, так как он присоединяется к мнению, что все параграфы, начиная с 63, представляют собой дополнение к основному тексту⁵¹. Предположение о возможности иметь в наличии в любом поместье того времени все растения и деревья, перечисленные в § 70 — неправдоподобно. Кроме того, Н. П. Грацианский, используя данные археологических раскопок, показал, что ряд растений, причисляемых Допшем к специфически южным, произрастал в Центральной Европе.

С аквитанским происхождением Капитулярия не согласуется ряд свидетельств нашего памятника. В нем дважды упоминается о животном масле⁵², но нет ничего об оливковом, хотя в случае южного происхождения памятника о нем прежде всего должна была идти речь. В ряде мест говорится о пиве и его производстве⁵³, хотя употребление пива в Аквитании никогда не имело распространения. То же следует сказать о меде, дважды названном в Капитулярии⁵⁴. Упоминание отапливаемых комнат совершенно не подходит к Аквитании⁵⁵.

Все рассуждения Допша о соотношении между «Капитулярием о поместьях» и «Образцами описей» представляют собой сознательную натяжку, стремление любой ценой спасти теорию аквитанского происхождения Капитулярия. В самом деле, каким образом «Образцы» в ряде случаев дают как бы прямой ответ на вопрос о выполнении предписаний Капитулярия в том или ином поместье, если они восходят к меровингскому времени и не находятся в непосредственной связи с этим памятником? Именно поэтому нельзя признать случайным наличие обоих памятников в одном кодексе, и Н. П. Грацианский совершенно прав, настаивая на связи между этими источниками⁵⁶. Из этого, очевидно, следует сделать вывод о правомерности комплексного использования того и другого памятника, являющихся родственными друг другу по происхождению и по историческому объекту, нашедшему в них свое отражение⁵⁷.

Для определения сферы действия Капитулярия были сделаны попытки привлечь материалы хроник, анналов, грамот и законодательных актов, дающих сведения о пунктах, которые чаще всего являлись резиденцией Карла Великого⁵⁸. В результате произведенных Штейнцем наблюдений оказалось, что чаще всего резиденция Карла находилась в районе, границы которого определяются линией, идущей от р. Маас до р. Уазы, затем вдоль течения последней до р. Сены, далее по этой реке до устья Марны, затем вверх по Марне; от Марны эта линия идет в северо-восточном направлении до р. Мозель, отсюда до района Диденгофа она идет с запада на восток до р. Рейн и далее по Рейну до Бонна, где она вновь идет до р. Маас⁵⁹. В этой области, как предполагает Штейниц, должны были лежать основные комплексы королевского землевладения, о них должен был прежде всего заботиться Карл и к ним более всего должны были относиться предписания Капитулярия. Все эти соображения заслуживают внимания, хотя они и не могут быть признаны бесспорными. Из фактов засланных пожалований церковным учреждениям широко известно, что королю и вне указанных выше границ принадлежали крупные земельные массивы. Штейниц не прав, заявляя, что в областях по правому берегу Рейна в руках короля находились земли, хозяйственно не освоенные, которые к тому же лежали чересполосно. Материалы, например, фульдского картулярия, говорят против этого утверждения⁶⁰.

В данной связи наблюдения Штейница представляют, главным образом, тот интерес, что они довольно определенно говорят о сомнительности хваленой буржуазными историками научной добросовестности Доч-

ша⁶¹. Допш хорошо знал работу Штейнница, однако прошел мимо его наблюдений о районе, где главным образом группировались королевские поместья, и мимо его доказательства, что именно, к нему прежде всего, должен был относиться Капитулярный. Едва ли это можно признать случайным, так как соображения Штейнница ставят под удар аквитанскую локализацию Капитулярия и является вместе с тем аргументом в пользу близости памятника в смысле территориальной сферы его действия к Образцам описей.

Не имея возможности рассматривать здесь ту трактовку происхождения «Капитулярия о поместьях», которая была дана в литературе 20-х—30-х гг. XX в., ограничимся лишь краткими указаниями на нашу точку зрения по данному вопросу.

В памятнике, несомненно имеются противоречия между предписаниями различных параграфов, в тексте отсутствует строгая последовательность в изложении различных сюжетов, есть повторения. Так, например, предписания об обязанностях старост содержат §§ 5, 10, 26, 60; предписания об отчетности дают §§ 28, 44, 55, 62; предписания о правовом положении зависимых людей—§§ 4, 29, 52, 57. Параграф 55 включен между параграфами, с которыми он логически не связан. Порядок отчетности, установленный в § 44, нельзя согласовать с тем, что требует § 55. Противоречивые предписания дают §§ 44 и 59. Не согласуются между собой §§ 23 и 58.

Эти и другие факты дают основание предполагать использование составителем нашего источника ранее изданных постановлений, причем устранение противоречий между ними, систематизация различных предписаний не были проведены в должной мере.

Вызывает сомнение взгляд на королевских управляющих поместьями, как на единственных адресатов всех предписаний Капитулярия: § 10 относится непосредственно к управляющему поместьями, он содержит предписания низшей поместной администрации, тоже следует отметить и в § 26; § 27, запрещая постой в королевских поместьях, возлагает на графа обязанность заботиться об обеспечении всем необходимым послов во время их путешествия.

Повидимому, Капитулярный представляет собой сводку ранее изданных постановлений по делам королевских поместий; сводку, которая была составлена в королевской канцелярии не только для удобства управления этими поместьями, но и для проведения определенной, классово устремленной политики по отношению к крестьянству, проживавшему на королевских землях.

Значение Капитулярия как исторического источника определяется теми свидетельствами, которые он содержит о некоторых важнейших сторонах производства, базиса и надстройки феодального строя в конкретных исторических условиях западно-европейского раннего средневековья. Правомерность трактовки Капитулярия как источника для изучения раннесредневекового феодального поместья находит основу в самом тексте памятника, который рассматривает внутренние отношения в королевском поместье следующим образом: «...Все, что надлежит иметь человеку в своем доме, и в своих поместьях, нашим управляющим надлежит иметь в наших поместьях»⁶².

Именно эти общие черты раннесредневекового поместья, засвидетельствованные Капитулярием, и представляют наибольший интерес в памятнике.

Сочетание данных «Капитулярия о поместьях» и «Образцов описей земель церковных и королевских» позволяет в известной степени судить о характере и уровне производства в крупном феодальном поместье раннего средневековья. Это тем более существенно, что письменные свида-

тельства даже по ведущей отрасли производства в раннее средневековье — сельскому хозяйству — весьма скудны⁶³.

Хозяйство, которое отображено в Капитулярии, представляет комплекс таких производственных отраслей как полеводство, луговое хозяйство, огородничество, животноводство во всех его видах, рыболовство, домашняя промышленность⁶⁴. Ведущее место принадлежало полеводству — культивированию зерновых хлебов. Об этом говорит все содержание Капитулярии. В частности, это видно из предписания, касающегося итоговой сводки поместных доходов⁶⁵. Из зерновых злаков Капитулярий конкретно называет, однако, только просо⁶⁶, но образцы описей говорят, кроме того, о разведении пшеницы, ржи, ячменя, полбы, овса⁶⁷. Из числа технических культур на первое место необходимо поставить лен⁶⁸. Как и другие источники VIII—IX вв., прежде всего полиптики и картулярии, Капитулярий о поместьях свидетельствует о производившихся расчистках леса под пашню⁶⁹. О полевой системе, существовавшей в королевских поместьях, ни Капитулярий, ни Образцы описей не содержат определенных данных⁷⁰.

Образцы описей дают сведения об урожайности ряда хлебов в некоторых королевских поместьях⁷¹. Скотные танные могут быть представлены в следующем виде⁷²:

Наименование зерновых культур	Валовой сбор в модиях	Израсходовано на посев	Размер урожая
Пшеница	100	60	Сам $1\frac{1}{2}$
Рожь	258	198	Сам $1\frac{1}{3}$
Ячмень	2250	1400	Сам $1\frac{5}{4}$
Овес	1000	600	Сам $1\frac{1}{2}$

При всей отрывочности данных об урожайности, которую дают «Образцы описей», нельзя не констатировать, что они находятся в определенном соответствии со всем комплексом наших сведений об уровне развития полеводства в раннее средневековье. Они, несомненно, являются прямым свидетельством низкой производительности труда в ведущей отрасли хозяйственной деятельности того времени.

«Капитулярий о поместьях» и «Образцы описей» указывают на значительное количество скота, содержавшегося при барских дворах крупных поместий, часть этого скота использовалась в качестве тягловой силы при обработке доменной запашки⁷³. Однако, несомненно, что в основном доменная запашка обеспечивалась тягловой силой за счет скота зависимых крестьян поместья⁷⁴.

Зависимость барского хозяйства от экономических ресурсов крестьянских хозяйств обнаруживается также из того, что обработка доменной запашки осуществлялась крестьянским инвентарем. Общеизвестен тот факт, что земледелие VIII—IX веков было плужным. Тем не менее ни в Капитулярии о поместьях, ни в Образцах описей мы не встречаем упоминания о плугах и боронах. Автор Капитулярии, проявляющий значительное внимание к обеспечению барских дворов рабочим инвентарем⁷⁵, ничего не говорит об этих основных орудиях труда. В свою очередь Образцы описей также обходят их молчанием. Очевидно, это происходит не потому, что наличие плугов на барских дворах было само собой разумеющимся делом, — составители описей тщательно перечисляют все орудия труда, которые они нашли в том или другом поместье, — но потому, что плуги являлись принадлежностью крестьянских

хозяйств, обязанных барщинными повинностями по обработке доменiallyной запашки. Лишь при таком решении вопроса становится понятным инвентарный раздел описей. Вообще в нем обращает на себя внимание крайняя ограниченность количества земледельческих орудий. Так, в Штаффельзее, крупном поместье Аугсбургского епископства, на 1240 югеров пашни и обширные луга, с которых можно было собрать 610 возов сена, на барском дворе имелось в наличии лишь 17 кос и 10 серпов⁷⁶. В королевском поместье Гаснапе было только 2 косы, 2 серпа и 1 кирка⁷⁷. Еще в одном, не названном по имени королевском поместье, при составлении описи было обнаружено 2 косы, 3 серпа, 2 лопаты и 2 кирки⁷⁸. Очевидно, что такого количества орудий земледельческого труда хватало только на обеспечение таких нужд, как обработка сада и огорода, находившихся при барском дворе, но ни в коем случае не для осуществления сельскохозяйственных работ во всем их объеме на доменiallyной земле.

Следует заметить, что ограниченность количества орудий труда, на ходившихся в барских дворах, констатируется в равной степени по Образцам описей и применительно к ремесленному инвентарю. Уже из Капитулярия видно, что такого инвентаря в поместьях не хватало, его приходилось занимать и поэтому управляющим предписывается заботиться о пополнении ремесленных инструментов⁷⁹. Сведения о ремесленных инструментах в Образцах описей весьма показательны. В Штаффельзее было 17 долотов и 7 топоров, в Гаснапе — 2 топора, 1 долото, 2 сверла, 2 колуна, 1 рубанок большой и 1 рубанок малый, 1 нож. Таковы же, примерно данные о ремесленных орудиях труда и по другим королевским поместьям⁸⁰.

Таким образом, свидетельства источников с достаточной ясностью показывают несостоятельность утверждений буржуазной историографии о роли крупного поместья раннего средневековья как носителя и организатора производственного прогресса. Они совершенно определенно опровергают, например, тезис Инамы-Штернегга о том, что «все успехи в области техники и экономики производства восходят к вотчине»⁸¹. В «Очерках европейского культурного развития» к этому тезису близок Допп, где им превозносятся крупное поместье за наилучшую организацию и использование рабочей силы, находившейся в его распоряжении⁸². Белов, не менее Доппа стремившийся скрыть реакционную сущность своих построений за шумным прокламированием борьбы против отсталости вотчинной теории, на деле также недалеко от Инамы в оценке исторического значения крупного поместья. «Возникновение крупных вотчин, — утверждает Белов, — содействовало культурному развитию, поскольку вместе с этим осуществлялась имущественная дифференциация, на которой основывается прогресс культуры. Так как тогда состояние заключалось преимущественно в земельном владении, то имущественная дифференциация могла быть в сущности лишь дифференциацией в землевладении. Неравенство в распределении земли является неотъемлемым орудием всего технического и духовного прогресса»⁸³. По мнению Белова, крестьяне при проведении внутренней колонизации получали от вотчины всю необходимую сельскохозяйственную технику⁸⁴.

Свидетельства источников раннего средневековья целиком подтверждают ту характеристику уровня развития производства при феодальном строе, которая дана в трудах классиков марксизма-ленинизма. Они указывают на правильность положения Ф. Энгельса о качественном своеобразии средств труда в средние века.

«Средства труда — земля, земледельческие орудия, мастерские, ремесленные инструменты — были средствами труда отдельных лиц, рассчитанными лишь на индивидуальное употребление, и, следовательно, по не-

обходимости оставались мелкими, карликовыми, ограниченными. Но и к тому-то они, как правило, и принадлежали самому производителю»⁸⁷.

Такое состояние средств труда было одним из коренных условий рутинности и однообразия земледельческого хозяйства, местной замкнутости и раздробленности крестьянства, оно определяющим образом сказывалось и на характере воспроизводства при феодализме.

«Законом докапиталистических способов производства, — говорит В. И. Ленин, — является повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем основании: таково барщинное хозяйство помещиков, натуральное хозяйство крестьян, ремесленное производство промышленников»⁸⁶.

Данные «Капитулярия о поместьях» и «Образцов описей» представляют собой яркую иллюстрацию к этому положению В. И. Ленина: достаточно вспомнить сведения о размерах урожайности, чтобы убедительно осмыслить неизбежность господства простого воспроизводства в условиях крупного поместья раннего средневековья.

Необходимо помнить, что для В. И. Ленина застойность, рутинность производства, низкий уровень техники являлись не только условием, но вместе с тем и следствием феодальной эксплуатации трудящихся. Характеризуя барщинное хозяйство, В. И. Ленин пишет, что «.. условием и следствием описываемой системы хозяйства было крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой»⁸⁷. Из этого следует весьма важный методологический вывод о задерживающем влиянии на развитие производства феодальной эксплуатации крестьянства, а, следовательно, и ее носителя — феодального поместья.

Данное положение относится ко всей эпохе, на протяжении которой в той или иной стране существует феодальный строй.

Применительно к истории феодализма в России по рассматриваемому вопросу имеется вполне определенное указание В. И. Ленина:

«Отработочная система хозяйства безраздельно господствовала в нашем земледелии со времен «Русской Правды» и вплоть до современной обработки частновладельческих полей крестьянским инвентарем; необходимым спутником ее была забитость и одичалость земледельца, приниженного если не крепостным, то «полусвободным» характером его труда»⁸⁸.

Рассмотренные выше данные источников со всей очевидностью говорят о том, что в крупном феодальном поместье раннего средневековья, так же, как и в любом поместье, в котором господствует отработочная система, крестьяне обрабатывали барскую запашку своим инвентарем и своим рабочим скотом. В этом проявляется и эксплуататорская сущность феодального поместья, и его неспособность быть носителем производственного прогресса в условиях средних веков.

Одним из существеннейших вопросов социально-экономической истории раннесредневекового общества, разрешаемом в известной мере и в материале «Капитулярия о поместьях», является проблема натурального характера производства в крупном феодальном поместье.

Дискредитация Допшем значимости свидетельств Капитулярия для экономической истории средневековья имела одной из своих задач отрицание натурального характера хозяйства в эту эпоху. «Земля вовсе не была покрыта, «как в первый день творения», серней вилликаций, которые были в состоянии удовлетворить свои потребности собственной продукцией в замкнутом домашнем хозяйстве», — заявляет Допш, подводя итоги своей трактовке экономических отношений каролингского периода⁸⁹. Почти вся вторая часть «Хозяйственного развития каролингской эпохи»

посвящена вопросам ремесла, торговли, денежных отношений, и во всех случаях Допш, как правило, игнорирует данные «Капитулярия о поместьях», поскольку для него они «должны быть почти совершенно исключены при решении этих вопросов»⁹⁰.

Свою концепцию развитого товарно-денежного хозяйства при Каролингах Допш стремится создать с помощью тенденциозно-истолкованных и разрозненных цитат, взятых из различных источников. Внешне многообразие доказательств должно придать видимости солидности и убедительности его вульгарно-модернизаторским выводам об извечности наемного труда и всех иных атрибутов капиталистических отношений⁹¹. Памятники, подобные «Капитулярию о поместьях», естественно, «не устраивают» Допша, так как их обильные и взаимосвязанные данные находятся в прямом противоречии с допшианскими конструкциями⁹².

Попытку применить монографический метод исследования наиболее известных источников раннего средневековья, руководствуясь допшианской методологией, была предпринята Д. М. Петрушевским в «Очерках из экономической истории средневековой Европы». Подвергнув последовательно рассмотрению «Капитулярий о поместьях», «Образцы описей» и «Полиптик аббата Ирминона», Петрушевский заявляет о неприменимости категории натурального хозяйства к крупному поместью раннего средневековья. «Несомненно, — пишет Петрушевский, — вотчинное хозяйство и хозяйство зависимого от вотчины крестьянства участвовали в меновом обороте, и говорить об их чисто потребительских задачах возможно лишь в том случае, если мы, находясь под гипнозом общепринятой концепции, заглушим в себе способность реально и конкретно представлять себе ту хозяйственную действительность, какую рисуют нам памятники эпохи»⁹³.

Война, которую Допш и Петрушевский ведут против представления о натуральном характере хозяйства раннего средневековья, стремление ниспровергнуть самые термины «натуральное хозяйство» и «денежное хозяйство»⁹⁴ в конечном счете имеют своим результатом лишь приведение отдельных примеров несостоятельности бюхеровского понимания натурального хозяйства.

Натиск буржуазной историографии на категорию натурального хозяйства в исторической науке ни в коей мере неспособен поколебать марксистско-ленинского положения о натуральном характере производства при феодализме. Марксистское понимание натурального хозяйства не имеет ничего общего с вульгарно-буржуазным представлением натурального хозяйства и Бюхером и Допшем как хозяйства, которое ничего не покупает и ничего не продает.

Первостепенное значение для марксистского понимания натурального характера хозяйства в средние века имеет «Капитал» Карла Маркса, где исчерпывающе раскрыта сущность этой экономической категории. Для Маркса натуральный характер производства при феодальном строе органически связан с тем, что продукты труда не принимают форму стоимости и соответственно прибавочный продукт не выступает в форме прибавочной стоимости⁹⁵. Натуральный характер служб и повинностей непосредственного производителя в пользу феодального собственника не может не закреплять натурального характера всей экономики.

Исследуя феодальную ренту и формы ее развития, Маркс дал классическую формулировку сущности натурального хозяйства:

«...Условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта»⁹⁶

Следовательно, для Маркса определяющим моментом натурального хозяйства является не наличие или отсутствие обмена, а характер производства, который и определяет собой уровень обмена. Наличие обмена и даже некоторых товарно-денежных отношений не может служить основанием для отрицания натурального характера хозяйства средневекового феодала или средневекового крестьянина.

Коренным условием существования натурального хозяйства Маркс считает соединение в одном хозяйстве земледельческого труда с ремесленным трудом при подчинении первому второго⁹⁷.

В трудах В. И. Ленина дана дальнейшая разработка марксистского понимания натурального хозяйства. В. И. Ленин особо подчеркнул натуральный характер производства в барском и в крестьянском хозяйстве:

«При натуральном хозяйстве общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, феодалных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добычи разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению»⁹⁸.

Весьма важное значение имеет указание В. И. Ленина на застойность уровня производства при натуральном хозяйстве. «При старых способах производства, — пишет В. И. Ленин, — хозяйственные единицы могли существовать веками, не изменяясь ни по характеру, ни по величине, не выходя из пределов помещичьей вотчины, крестьянской деревни или небольшого окрестного рынка для сельских ремесленников и мелких промышленников (так называемых кустарей)»⁹⁹. Таким образом, В. И. Ленин устанавливает, что наличие небольшого рынка для той или иной округи еще не означает уничтожения натурального характера хозяйства вообще.

Рассмотрение свидетельств «Капитулярия о поместьях» дает возможность конкретно представить отношения, присущие натуральному хозяйству в условиях раннего средневековья. Свидетельства Капитулярия полностью подтверждают ленинское положение о том, что «...крепостное поместье должно было представлять из себя самодовлеющее замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром»¹⁰⁰.

Перечень доходных статей, по которым королевский управляющий должен давать ежегодный отчет, с полной очевидностью говорит о том, что основой хозяйства поместья являются натуральные службы и повинности зависимых людей различных категорий¹⁰¹. Эти натуральные повинности и службы указываются с большими подробностями и охватывают все возможные для того времени сферы хозяйственной деятельности земледелие во всех его разновидностях, огородничество и садоводство, лесное хозяйство, птицеводство и пчеловодство, рыболовство и т. д., а также разнообразные отрасли ремесленной деятельности. Даже если считать перечень § 62 выражением желаемого, а не действительно существовавшего в поместье многообразия производственной деятельности, то и в этом случае он является отчетливым выражением тенденции к хозяйственному самодовлению. Эта тенденция проходит красной нитью почти через все параграфы Капитулярия. Замкнутый характер экономики крупного поместья, как мы видим, находит свое выражение в том, что по Капитулярию прибавочный продукт, получаемый собственником поместья, охватывает продукты не только земледельческого, но и ремесленного труда.

Первостепенное значение имеет выяснение вопроса, насколько условия воспроизводства содержатся в самом хозяйстве поместья. Дан

ные Капитулярия с полной очевидностью отвергают всякое предположение о применении наемного труда в барском хозяйстве: ни одно из предписаний памятника не дает ни прямых, ни косвенных свидетельств в пользу такого предположения. Равным образом из Капитулярия не возможно извлечь никаких свидетельств в приобретении вне пределов поместья орудий труда или рабочего скота. Все это дает основание считать, что решающие условия хозяйственной деятельности королевского поместья воспроизводились в нем самом, без того, чтобы возникала необходимая связь с внешним миром. Иными словами, производственная деятельность барского двора зависела от использования экономических ресурсов подчиненных ему крестьянских хозяйств, но не зависела от общественного разделения труда вне пределов поместья. Капитулярий содержит группу параграфов, говорящих об использовании валовой продукции поместья. Эти предписания прямо указывают на натуральный характер использования основной массы валового продукта: § 30 говорит о поставках продуктов к королевскому двору и о поставках на военные нужды; § 31 говорит об обеспечении зависимых людей, живущих на содержании барского двора, и о снабжении всем необходимым подсобных мастерских при барском дворе; § 33 предполагает, что в продажу поступает лишь та часть урожая, которая будет в остаток после выполнения поставок к королевскому двору и удовлетворения всех внутренних нужд поместья, в том числе и обеспечения барского хозяйства семенами, причем продажа остатка прибавочного продукта вовсе не является обязательной — он может сохраняться в поместьях в качестве запаса¹⁰².

Во всем Капитулярии лишь в § 32 имеются данные, которые в известной степени могут быть истолкованы в смысле наличия некоторой связи между процессом воспроизводства в поместье и рынком¹⁰³. Однако § 32 только предполагает возможность приобретения на рынке семян улучшенного качества, но совсем не говорит об обязательности такой покупки. Следует заметить, что в «Образцах описей» нигде нет упоминания о покупке семян и прямо предполагается выделение семенного материала из валового продукта хлебов поместья¹⁰⁴.

Капитулярий позволяет говорить о наличии известных элементов денежных отношений в пределах поместья и о существовании некоторых рыночных связей: покупка и продажа вина барским двором¹⁰⁵, продажа кур и яиц, собранных с крестьян-держателей¹⁰⁶, продажа ил-лишней рыбы, содержащейся в садках для нужд королевского двора¹⁰⁷, поступления от рыночных пошлин¹⁰⁸, ежегодная доставка королю денежных доходов с поместья¹⁰⁹. Таким образом, некоторые элементы товарных отношений, существовавшие в известной степени в раннем средневековье, обслуживали феодальное поместье, но не затрагивали натурального характера производства в нем.

Против переоценки веса товарно-денежных отношений достаточно определенно говорит § 4 Капитулярия, в котором вполне определенно указывается, что судебные штрафы, выраженные в денежных единицах, взимались в натуральной форме.

Все свидетельства о товарно-денежных отношениях не могут поколебать утверждения о натуральном характере хозяйства поместья, поскольку они не опровергают основных, определяющих признаков господства натурально-хозяйственных отношений:

- 1) Условия воспроизводства имеются налицо в самом поместье.
- 2) Процесс производства основан на соединении земледельческого труда с ремесленным.
- 3) Производство необходимого и прибавочного продукта не выступает как процесс созидания стоимости.

Необходимой чертой всякого натурального хозяйства по Марксу является соединение земледельческого труда с ремесленным. В работах сторонников вотчинной теории признается тот факт, что в крупном феодальном поместье при Каролингах осуществлялось сочетание земледельческого труда с ремесленным: все потребности поместья удовлетворялись за счет собственных экономических ресурсов. Но для сторонников вотчинной теории центром ремесла в поместье был барский двор, который представлял собой носителя всего развития ремесленного производства. Так, по мнению Инамы, развитие техники ремесла осуществлялось лишь на барских дворах крупных королевских, церковных и светских поместий. Представители вотчинной теории стремятся упорно доказать обеспеченность барского двора всеми необходимыми ремесленными изделиями за счет вотчинных ремесленников, занятых целиком обслуживанием этого хозяйства¹⁰. В начале XX века критики вотчинной теории из лагеря буржуазной историографии (в особенности Белов и Койтген) не только настаивали на существовании ремесленного производства вне пределов барского двора, но и утверждали наличие широко развитого самостоятельного ремесла, производящего на рынок. Так, например, мнение Белова, ссылавшегося для его подтверждения на тот факт, что большинство рыцарей покупало свои мечи на рынке¹¹. Законченную формулировку этой псевдонаучной концепции дал Допш, для которого при Каролингах ремесленная продукция шла не только на внутренний рынок, но даже в массовом масштабе и на экспорт¹².

Тезис об исконности всех форм производства, выражающий столь типичное для буржуазной историографии периода империализма стремление «убедить» в извечности капитализма, — вот исходная посылка той критики, которой Белов, Допш и их последователи сочли нужным подвергнуть трактовку вотчинной теории ремесла раннего средневековья. Именно в этом следует усматривать главную сущность их критики взглядов Инамы-Штернегга на характер ремесленного производства по «Капитулярию о поместьях».

Когда, например, Д. М. Петрушевский в «Очерках из экономической теории средневековой Европы» дает критику взглядов вотчинной теории на характер и организацию ремесла по данным Капитулярия, то это является у него лишь одним из аргументов для обоснования тезиса об извечности капитализма: «...Мы имеем такое же основание, — заявляет Петрушевский, — говорить о вотчинном капитализме средних веков, как и об аграрном капитализме последних веков римской республики и первых веков империи или о современном капитализме, как ни различна социальная обстановка в каждом из этих случаев капиталистического развития»¹³.

Для советской медиевистики совершенно очевидна полная неприемлемость и ненаучность как взглядов сторонников вотчинной теории, так и последователей Белова—Допша на раннесредневековое ремесло вообще и на ремесло, засвидетельствованное в частности Капитулярием о поместьях. Это убедительно показано в статьях Ю. А. Корхова «Догородское ремесло» и И. С. Макарова «К вопросу об организации ремесла во французском поместье эпохи Каролингов».

Таким образом, Капитулярий о поместьях — один из важных источников раннего средневековья, позволяющий на значительном фактическом материале рассмотреть одну из существеннейших черт феодального способа производства — господство натурального хозяйства.

Свидетельства Капитулярия позволяют также привлечь значительный материал и для изучения других основных черт феодального способа производства в условиях раннего средневековья. Они позволяют

сделать ряд наблюдений по истории крестьянства во Франкском государстве на рубеже VIII и IX вв.

Ф. Энгельс в письме к К. Марксу от 16 XII 1882 г. обратил внимание на важный факт в истории средневекового крестьянства: существование множества степеней зависимости и крепостничества¹¹⁴. Это многообразие следует рассматривать как порождение раздробленности крестьянства в средние века. Именно так ставит вопрос В. И. Ленин, когда он говорит о докапиталистических отношениях в деревне: «В неразрывной связи с этой раздробленностью производства стояла раздробленность самих земледельцев»¹¹⁵. Для В. И. Ленина в России лишь развитие капитализма в сельском хозяйстве в пореформенный период уничтожало многообразные средневековые деления крестьянства:

«Капитализм впервые сломал эти чисто средневековые перегородки, — и прекрасно сделал, что сломал. Уже теперь различия между разрядами крестьян, между категориями их по надельному землевладению оказываются несравненно менее важными, чем экономические различия внутри каждого разряда, каждой категории, каждой общины»¹¹⁶.

Таким образом, раздробленность крестьянства, одним из выражений которой являлось многообразие степеней зависимости, в условиях средних веков не было только внешним фактом. Ее нельзя рассматривать как нечто мало существенное в истории средневекового крестьянства. Складывание класса крепостного крестьянства как класса непосредственных производителей, находящегося в непримиримо антагонистических отношениях к классу феодальных собственников, не было единовременным актом; совершившимся на протяжении двух-трех десятилетий в единообразной форме.

Уже в период генезиса феодализма складываются разнообразные формы крепостничества и личной зависимости, которые, видоизменяясь, продолжали существовать в период развитого феодализма.

«Капитулярий о поместьях», дающий картину сложившегося крупного феодального поместья, которое основывается на эксплуатации труда крепостных крестьян в широком смысле слова, вместе с тем свидетельствует о сложности структуры этого класса. Именно поэтому Капитулярий применяет многообразную терминологию для обозначения непосредственных производителей в королевских поместьях.

Таковыми терминами в Капитулярии выступают: *familia nostra*¹¹⁷, *franci, qui in fiscis aut villis nostris commanent*¹¹⁸, *servi*¹¹⁹, *provendarii*¹²⁰, *mansuarii*¹²¹, *fiscalini, liberi*¹²², *ingenui*¹²³, *tributarii*¹²⁴, *mancipia*¹²⁵.

Некоторые из приведенных терминов явно не могут быть рассматриваемы в качестве обозначений особых юридических категорий зависимости. Так, несомненно, обстоит дело с термином «*provendarii*», который представляет обозначение дворовых холопов, находящихся на содержании барского двора, и который покрывается более широким термином «*mancipia*».

Последний термин в источниках раннего средневековья применяется прежде всего для обозначения людей рабского состояния, часто передаваемых по дарственным грамотам без земли¹²⁶. В Капитулярии *mancipia* выступают именно как несвободные, приобретаемые с целью превращения в крестьян-держателей вотчинных наделов (мансов)¹²⁷.

В превращении *mancipia* из дворовых холопов в крепостных мансариев можно усматривать проявление одной из закономерностей становления феодального строя, раскрытой И. В. Сталиным: «Новые производительные силы требуют, чтобы у работника была какая-нибудь инициатива в производстве и склонность к труду, заинтересованность в труде. Поэтому феодал покидает раба, как не заинтересованного в труде и совершенно инициативного работника, и предпочитает иметь»

дело с крепостным, у которого есть свое хозяйство, свои орудия производства и который имеет некоторую заинтересованность в труде, необходимую для того, чтобы обрабатывать землю и выплачивать феодалу натурой из своего урожая»¹²⁸.

Аналогично обстоит дело с сервами в нашем источнике. Было бы неправильно понимать термин «*servus*» во всех частях Капитулярия просто как «раб». Если в § 23 серв может быть осмыслен как холоп, труд которого используется для перевозки продуктов из поместья к королевскому двору, то в § 29, предписывающем управляющему следить за тем, чтобы зависимые люди поместья (в широком смысле слова)¹²⁹ не возбуждали судебных дел перед королем или посредничество управляющего поместьем, термин «*servus*» выступает как сидящий на наделе крепостной. Точно так же может быть осмыслен серв в § 57, в то время как в § 52 он вновь отличается и от фискалина, и от свободных, проживающих в королевских поместьях.

Как *mancipia*, так и *servi* Капитулярия выступают людьми, к которым полностью относится положение Энгельса о том, что крепостничество IX--XI веков «... собственно являлось продолжением древнегерманского рабства...»¹³⁰. Однако, факт ипомещения их на крепостные наделах-мансах, засвидетельствованный в нашем источнике, имеет немаловажное значение и получает более яркое освещение при сопоставлении с другими документами того же времени.

Материалы картуляриев и других источников дают возможность проследить процесс постепенного складывания собственности крепостных крестьян, ведущих свое происхождение от дворовых холопов, «... и орудия производства и на свое частное хозяйство, основанное на личном труде»¹³¹.

Известно, что Салическая правда рассматривает серва-раба в принципе как вещь, принадлежащую господину и в ряде случаев приравнивает его к животному¹³². Однако § 1 титула XII предполагает, что при краже, совершенной сервом, последний не только возвращает похищенное, но и возмещает убытки¹³³.

Следовательно предполагается наличие у серва известного имущества, за счет которого и происходит такое возмещение. Второй параграф того же титула предполагает возможность для раба, совершившего кражу на сумму свыше 40 денариев, уплатить значительный штраф в размере 6 солидов¹³⁴. Параграф 2 титула XXXV говорит об ограблении свободных серва на сумму свыше одного солида¹³⁵. Таким образом, уже для времени возникновения первой редакции Салической правды, есть возможность констатировать наличие личного имущества у серва; есть основание предполагать, что здесь перед нами в зародышевой форме выступает собственность позднейших сервов-крепостных.

По данным Фульдского картулярия можно установить ряд фактов, когда *servi* и *mancipia* выступают не просто в качестве несвободных людей, посаженных на землю, но и как обладатели некоторого права собственности на свое частное хозяйство. В 792 г. некий Вольфбальд передавал в собственность монастырю четырнадцать несвободных вместе со всем ими приобретенным имуществом¹³⁶. Равным образом другой традент, передавая в 796 году 47 несвободных, говорит, что вместе с ними передается и их имущество¹³⁷. В 806 году Мегингиз традировал два крепостных надела, двух сервов, отца и сына, которые, очевидно, сидели на них в качестве крепостных держателей; традент специально оговаривает, что сервы передаются вместе с их имуществом¹³⁸. Весьма показательна одна из грамот 775 г., по которой традент передает монастырю всю свою собственность, состоящую из двух сервов с их имуществом, причем как собственность традента -- господина, так и иму-

щество его несвободных обозначается одним и тем же термином «*labores*». Следует заметить, что по грамоте и традент, и его сервы после оформления данного акта могут приобрести дополнительное имущество, обозначаемое тем же термином «*labores*»¹³⁹.

В Картулярии австрийского монастыря Михаила Архангела в грамотах, относящихся к VIII веку, весьма определенно выступает тот же, отмеченный нами на фульдском материале факт личной собственности крепостных-сервов. В одной из них идет речь о серве, передаваемом вместе с наделом-гуйфой и своим имуществом¹⁴⁰, в другой говорится о передаче сервов с их домами и всем тем, что они имеют на сегодняшний день¹⁴¹, в третьей речь идет о серве, его земле и всем том, чем он владеет в момент традирования¹⁴².

Аналогичный материал содержит одна из древнейших частей Зальцбургского картулярия, *Breves Notitiae*, дающая описание дарений VIII века. Здесь в ряде случаев имеются указания об имуществе сервов, передаваемом вместе с ними церкви¹⁴³.

Классовая сущность рассмотренных выше фактов сводилась к становлению феодальной формы эксплуатации трудящихся, вытеснявшей пережитки рабовладения. Было бы глубоко ошибочным видеть в них известную гарантию от тяжести феодальной эксплуатации. Напротив, хозяйство крестьянина, объект его личной собственности, было как раз условием этой эксплуатации.

Личная собственность крестьянина по сравнению с феодальной собственностью является собственностью неполноценной, занимающей подчиненное положение, поскольку крестьянское хозяйство ведется не на земле, ему принадлежащей, а на земле феодала. Коренное условие ведения крестьянином личного хозяйства — земля — во всех рассмотренных нами документах, и в Капитулярии о поместьях, и в различных дарственных грамотах выступает как объект феодальной собственности. В условиях IX века феодальные собственники ревниво следили за тем, чтобы зависимые крестьяне не распоряжались наделами-мансами, не отчуждали их в какой-либо форме. Весь приведенный выше картулярный материал говорит о том, что поскольку сама личность крепостного была объектом феодальной собственности, постольку личное хозяйство крестьянина — вместе с ним самим передавалась феодальными собственниками из рук в руки.

В начале IX века законодательство Карла Великого стремилось к ограничению права распоряжения королевскими крепостными своим личным имуществом. *Capitulare missorum* от 803 года запрещает им отчуждать что-либо из своего имущества людям, находящимся вне сферы личного подчинения их господину¹⁴⁴.

Буржуазные фальсификаторы истории, прежде всего Дош и его последователи, с особым усердием рисуют радужную картину «социального подъема несвободных», совершающегося в результате превращения дворовых холопов в крепостных крестьян. Они не желают при этом вспоминать об упорно игнорируемом им факте революционного уничтожения рабовладельческого строя на рубеже истории древнего мира и средних веков, без которого в последующие столетия было бы невозможно изживание пережитков рабства. Трагедия о благодетельности превращения дворовых холопов в крепостных, они пытаются выставить это превращение в качестве «компенсации» процесса закрепощения свободных¹⁴⁵. Они умалчивают о том, что именно свободные крестьяне-общинники в процессе генезиса феодализма превратились в основную массу крепостного крестьянства в широком смысле слова.

Как известно, Энгельс в своих исследованиях происхождения феодализма на примере истории франков неоднократно указывал на этот

факт «Между римским коловом и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин», — писал он в «Происхождение семьи, частной собственности и государства»¹⁴⁶. Используя данные полиптика аббата Ирминона, Энгельс в работе «Франкский период» вновь отмечает, что большинство крепостных во Франции вело свое происхождение не от посаженных на землю рабов, а от закрепощенных франков, ранее бывших свободными крестьянами¹⁴⁷.

Содержание «Капитулярия о поместьях» не дает возможности установить факт превращения свободных в крепостных-сервов, но процесс втягивания ранее лично свободного крестьянства в сферу феодальной эксплуатации засвидетельствован им с достаточной определенностью. Указание § 4 на свободных «франков», проживающих в феодальных поместьях короля, говорит об этом. О том, что такие свободные являются объектом феодальной эксплуатации можно видеть из § 62, в котором поступления от них рассматриваются в качестве составной части доходов королевского феодального поместья¹⁴⁸. Капитулярий знает свободных, вынужденных служить конюхами в королевских поместьях и жить за счет земельных наделов, полученных из фонда поместья¹⁴⁹. Среди доходов от королевских поместий § 62 Капитулярия упоминает поступления от трибутариев; их платежи в тексте памятника совершенно определенно отличаются от оброка, уплачиваемого крепостными мансурями. В трибутариях можно усматривать свободных людей, сидящих на некогда собственной аллодиальной земле, а теперь уже являющейся в известной степени объектом феодальной собственности¹⁵⁰.

Все сказанное выше дает основание установить, что крупное феодальное поместье короля втянуло в сферу феодальной эксплуатации людей юридически различных состояний, причем отличие этих степеней зависимости в нашем источнике определяется незавершенностью феодализационного процесса в той среде, где существует и растет это поместье.

Какое влияние оказывает крупное феодальное поместье на втягиваемых в его состав лично свободных людей? Капитулярий прямо указывает на установление отношений зависимости, на ущемление той личной свободы, которой располагал свободный франк-аллодист. Это касается, прежде всего, политической подвластности таких свободных. Они уже не подсудны обычным судебным органам. Все лица, проживающие в пределах феодального поместья короля, подсудны в принципе управляющему данным поместьем, независимо от степени личного подчинения¹⁵¹.

Вместе с тем Капитулярий дает основание прийти к тому выводу, что лично свободные, попавшие в сферу феодальной зависимости королевского поместья, еще не слились формально с лично несвободными крестьянами¹⁵². Об этом говорит противопоставление совокупности лично несвободных, обозначаемых термином *familia nostra* свободным, но зависимым *franci*¹⁵³. Однако несомненно, что первые и вторые определенно сближаются в своем фактическом положении. В дальнейшем они выступают в источниках под одним общим обозначением *familia*, которое, таким образом, служит термином, обозначающим класс крепостных крестьян в широком смысле слова¹⁵⁴.

Наличие у управляющего королевским поместьем судебных полномочий над населением разных степеней зависимости представляет собой выражение внеэкономического принуждения, укреплявшего экономическую власть короля — феодального собственника.

«Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, — пишет В. И. Ленин, — то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Не-

«обходимо, следовательно, «внеэкономическое принуждение», как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим»¹⁵⁵ Только внеэкономическое принуждение превращало возможность получения феодальной ренты в действительную феодальную ренту. Последняя представляла собой материальную реализацию права феодальной собственности. Феодальная собственность без своего выражения в феодальной ренте просто немыслима. Для феодала его право на землю и личность крестьянина в конечном счете имеет смысл лишь постольку, поскольку оно давало ему в том или другом виде феодальную ренту. Осуществление феодалом своей собственности над личностью крестьянина-производителя и представляет собой внеэкономическое принуждение, оно выражается, утверждается и оформляется в известных правоотношениях, на страже которых стоят все институты феодального государства. В условиях раннего средневековья феодал и его поместная администрация осуществляли функцию внеэкономического принуждения прежде всего через судебную-полицейскую власть, в той или иной степени принадлежавшую феодальному собственнику над различными категориями зависимых от него непосредственных производителей.

Едва ли будет ошибкой сказать, что в раннем средневековье институты судебной-полицейской власти феодальных собственников являлись основным орудием осуществления внеэкономического принуждения. Причем эти институты не только осуществляли внеэкономическое принуждение, но и способствовали расширению сферы феодальной эксплуатации, содействовали становлению феодального строя. Они выступают в качестве важнейшего элемента феодальной надстройки, порождаемой феодальным базисом и активно помогающей ему восторжествовать как над пережитками первобытно-общинного уклада, так и над остатками рабовладельческого уклада. «Надстройка для того и создается базисом, чтобы она служила ему, чтобы она активно помогала ему оформиться и укрепиться, чтобы она активно боролась за ликвидацию старого оживающего свой век базиса с его старой надстройкой», — говорит И. В. Сталин¹⁵⁶.

В период становления феодализма, так же как и на всем протяжении средних веков, аппарат поместной власти, являвшийся носителем внеэкономического принуждения, постоянно разрешал задачу подавления классового сопротивления крестьянства феодальной эксплуатации.

Предписания «Капитулярия о поместьях» дают конкретное представление о единстве в феодальном поместье функций хозяйственного управления с функциями внеэкономического принуждения¹⁵⁷.

Требование, чтобы глава поместной администрации регулярно проводил судебные заседания, прямо мотивируется соображениями поддержания дисциплины среди непосредственных производителей¹⁵⁸. Это означает, прежде всего, аккуратное выполнение зависимыми людьми всех феодальных повинностей, среди которых на первом месте стоит барщина. Наблюдение за тем, как она выполняется, особо поручается заботам управляющего, так как, очевидно, факты уклонения от барщинных повинностей и отсутствие требуемого усердия были обычным явлением¹⁵⁹. Издатель Капитулярия требует от поместной администрации выжимания прибавочного труда, и при запрещении феодально-зависимому населению поместья обращаться с жалобами непосредственно к королю, мотивирует это следующим образом: «... Не надо допускать, чтобы дни, предназначенные для работы, в праздности пропадали»¹⁶⁰.

Капитулярий содержит достаточно данных о том, что покушения на феодальную собственность со стороны феодально-эксплуатируемого крестьянства были повседневной действительностью в королевских по-

местях. Пресечение их -- важнейшая обязанность аппарата местной власти¹⁶¹.

Эти предписания Капитулярия могут быть поняты лишь при учете той напряженной классовой борьбы, которая происходила в империи Карла Великого. В самом тексте памятника мы находим лишь глухие отзвуки этой борьбы, но другие источники того времени убедительно показывают, что становление феодализма происходило в обстановке острейших битв между формирующимися классами феодального общества.

Одной из постоянных тем каролинского законодательства является борьба против уклонения крепостного и зависимого крестьянства от феодальных повинностей и борьба против побегов крепостных от своих господ. Второй Мантуанский капитулярный Карла Великого 787 года говорит о том, что барщинные повинности стали в некоторых местностях причиной крайнего угнетения крестьян, из-за которого «многие разбежались от господ и патронов своих и земли их запустели»¹⁶². В Итальянском капитулярии 801 года Карл предписывает выдачу беглых сервов¹⁶³. В следующем году в «Общем капитулярии государевым посланцам» Карл вновь обращает внимание на розыск беглых крепостных и возвращение их на прежнее место жительства, специально предписывая не допускать укрывательства беглых королевских крепостных «Да не осмеливается никто при помощи клятвопреступления и иных злоумышлений укрывать беглых королевских фискалинов...»¹⁶⁴.

Преемник Карла, Людовик Благочестивый, продолжал издавать законы против побегов крепостных, что свидетельствует о широком распространении этой формы классового сопротивления крестьянства феодальной эксплуатации. Капитулярный 818 года угрожает наказанием тем из феодальных господ которые скрывают на своих землях беглых несвободных и препятствуют их выдаче¹⁶⁵. В «Капитулярии государевым посланцам» от 821 года содержится предписание о выдаче беглых сервов, осевших на королевских землях; от управляющих королевскими поместьями требуется оказание содействия в возвращении прежним господам таких несвободных¹⁶⁶.

Уклонение от выполнения барщинных повинностей и пресечение их каролинским законодательством происходит на всем протяжении IX века. Об этом говорят Санский капитулярный 800 года¹⁶⁷ и Пистенский эдикт 864 года¹⁶⁸.

Еще более опасными для феодалов формами классовой борьбы крепостного и зависимого крестьянства являлось создание тайных союзов несвободных и свободных для отпора феодальной эксплуатации. Создание такого рода заговоров являлось в ряде случаев прологом к восстаниям крестьянства. Это имело место, например, во Фландрии и Менапике в 821 году¹⁶⁹. Участие в тайных союзах как несвободных, так и лично свободных людей является одним из показателей фактического слияния тех и других в составе класса средневекового крестьянства. Преследование тайных союзов происходило на протяжении последней четверти VIII и всего IX века¹⁷⁰.

Ф. Энгельс во «Франском периоде» раскрыл смысл и причины классовой борьбы крестьянства в период генезиса феодализма. Несвободное крестьянство, в состав которого все более и более включались остатки свободных крестьян, превращалось в основную массу населения «Но эти несвободные, -- говорит Энгельс, -- частью сами раньше еще были свободными, частью были детьми свободных, в наследственном рабстве на протяжении трех или более поколений жило незначительное меньшинство. С такими людьми, которые к тому же начинали составлять главную массу населения, не так легко было иметь дело, как с полн-

ченными по наследству или иноземными крепостными. Отсюда — многочисленные заговоры и восстания несвободных и даже вассальных крестьян»¹⁷¹.

Классовая борьба крепостного и закрепощаемого крестьянства VIII—IX веков была не в состоянии ни уничтожить феодальный строй, ни расшатать его основ. Однако, это вовсе не означает, что она была бесплодной и исторически бесперспективной. Крестьянские побегы, отказ от несения феодальных повинностей, тайные союзы и, наконец, прямые восстания являлись той силой, которая ограничивала аппетиты феодальных собственников, вызывала фиксирование феодальных повинностей, что в известной степени облегчало в дальнейшем борьбу за возможность накопления в крестьянском хозяйстве и в конечном счете вело к некоторому, пусть весьма незначительному и неустойчивому, повышению производительности труда в этом хозяйстве. Уже Санский капитулярный 800 года при фиксации крестьянских повинностей следующим образом мотивирует свое предписание об этом: «... чтобы ни кто от названных работ не уклонялся, ни сеньоры более с них не требовали».

«То обстоятельство, — указывает Энгельс, — что с конца VIII и начала IX века повинности несвободных, и в том числе даже поселенцев-рабов, все больше устанавливаются в определенных, не подлежащих повышению размерах и что Карл Великий предписывает это в своих капитуляриях, был, очевидно, результатом угрожающего поведения этих несвободных масс»¹⁷².

Таким образом, «Капитулярный о поместьях» был издан в обстановке постоянных классовых столкновений и, подобно другим актам королевской власти, он был направлен на подавление классового сопротивления крестьянства, на обеспечение в пределах королевских поместий всех условий для феодальной эксплуатации непосредственных производителей. Именно к этому сводится основное содержание памятника. Все предписания о производственной деятельности и хозяйственных распорядках в королевских поместьях основываются на постоянном и всестороннем использовании прибавочного труда и прибавочного продукта, создаваемого феодально-зависимыми людьми¹⁷³. Постоянные требования, адресованные к управляющим поместьями и другим представителям поместной администрации, о необходимости тщательной заботы об организации производственной деятельности во всех отраслях хозяйственной жизни поместья¹⁷⁴, являлись вместе с тем и требованиями об усилении надзора за выполнением повинностей в пользу барского двора со стороны широкой массы поместного населения¹⁷⁵.

Представляется несомненным, что при составлении Капитулярного о поместьях ранее изданных постановлений, относящихся к королевским поместьям, его издатель исходил прежде всего из задачи обеспечения внутренней устойчивости таких поместий, основывающихся, главным образом, на барщинном труде зависимого крестьянства, из задачи усиления всей системы внеэкономического принуждения, значение которого в обстановке непрерывного противодействия росту феодального закрепощения, и феодальной эксплуатации со стороны крестьянства увеличивается все больше и больше. Это означает, что вся система предписаний Капитулярного выступает как средство разрешения этих задач. «Капитулярный о поместьях» представляет собой одно из выражений политики короля-феодала по отношению к крестьянству, политики утверждения и расширения базы феодального строя. В этом состоит главная направленность Капитулярного, его основной смысл, упорно игнорируемый и скрываемый всей буржуазной историографией.

Без разрешения указанных выше задач король — феодальный сеньор

своя собственник не мог обеспечить поступление в свое распоряжение той значительной массы феодальной ренты, которая являлась основным источником содержания его многочисленного двора, выполнявшего функции центрального государственного аппарата. Это не значит, конечно, что издатель Капитулярия не преследовал никаких иных целей, но они были производными от главной, основной цели и в конечном счете ей подчинялись.

Общие выводы, которые представляется возможным сделать из рассмотрения «Капитулярия о поместьях» Карла Великого и истолкования этого источника различными направлениями буржуазной историографии, могут быть сформулированы следующим образом:

1) «Капитулярий о поместьях», возникший в канцелярии Карла Великого на основе некоторой систематизации и обработки разновременно издававшихся постановлений по внутреннему управлению королевскими поместьями, является одним из важнейших источников по социально-экономической истории раннего средневековья. Его данные по производительным силам, производственным отношениям, формам эксплуатации и классового подавления непосредственных производителей, роли политических учреждений в рамках крупного феодального поместья дают существенный материал для понимания специфики производства, базиса и надстройки феодального строя в раннее средневековье вообще.

2) Составление Капитулярия следует рассматривать не только как порождение осуществлявшегося процесса генезиса феодализма, но и как выражение политики короля — феодального собственника, направленной на утверждение и укрепление своего феодального землевладения. Капитулярий не только вызван к жизни классовой борьбой периода становления феодализма, но он является и орудием в этой борьбе, используемой для завершения закрепощения крестьянства, для усиления феодальной эксплуатации и для подавления классового сопротивления крестьянства.

3) Буржуазная историография не могла в силу своей классовой природы, делавшей ее неспособной к решению проблемы генезиса феодализма, правильно осмыслить подлинное существо «Капитулярия о поместьях» и определить его место среди источников раннего средневековья. Общий кризис буржуазной историографии в период империализма, являющийся одним из выражений упадка и разложения всей идеологии исторически обреченной на гибель реакционно-империалистической буржуазии, сказался и в таком частном вопросе, каким является истолкование нашего источника. Все основные пороки реакционной буржуазной медиэвистики, ее фальсификаторский, антинаучный характер сказались в додшнанском истолковании «Капитулярия о поместьях». Это истолкование представляет собой одно из звеньев извращения подлинной исторической действительности в угоду реакционным политическим устремлениям современной буржуазии.

Примечания

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 20, стр. 179.

² А. Dopsch, «Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft», 1930, стр. 26.

³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 177.

⁴ Д. М. Петрушевский, «Очерки из экономической истории средневековой Европы», 1928, стр. 22.

⁵ Там же, стр. 21.

⁶ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 109.

⁷ А. Dopsch. «Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit», ч. 1, изд. ..., 1921 г., стр. VI.

⁸ Там же, стр. 26, 27, 117—118, 119.

⁹ Сторонники и последователи Допша широко распространили буржуазной историографии мнение о его всеобъемлющей эрудированности в источниках, о том, что трудно найти равного Допшу историка по совершенству источниковедческих приемов. Но даже отдельные медиависты в Германии вынуждены были признать, что в своих построениях Допш исходит не столько из самостоятельного исследования источников, сколько из литературы предмета — он обычно ограничивается поддержкой той или иной точки зрения, выдвинутой в ней по какому-либо вопросу. На это указывает Ульрих Штуц в статье «Альфонс Допш и история немецкого права» (Zeitschrift der Savigny — Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung, т. 46). Штуц отмечает, что для Допша привлечение лингвистических, документальных, археологических источников служит лишь для проверки и исправления положений высказанных другими историками. Поэтому, например, книга «Хозяйственное развитие каролингской эпохи» представляет по сути дела обстоятельную рецензию на «Историю немецкого хозяйства» Инама Штернегга и на книги научных противников последнего (ZRG, 46 стр. 336).

¹⁰ Wirtschaftsentwicklung, I, стр. 28.

¹¹ Там же, стр. 143.

¹² ZRG, 37, стр. 524.

¹³ «Вестготское право в Капитулярии о поместьях» — ZRG, 30 «Капитулярий о поместьях» — Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, XIII, 1916 г. Во втором издании книги Допш сделал ряд дополнений в соответствующие разделы. К вопросу о критике капитулярия Допш возвращается так же в статье «Хозяйство и общество раннего средневековья», вошедшей в сборник «Beiträge zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», 1938.

¹⁴ ZRG, 46, стр. 342—343.

¹⁵ Vierteljahrschrift, XVII, стр. 112.

¹⁶ «Allgemeine Wirtschaftsgeschichte des Mittelalters», 1924, стр. 160—161. Аналогично Кулишер в «Allgemeine Wirtschaftsgeschichte des Mittelalters» 1928, стр. 62. Также Г. Белов в статье «Die Haupttatsache der älteren deutschen Agrargeschichte» сочувственно ссылается на допшанскую интерпретацию памятника (см. сборник «Probleme der Wirtschaftsgeschichte», 1926, стр. 42).

¹⁷ См. напр. G. Baist, «Zur Interpretation der Brevium exempla» 1914, M. Bloch, «L'origine et la date du capitulaire de villis» — Revue historique, 1923, N 143. W. Elsner, «Zur Entstehung des Capitulaire de Villis», 1929.

¹⁸ Известия Академии наук СССР, отделение общественных наук, 1934 г. № 5.

¹⁹ Специально занимался изучением Капитулярия К. Гарайс, издавший со своим введением и примечаниями этот памятник, «Landgüterordnung Kaisers Karls des Grossen», 1895. Его перу принадлежат «Bemerkungen zu Kaiser Karls des Grossen Capitulaire de villis», опубликованные в 1893 г. в «Germanistische Abhandlungen Konrad Maurer dargebracht». После выхода книги «Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit» Гарайс выступил в 1915 г. против Допша со статьей «Die familia des Capitulaire de villis vom Jahre 812» — Festschrift für Georg Cohn.

²⁰ В том же плане строит свой анализ Капитулярия о поместьях Д. М. Петрушевский в «Очерках из экономической истории», где он обрушивается на фантастические, по его словам, построения Гарайса, «созданные его поистине мифологическим мышлением» (стр. 169).

²¹ Inama-Sternegg, «Deutsche Wirtschaftsgeschichte», I, 1879, стр. 348.

²² Там же, стр. 320—321.

²³ Там же, стр. 324.

²⁴ Gareis, «Die Landgüterordnung», стр. 7—8; «Bemerkungen», стр. 243.

²⁵ Gareis, «Bemerkungen», стр. 210, 235.

²⁶ Политические устремления Инамы достаточно определенно выступают в предисловии к первому изданию первого тома «Deutsche Wirtschaftsgeschichte». Инама утверждает, что благодаря изучению истории хозяйства теоретическая экономия, являющаяся в условиях современности предметом ошибочных толкований, станет на более прочную основу и «в ожесточенной борьбе мнений сегодняшнего дня народу не будет закрыт путь в гавань благополучия» (стр. XII).

²⁷ К. Маркс. «Капитал», т. III, изд. 1949 г., стр. 804.

²⁸ К. Маркс. «Капитал», т. III, стр. 805.

²⁹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. I, стр. 172.

³⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 158.

³¹ Inama-Sternegg, «Deutsche Wirtschaftsgeschichte», I, стр. 491.

³² В. И. Ленин, Сочинения, т. I, стр. 410.

³³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 271.

³⁴ К. Маркс «Капитал», т. III, стр. 806—807.

³⁵ Таково, например, мнение Генриха Бруннера. См. «Deutsche Rechtsgeschichte» I, стр. 209—210. Равным образом Инама говорит о том, что законодательство Карла Великого не позволило выродиться господству крупных вотчинников «в уничтожающее угнетение народа» (Deutsche Wirtschaftsgeschichte, стр. 493).

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 244.

³⁷ И. В. Сталин. «Марксизм и вопросы языкознания», 1950, стр. 10.

³⁸ A. Dopsch. Wirtschaftsentwicklung, стр. 31.

³⁹ Там же, стр. 71.

⁴⁰ Некоторые параграфы Brevium exempla представляют собой как бы: прямой ответ на предписания C de v.:

а) C. de v. § 9 «Volumus ut unusquisque iudex in suo ministerio mensuram modiorum, sextariorum, et situlas per sextaria octo, et corborum eo fenore habeant sicut et in palatio habemus».

В. е § 29: «Mensuram modiorum et sextariorum invenimus sicut in palatio»

б) C. d. v. § 70: «Volumus quod in horto omnes herbas habeant, id est »

В. е § 37: «De herbis hortulanis: id est costum, **menatam, levisticum, apium, beatas, lilium, abrotanum, tanazatum, salviam, satureium, neptam, savinam, sclareiam, solesquia, mentastram**, vittonicam, acrimonia, **malvas, mismalvas, caulas, cerfolium, coriandrum, porrum, cepas, scalonias. brittelos, alia**» (подчеркнуты все те наименования растений, которые содержат в § 70 C. de v.)

в) C. de v. § 45: «Ut unusquisque iudex in suo ministerio habeat artifices. » (далее следует перечисление ремесленников).

В. е § 29: «Ministeriales non invenimus aurifices neque argentarios, ferrarios neque ad venandum neque ad reliquis obsequiis».

¹ А. Dopsch, *Wirtschaftsentwicklung*, I, стр. 75.

² Там же, стр. 78.

³ Там же, стр. 75, *Vierteljahrschrift*, XIII, стр. 56.

⁴ *Wirtschaftsentwicklung* I, стр. 79; *Vierteljahrschrift*, XIII, стр. 57.

⁵ После первого издания «*Wirtschaftsentwicklung*» стр. 57 были сделаны попытки использовать анализ словарного состава памятника в целях решения вопроса о его происхождении (Winkler, «*Zur Lokalisierung des Capitulare de villis*» - *Zeitschrift für romanische Philologie*, Bd. 37, 1913. Baist, «*Zur Interpretation der Brewium Exemplum und des Capitulare de villis*» 1914; Jud und Spitzer, «*Zur Lokalisierung des sogenannten Capitulare de villis*» — *Wörter und Sachen*, Bd. VI, Ettmager — *Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung*, Bd. 35, 1914). Позднее о языке Капитулярия писали: М. Bloch, «*L'origine et la date du Capitulare de villis*», 1923; W. Elsner, «*Zur Entstehung des Capitulare de villis*» 1929. Как Блок, так и Эльснер пришли к выводу, что в языке капитулярия можно обнаружить и галицизмы, типичные для Южной Франции, и германизмы, и сильно деформированную классическую латынь. Блок говорит, что памятник представляет собой по грамматическим формам и словарю пеструю смесь, на основе которой невозможно локализовать памятник.

Подобное положение с языком Капитулярия не является случайным. Империя Карла Великого не имела и не могла иметь «...единого для империи и понятного для всех членов империи языка» (И. В. Сталин, «*Марксизм и вопросы языкознания*», стр. 10). Язык официальной письменности, вульгарная латынь, был чужд широким массам империи, однако он находился в известной степени под влиянием родной речи королевских канцеляристов, которые, естественно, не принадлежали к какой-либо одной этнической группе. Отсюда и происходит пестрота форм и словарного состава.

Едиственный вывод, который представляется возможным сделать из исследований языка Капитулярия, предпринятых филологами и историками, состоит, очевидно, в том, что Капитулярий вышел из королевской канцелярии и не связан с каким-либо языком тех или иных племен и народностей, входивших в состав империи Карла. В противном случае в языке Капитулярия обнаруживалась бы определенно внутреннее преобладание влияния того или иного народного языка, господствующего на данной территории.

⁴⁶ Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXX, вып. 2, 1919 г. Эту мысль Н. П. Грацианско-

го без ссылки на автора повторил Эльснер в 1929 г. (см. его работу стр. 32).

¹⁷ *Capitulare missorum specialia* 802 § 10 (Cap. I, No. 34, стр. 100); *Capitulare missorum Niumagae datum* 808 § 6 (Cap. I, No. 46, стр. 131); *Capitulare de iustitiis faciendis* (Cap. I, No. 80, стр. 177).

¹⁸ *C. de v.* § 16, 47.

¹⁹ Эту же мысль, не ссылаясь на Н. П. Грацианского, высказывает Блок (стр. 52). С § 16 *C. de v.* можно сопоставить § 3 *Capitulare Bononiense* 811 г., в котором предписывается: «*Quicumque homo nostro honores habens in ostem bannitus fuerit et ad conditum placitum non venerit, quot diebus post placitum conditum venisse conprobatus fuerit, toti diebus abstinereat a carne vel vino*» (Cap. I, N 74, стр. 166).

²⁰ «Редакция пролога противопоставляет королевские земли «*ad opus nostrum serviendi institutas*» только бенефициям и прекарным (Эльснер, стр. 26).

²¹ S. Dopsch, *Wirtschaftsentwicklung*, I, стр. 61.

²² *C. de v.* § 34, 44.

²³ *C. de v.* § 34, 45, 61, 62.

²⁴ *C. de v.* § 34, 62.

²⁵ *C. de v.* § 49.

²⁶ Известия Общества археологии, истории и этнографии, т. XX, в. 2, стр. 150.

²⁷ Так поступает уже Маурер. См. «Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти», 1880, стр. 272—274.

²⁸ B. Steinitz. «Die Organisation und Gruppierung der Krongüter unter Karl dem Grossen» — *Vierteljahrschrift*, Bd. IX, 1911.

²⁹ Там же, стр. 485.

³⁰ Dronke, «*Codex diplomaticus Fuldensis*», 1850; № 21, стр. 14; № 43, стр. 31; № 57, стр. 36; № 76, стр. 46—47.

³¹ Эту мнимую добросовестность хвалят Д. Егоров и Н. Цемш в статьях, посвященных Допшу в журнале «*Анналы*», №№ 1 и 2 за 1922 г.

³² *C. de v.*, § 63: «...*Omnia quicquid homo in domo sua, vel in villis suis habere debet, iudices nostri in villis nostris habere debeant*».

³³ Редакция содержательного документального сборника «*Агрικультура в памятниках западного средневековья*», изданного в 1936 г. АН СССР, во вступительной статье пишет применительно к каролингскому времени: «Даже такие памятники, где можно было бы, казалось, ждать богатых для историка агротехники материалов, как систематические описания поместий, так наз. полиптики, решительно разочаровывают при предъявлении к ним агротехнических вопросов. Они дают много для характеристики отношений экономических и социальных и почти ничего для агротехники» (стр. IX).

³⁴ *C. de v.* § 5, 8, 13, 14, 17—19, 23, 25, 24—37, 38—39, 43—44, 48—49, 62, 65—66, 70.

³⁵ *C. de v.* § 62, см. также § 5.

³⁶ *C. de v.* § 62.

³⁷ В. е.; § 25.

³⁸ *C. de v.* § 43. В. е., § 8.

³⁹ *C. de v.* § 36.

⁴⁰ Очевидно, господствующей полевой системой в первой половине IX в. являлось трехполье. См. «*Агрικультура в памятниках западноевропейского средневековья*», стр. 45—51.

⁴¹ Байст считает сведения Образцов описей об урожайности хлебов нетипичными для каролингского времени, так как, по его мнению, тогда урожайность была значительно выше, сведения же Образцов описей от-

носятся к одному из неурожайных годов («Zug Interpretation der Brevium Exempla und Capitulare de villis», стр. стр. 24—25). Но Байст, во-первых, не может привести доказательства, что сведения о валовом сборе зерна относятся именно к неурожайным годам, и, во-вторых, даже если его предположение верно, необходимо учитывать то общеизвестное обстоятельство, что неурожайные годы являлись не редким исключением, а систематическим повторяющимся каждые два-три года фактом, причем бесспорно, в «Образцах описей» зафиксирована урожайность далеко не самого голодного года. Данные «Образцов описей» не представляют собой случайные, исключительные факты.

⁷² Подсчеты взяты из сборника «Агркультура в памятниках западного средневековья», см. стр. 110, пр. № 7.

⁷³ С. de v., § 23; В. е., § 7, 25, 31, 33, 35. Данные Капитулярия (§ 13—15, 50) и Образцов описей о коневодстве не могут быть привлечены при рассмотрении данного вопроса, так как коневодство в королевских поместьях не было связано с земледельческим хозяйством и имело своей целью не обеспечение его тягловой силой, а поставку лошадей для королевского двора и на военные нужды. В этом отношении достаточно показательно одно из предписаний § 23 Капитулярия: «Et insuper habeant vaccas ad illorum servitium perficiendum commendatas per servos nostris, qualiter pro servitio ad dominicum opus vaccritias vel carrucas nullo minoratae sint».

⁷⁴ Основания для такого вывода дают сведения В. е. (§ 7, 31) об ограниченном количестве крупного рабочего скота на господских дворах поместий. Интересны данные картулярного материала по этому вопросу. В 868 г. Theotrat и Witderpf, повидимому сородичи, передали Фульдскому монастырю в нескольких пунктах различные земельные угодья (средних десять гуф пашни) и 51 крепостного. Кроме того было передано 8 быков, 17 коров и 87 свиней (Codex diplomaticus Fuldensis, № 520, стр. 229). Очевидно, что здесь указан только тот скот, который находился в непосредственном распоряжении традентов, а не принадлежал к хозяйствам крепостных. В поместье Bergellen, переданному тому же монастырю Карлом Великим, насчитывалось 220 югеров пашни, но на барском дворе не было ни одной головы рабочего скота — имелось лишь 52 овцы и 30 свиней; в другом поместье того же монастыря Hunteffeldun, на 350 югеров барской пашни имелось лишь 4 быка (Dronke, «Traditiones et antiquitates Fuldensis», 1844, № 44, стр. 125). В 827 г. монастырь Фульда получил от Hrihharti 134 югеров пашни и всего лишь шесть голов крупного рогатого скота (Codex diplomaticus Fuldensis, № 473, стр. 208).

⁷⁵ С. de v., § 42—43.

⁷⁶ В. е., § 7.

⁷⁷ Там же, § 25.

⁷⁸ Там же, § 30.

⁷⁹ С. de v., § 42.

⁸⁰ В. е., § 30, 32, 34.

⁸¹ Inama-Sternegg, «Deutsche Wirtschaftsgeschichte», I, стр. 396.

⁸² A. Dopsch, «Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung», II, стр. 179.

⁸³ G. von Below «Probleme der Wirtschaftsgeschichte», 1926, стр. 37.

⁸⁴ Там же, стр. 39.

⁸⁵ Ф. Энгельс, «Анти-Дюринг», 1948, стр. 252.

⁸⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 44.

⁸⁷ Там же, стр. 159.

⁸⁸ Там же, стр. 272.

⁸⁹ A. Dopsch, «Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit», II, 1913, стр. 352.

⁹⁰ Там же, стр. 168.

⁹¹ А. Dopsch, «Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit», I, стр. 324.

⁹² Следует отметить, что в своих книгах и статьях Допш вообще избегает попыток дать целостное изучение экономики раннего средневековья по материалам хотя бы одного из источников, дающих массовые данные (например, полиптики, картулярии).

⁹³ Д. М. Петрушевский. «Очерки из экономической истории», стр. 208.

⁹⁴ По мнению Допша вообще следует избегать терминов «натуральное хозяйство», «денежное хозяйство» поскольку исторически они никогда не существовали изолированно друг от друга и в каждую эпоху всегда взаимно переплетались. См. «Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft», 1930, стр. 260 – 261.

⁹⁵ К. Маркс. «Капитал», т. I, стр. 83.

⁹⁶ К. Маркс. «Капитал», т. III, стр. 808.

⁹⁷ Там же, стр. 799.

⁹⁸ В. И. Ленин Сочинения, т. 3, стр. 15—16.

⁹⁹ Там же, стр. 44.

¹⁰⁰ Там же, стр. 158.

¹⁰¹ C. de v., § 62. «Ut unusquisque iudex per singulos annos ex omni conlaboratione nostra distincta et ordinata ad nativitatem domini nobis faciant, ut scire valeamus quid vel quantum de singulis rebus habeamus»

¹⁰² C. de v., § 33. «Post ista omnia segregata et seminata atque peracta, quicquid reliquum fuerit exinde de omni conlaboratu usque ad verbum nostrum salvetur, quatenus secundum iussionem nostram aut vendetur aut reservetur».

¹⁰³ C. de v., § 32: «Ut unusquisque iudex praevideat, quomodo se sementum bonum et optimum semper de comparatu vel aliunde habeat».

¹⁰⁴ В. е., § 25. «.Presenti anno fuerunt speltae corbes CX, seminavit ex ipsis LX...».

¹⁰⁵ C. de v., § 8.

¹⁰⁶ Там же, § 39.

¹⁰⁷ Там же, § 65.

¹⁰⁸ Там же, § 62.

¹⁰⁹ Там же, § 28.

¹¹⁰ Так, например, толкует данные о ремесле Капитулярия о поместьях Штайниц — Vierteljahrschrift. IX, стр. 360.

¹¹¹ Zeitschrift für Social — und Wirtschaftsgeschichte, V, стр. 146.

¹¹² А. Dopsch, «Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit», II, стр. 353-354.

¹¹³ Д. М. Петрушевский «Очерки из экономической истории», стр. 212.

¹¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 362.

¹¹⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 271.

¹¹⁶ Там же, стр. 271.

¹¹⁷ C. de v., § 2.

¹¹⁸ C. de v., § 4.

¹¹⁹ C. de v., § 23.

¹²⁰ C. de v., § 31.

¹²¹ C. de v., § 39.

¹²² C. de v., § 50.

¹²³ C. de v., § 52.

¹²⁴ C. de v., § 62.

¹²⁵ C. de v., § 67.

¹²⁷ См например, *Urkundenbuch des Landes ob der Enns*, т. 1, № 4, стр. 3

¹²⁷ *C. de v.*, § 67: «De mansis absis et mancipiis adquisitis si aliquid super se habuerint quod non habeant ubi eos collocare possint. nobis renuntiare faciant». *Divisio regnorum* Карла Великого от 806 г. в § 11 при установлении различия между *servi* и *mancipia* исходит из того принципа, что первые посажены на землю (*servi* - «qui iam casati sunt»), а вторые еще остаются на положении дворовых холопов («*mancipii non casatis*). См. *Cap. 1*, № 45, стр. 129.

¹²⁸ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 120.

¹²⁹ *C. de v.*, § 29: «De clamatoribus ex hominibus nostris..».

¹³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 362.

¹³¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 120.

¹³² См. например, титул X, § 1, а также § 5 титула XXXV и § 1 титула XXXVI.

¹³³ *Si servus foris casa quod valit II denarios furaverit, excepto capitale et dilatura, CXX flagellus extentus accipiat.*

¹³⁴ *Si vero quod valit XL dinarios furaverit aut castratur aut sex solidos reddat.*

¹³⁵ § 7 титула XXV предполагает уплату сервом 6 солидов господину рабыни, в смерти которой он оказался повинен. Относящийся к меровингскому времени шестой Капитулярий Салической правды в § 1 раздела пятого предполагает возможность для серва-убийцы рассчитаться с господином убитого им раба путем уплаты возмещения в 15 солидов.

¹³⁶ Dronke. «*Codex diplomaticus Fuldensis*», № 104, стр. 62: «.. *Domanus mancipia XIV... cum omni elaboratum eorum*». См. там же № 143, стр. 80; № 144, стр. 81; № 147, стр. 82—83; № 150, стр. 84 и др.

¹³⁷ Там же, № 137, стр. 78: «...*Nec mancipia cum omnibus rebus et supplectilibus eorum...*».

¹³⁸ Там же, № 229, стр. 120: «.. *Duas colonias et ad eos pertinentes vineas . et unum servum nomine Witolt et filium eius Witheren cum omni elaboratu eorum...*». Значение термина «*colonia*» отчетливо выступает в *Breves Notitiae Зальцбургского архиепископства*: «...*Curtem et casam cum alliis appenditiis suis terris silvis pratis et manentem et casam, servos et liberos cum coloniis suis*» (*Salzburger Urkundenbuch*, I, стр. 120, № 11).

¹³⁹ «*Codex diplomaticus Fuldensis*», № 49, стр. 32 Некий *Arguis* традирует на условия сохранения пожизненного прекария «*totum laborum nostrum quicquid ibidem ad presens dinoscitur pervenisse Id est servum istum nomine Lintwin cum omni labore suo et Herbrahtem cum omni labore suo et quicquid postea laboraverint et quicquid deinceps... elaborare poterimus per totam vitam nostrum*».

¹⁴⁰ «*Urkundenbuch des Landes ob der Enns*», I, No. 38, стр. 23: «. *I servus cum uxore sua, filiis et filiabus et cum hopa sua vel, omnia substantia sua*».

¹⁴¹ Там же, № 55, стр. 32: «... *Servos duos cum domibus eorum et omnia, que habuerunt in illa die .*».

¹⁴² Там же, № 88, стр. 53: «...*Servum cum uxore sua et pecculium utriusque sexus et terra sua et alius homo cum uxore sua et cum terra sua vel quicquid habere videtur, sicut, a nobis hodierno tempore possidetur...*».

¹⁴³ *Salzburger Urkundenbuch*, I, стр. 30, 35, 44.

¹⁴⁴ См. напр., *Cap. II*, No. 273, *Edictum Pistense*, § 30, стр. 323.

¹⁴⁵ *Cap. I*, No. 40, § 10, стр. 115: «*Ut nec colonus nec fiscalinus fores mitio possint aliubi traditionem facere*». Термин «*fiscalinus*», встре-

чающийся в данном Капитулярии, а также в других источниках, в том числе в Капитулярии о поместьях, разъясняется из § 2 *Capitulare legi Ribuarie additum* от 803 г. «*Homo regis, id est fiscalinus*» (Cap. I, No. 41, стр. 117).

^{145a} А. Dopsch. «*Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung*», стр. 192—193.

¹⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 289.

¹⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 411.

¹⁴⁸ С. de v., § 62. Управляющий в ежегодном отчете должен сообщать «*quid de liberis hominibus et centenis qui partibus nostri deserviunt*» поступало в королевские доходы. Из этого следует, что феодальное поместье короля втягивало в сферу своего подчинения целые комплексы свободных деревень (сотни), хотя в данном случае речь может идти лишь о первых шагах феодального освоения таких комплексов.

¹⁴⁹ С. de v. § 50.

¹⁵⁰ В § 2: *Capitula per se scribenda* 818 года указывается: «*De terra tributaria. Quicumque terram tributariam, unde tributum ad partem nostram exire solebat alteri tradiderit, is qui eam susciperit tributum quod inde solvebatur omni modo ad partem nostram persolvat, nisi forte talem firmitatem de parte dominica habeat, per quam ipsum tributum sibi perdonatum possit ostendere*» (Cap. I, No. 140, стр. 287). Из этого следует, что отношения трибутарной зависимости имеют по преимуществу поземельный характер и трибутарий мог передавать соответствующую землю другому лицу. В силу этого он выходил из отношений зависимости, а получатель земли должен был вместо него вносить соответствующие платежи.

¹⁵¹ С. de v., § 52.

¹⁵² Нельзя согласиться с мнением Герара (*Explication du Capitulaire de villis*, стр. 169) о том, что *familia nostra* обозначает в памятнике как людей свободных, так и несвободного состояния. Такого слияния капитулярии Карла еще не знают.

¹⁵³ С. de v., § 4. Различие в видах наказания, установленное в этом параграфе для разных категорий людей, подтверждает факт незавершенности слияния «*Familia nostra*» и «*franci qui in fisci aut villis nostris commanent*». Эта незавершенность слияния абсолютизируется реакционной буржуазной историографией. Извращая сущность становления классов феодального общества, немецкие буржуазные историки утверждают неизменность статуса свободы у людей, уже превратившихся в держателей барской земли и обязанных барщиной и оброком. Зеллигер в «*Die soziale und politische Bedeutung der Grundherrschaft im früheren Mittelalter*» (1903), выступая против представлений о феодальном поместье как силы, превращавшей людей в несвободных, утверждал: «*Картина социального и политического значения вотчины, которую мы попытались себе нарисовать, существенно отличается от той, которая соответствует общераспространенным представлениям. Непосредственно связывающая и принудительная власть вотчины до сих пор весьма переоценивалась. Преувеличенным и мы находим, прежде всего, представления о ее социальном влиянии. То, что в X и XI веках вотчиной требовалась несвобода от подчиненных и зависимых людей, вообще нельзя предположить. Вотчина, напротив, допускала личную свободу подданных, даже свободу для поселенных, на надельной земле*» (стр. 196). По мнению Зеллигера, включение в сферу зависимости от феодального поместья не приводило ни к личному бесправью, ни к постоянному возрастанию повинностей. Зеллигер пытается доказать, что феодальное поместье по своей внутренней природе не было воплощением несвободы.

Скрытие классово-эксплуататорского существа феодального поместья — таково объективное содержание всех построений Зелигера.

¹⁵¹ В этом отношении весьма показательным является изменение содержания термина «familia» в иммунитетных грамотах. Уже в одной из итальянских грамот Карла III от 883 г. употребляется выражение «familia liberis ac servis» (P. Kehr, «Die Urkunden der deutschen Karolinger», II, 1936, № 93, стр. 93). В Германии подобное осмысление familia становится обычным со второй половины X века. Так в одной из грамот Оттона II указывается: «Omnem familiam servilem et ingenuam illo pertinentem sub suae tuitionis immunitatem...» (M. G. Diplomatum regum et imperatorem Germaniae, Ottonis II et III diplomata, No. 33, стр. 433).

¹⁵⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 159.

¹⁵⁶ И. В. Сталин. «Марксизм и вопросы языкознания», стр. 5.

¹⁵⁷ С. de v., § 4, 5, 7, 8, 24, 29, 36 и др.

¹⁵⁸ С. de v., § 56

¹⁵⁹ С. de v., § 54.

¹⁶⁰ С. de v., § 29.

¹⁶¹ С. de v., § 4. Кроме того, § 53 и 55 также являются свидетельством насаждения феодального правопорядка в пределах поместья.

¹⁶² Cap. I, стр. 197, § 6.

¹⁶³ Cap. I, № 98, стр. 206, § 8.

¹⁶⁴ Нельзя считать исключенным, что в укрывательстве беглых крепостных принимали участие и сохранившиеся свободные крестьянские общины. Основанием для такого предположения могут служить факты совместного выступления свободных и несвободных крестьян против феодалов в VIII—IX вв.

¹⁶⁵ Cap. I, № 140, стр. 287, § 1.

¹⁶⁶ Cap. I, № 148, стр. 300, § 3.

¹⁶⁷ Cap. I, стр. 81.

¹⁶⁸ Cap. II, № 273, стр. 323, § 20.

¹⁶⁹ Cap. I, № 148, стр. 301, § 7.

¹⁷⁰ Первый капитулярий Карла с предписаниями такого рода относится к 779 г. (Cap. I, стр. 77, стр. 31). Затем они повторяются и дополняются в капитуляриях 789, 794, 805, 821, 831, 856, 884 и других годов.

¹⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 411.

¹⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 412.

¹⁷³ Это не значит, что в пределах поместья не было иных категорий непосредственных производителей, помимо феодально-зависимых крестьян. Как в ремесле, так и в земледелии применялся труд дворовых холопов (см. § 62 и 23). Однако он не являлся основой хозяйственной жизни поместья.

¹⁷⁴ С. de v. напр § 5, 13, 26, 34, 38.

¹⁷⁵ Показательна в этом отношении редакция § 36, где наряду с требованием охраны королевских лесов и производства расчисток и предписанием о сборе оброка с зависимых крестьян за пользование лесом под выпас указывается: «Et iudices, si eorum porcos ad saginandum in silvam nostram miserint vel maiores nostri aut homines eorum ipsi primi illam decimam donent ad exemplum bonum proferendum, qualiter in postmodum ceteri homines illorum decimam pleniter persolverent».

И. Г. Коломиец

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЗАКАРПАТЬЯ

1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И БОРЬБА КРЕСТЬЯНСТВА ЗАКАРПАТЬЯ ПРОТИВ ФЕОДАЛЬНОГО ГНЕТА И КАТОЛИЧЕСКОГО ПОРАБОЩЕНИЯ В XV—XVIII ВЕКАХ

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении многих десятилетий история Закарпатской Руси подвергалась грубой фальсификации западно-европейскими буржуазными историками, украинскими буржуазно-националистическими и профашистскими авторами, которые произвольно перекраивали историю Закарпатья, подтасовывали исторические факты, извращали сущность исторических явлений и процессов в соответствии с политическими интересами и целями тех хозяев, которым они служили, тех господствующих классов, чей социальный заказ они выполняли.

Представители австро-немецкой и венгерской шовинистической историографии и их закарпатские прислужники, прежде всего из числа униатско-клерикальных борзописцев (И. Дулишкович, И. Кондратович, А. Годинка, Ю. Гаджега и др.), бесцеремонно попирая историческую правду, рьяно проповедовали «материальное и культурное благоденствие русинов» под эгидой Габсбургов, святошафанской короны и римского папы, пытались увековечить, освятив авторитетом церкви господство чужеземных и слившихся с ними украинских эксплуататорских классов над трудящимися массами Закарпатья.

Они замазывали социальные антагонизмы и классовую борьбу в Закарпатье, замалчивали восстания крепостных крестьян против феодального строя и католического угнетения, третируя революционные выступления эксплуатируемых масс, как «бессмысленные бунты слепой и дикой черни».

За народными массами Закарпатской Руси они отрицали право на самостоятельное историческое существование, стремясь доказать «спасительную» роль абсорбции «народа без имени», как они лживо называли закарпатских украинцев, «активно-историческим» этническим элементом - носителем «передовой» западно-европейской католической цивилизации.

Православно-монархическая «гриада», реакционные идеи славянофильства, идеалистические концепции лежали в основе освещения отдельных вопросов истории Закарпатской Руси представителями русской монархической, либерально-буржуазной историографии и церковными авторами греко-восточного направления (И. П. Филевич, В. А. Францев, А. Л. Петров и др.).

Украинские буржуазно-националистические эпигоны реакционной, антинародной «школы» Грушевского в Закарпатье пытались любыми средствами обосновать антинаучный тезис о «бесклассовости» исторического процесса в Закарпатье, выдвинув насквозь лживую «теорию» «социальной нивелировки» и пресловутую «социальную формулу — поп и хлоп» (В. Бирчак, И. Панькевич, В. Кубийович, И. Мирчук, А. Волошин и др.)

Все писания и «теории» этих наймитов империализма преследовали ту цель, чтобы противопоставить украинский народ его великому брату — народу русскому, убить в сознании и сердцах трудящихся масс закарпатских украинцев чувство братского единства с русским народом, их непреодолимое стремление к воссоединению с Украинской Советской Социалистической Республикой в братской семье народов Советского Союза.

До настоящего времени в нашей литературе почти нет исследований, посвященных истории Закарпатской Руси. Автор работы, несколько не претендуя на полноту изложения, ставит перед собой задачу — осветить с марксистско-ленинских позиций только основные этапы истории Закарпатской Руси XV—XVIII веков, т. е. позднефеодального периода, главным социальным содержанием которого является борьба крестьянских масс против феодального гнета и католического порабощения.

Автор считает своим долгом выразить благодарность проф. И. М. Разгону, проф. Л. Д. Тарасову, доц. А. И. Данилову и доц. Н. М. Ледекачу за их помощь в написании публикуемой работы.

ГЛАВА I

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗАКАРПАТСКОЙ РУСИ И БОРЬБА КРЕСТЬЯНСТВА ПРОТИВ КРЕПОСТНОГО ГНЕТА В XV ВЕКЕ

В конце IX — начале X века земли закарпатских славян подвергаются нашествию угорских племен. При короле Стефане I Арпаде (997—1038 гг.), сломившем силу родовых князей и положившем начало образованию венгерского феодального государства, значительная часть Закарпатья была завоевана уграми. В XII ст. Закарпатская Русь входила в состав *marchia Ruthenorum*, которой управлял сын венгерского короля с титулом «*dux Ruizorum*».

С начала XIII века на Закарпатье распространяется, сложившаяся в Венгрии комитатская организация административного управления, совпадающая с существовавшим здесь издавна славянским территориально-общинным делением. Земли Закарпатья и прилегающие к нему области Словакии с русско-славянским населением на протяжении XIII—XIV вв. были включены в состав семи комитатов (по-магьярски — *vármegye*; по-славянски — *столицы*).

С запада на восток эти комитаты имели следующие названия: Спишский (впервые упоминается в 1202 году), Шарнишский (Уйвар) (1227 г.), Землинский (Земплинский) (1214 г.), Ужанский (1214 г.), Бережский (Боршовский) (1263 г.), Угочский (1210 г.), включавший в себя до XIV ст. и Хустский округ, и, наконец, Марамарошский комитат, созданный в начале XIV ст.

Во главе комитата стоял королевский чиновник «ишпан» (жупан, *comes*). Центром комитата был главный замок. Ишпан заведывал королевскими землями, являлся фискальным агентом короля, собирая налоги и доходы в пользу королевской казны, 1/4 которых получал в свою пользу. Ишпану принадлежала судебная и военная власть. Население комитата, составлявшее его ополчение, делилось на десятки и сотни, подчиненные непосредственно фогтам (*castellanus, comes castri*), стоявшим во главе гарнизонов отдельных замков.

Развитие феодальных отношений в Закарпатской Руси выражалось в образовании крупного феодального землевладения, усилении политической власти светских и духовных магнатов и постепенном закреплении масс крестьян-общинников.

Начавшаяся раздача закарпатских земель феодалам при короле Беле II (1131—1141 гг.) продолжается и при его преемниках Эмерике (1196—1205 гг.) и Андрее II (1205—1235 гг.). После ухода монголо-татарских орд Батыя, подвергших территории Закарпатья и Венгрии в 1241 —

1242 г. страшному опустошению, образование крупного феодального землевладения проходит еще с большей интенсивностью, процесс феодализации усиливается.

В начале XIV ст., когда венгерский престол достался королю Карлу I Анжуйскому, закарпатские земли, первоначально входившие в состав королевского домена, в основном уже перешли в руки крупных магнатов и дворян. Большие земельные пространства Закарпатья с населением, обитавшим на них, из рук королей получают и немецкие графы Тироля и Баварии (фон Гунф Познау, фон Фальк Прюнау), и италийские графы (Ратгольд из Апулии и Другет из Салерно), и венгерские, румынские, сербские феодалы (Перени, Драга, Балк, Зудра, Зобулав, Бранкович), а также местные, закарпатские, дворяне, слившиеся в один господствующий класс с чужеземной знатью.

В XIV—XV столетиях владения крупных феодалов (*domini barones et magnates*) распростирались на огромные территории Закарпатья. Доминия Якова Зудра, например, занимала четвертую часть Шаришского комитата и имела 64 населенных пункта. Этому же роду в Землинском комитате принадлежала Стрпковская доминия с 47 поселениями. Гуменская доминия графов Другет простиралась от границ Галиции и до р. Ондавы, и имела 36 сел, а другетовская Невшкая или Ужгородская доминия насчитывала 25 населенных пунктов и городов.

В Ужанском комитате во владении магната Петра Зобулава находилась огромная территория с 2 городами и 60 селами. Доминии Палочи в этом же комитате принадлежали один город и 24 поселения. В Уточском и Бережском комитатах значительными земельными пространствами владели венгерские бароны Перени.

С XIII ст. в Бережском комитате своими размерами выделяется Мукачевская доминия, принадлежавшая русско-славянским князьям Ростиславу Михайловичу, Льву Даниловичу и Федору Корняговичу. В Марамарошском комитате обширные владения имел закарпатский дворянский род Довган.

Паряду со светским феодальным землевладением, возрастает и землевладение духовных феодалов и католической церкви. Католический епископ Вацовский получает от короля Белы II в подарок большие владения в Землинском комитате, отошедшие впоследствии католическому монастырю. Король Владислав I передает во владение Паннонскому аббатству земли близ Севлюша. Ягерскому католическому капитулу и монашеским конгрегациям принадлежали земли в Землинском, Ужанском и других комитатах.

Возрастание экономической мощи феодальных магнатов и дворянства приводит к усилению и их политического значения за счет ограничения прав короля как верховного феодального сеньора. Ярким выражением ослабления центральной власти в Венгрии (в значительной мере исчерпавшей за счет раздач земельный фонд, созданный первыми королями династии Арпадов), вынужденной идти на уступки феодалам, не пользовавшимся нарастанием крестьянского движения против королевской власти, явилась «Золотая булла» короля Андрея II (1222 г.), которая открыла «век золотой дворянской вольности» и закрепляла огромные права и привилегии дворян-феодалов, по отношению к которым король являлся только «первым среди равных».

«Золотая булла» гарантировала ежегодный созыв дворянского сейма для разрешения важнейших вопросов государственной жизни, в том числе выборов короля. В частности, без согласия сейма король не мог созывать дворянскую армию для военных походов за пределы государства, устанавливать налоги и раздавать земли дворянам-чужеземцам.

Власть королевских чиновников по отношению не только к крупным феодалам-землевладельцам, но и по отношению к низшему дворянству была значительно ограничена. Управление комитатами переходило в руки местного дворянства. Все высшие должностные лица в комитатах избирались из числа феодальной знати.

Светские и духовные феодалы освобождались не только от всяких налогов, но даже от *descensus'a*—обязанности оказывать гостеприимство и снабжать продуктами короля и его свиту во время проездов их через владения феодальных магнатов.

Дворяне подлежали только суду короля. На население, проживавшее на землях феодалов-дворян, не распространялась судебная власть комитатских органов; оно подлежало исключительно юрисдикции собственника земли — дворянина.

Наконец, последняя XXXIII статья «Золотой буллы», предоставляла право дворянству оказывать вооруженное сопротивление королю в случае нарушения им этой дворянской хартии вольностей. На протяжении семи веков венгерские короли, вступая на престол, подтверждали своей присягой нерушимость «Золотой буллы», которая оставалась в силе до конца XIX ст., за исключением последней статьи, отмененной в 1687 году.

С конца XIV века особенно, агенты короля — ишпаны становятся все более независимыми по отношению к королевской власти, а должности их наследственными в родах самых могущественных феодалов. В XIV—XV вв. в Землинском и Ужанском комитатах должности ишпанов передаются по наследству в роду графов Другет; князь Федор Корнятович стоял во главе Бережского комитата, а магнаты Балк и Драга выступают ишпанами Марамароша. Крупные феодалы Закарпатья являлись по-существу суверенными государями на территории своих латифундий.

В период, когда земли Закарпатья считались собственностью венгерских королей, массу непривилегированного полузависимого населения составляли надельные крестьяне королевского домена, имевшие в пользовании участки земли и уплачивавшие, введенную со времени короля Стефана I, десятину с урожая королевской казне и десятину же епископу. Другая группа населения состояла из так называемых «йоббагнонов», приписанных к замкам и укрепленным пунктам и выполняющих военные обязанности. В документах XI—XIII вв. они называются «*rupili castrum*» и относятся к группе «*rauperes nobiles*». По сравнению с надельными крестьянами йоббагноны несли меньше повинности. Наконец, значительную группу составляла замковая челядь («*castrensis*»).

С развитием крупного частного феодального землевладения изменяется и положение указанных групп населения, права которых все более ограничиваются. Раньше всего теряют личную независимость замковые слуги. На бывших надельных крестьян королевского домена, перешедших вместе с землями во владение феодальных магнатов, взваливаются новые поборы и повинности, включавшие в себя не только десятину с урожая, но и с приплода скота, а также барщинные повинности. В XIII—XIV столетиях в дарственных грамотах королей обычно указывалось, что подданные королевского домена вместе с землей переходят под власть светских и духовных феодалов, получивших земельные владения. Так по привилегии Бельи IV, предоставленной Паннонскому аббатству, за монастырем закреплялась группа крестьянских семей, которые обязаны были вносить с каждого надела земли более 10 мер пшеницы, десятину с овец и выполнять различные работы в пользу монастыря.

Йоббагноны дольше других категорий населения сохраняли личную свободу. Они составляли вооруженные отряды (бандерии) доминантных замков, содержались за счет феодалов-землевладельцев и должны были

по требованию сейма и короля включаться в состав дворянской армии. С образованием постоянного королевского войска, когда содержание вооруженной силы было частично заменено уплатой денежных взносов в королевскую казну, большая часть йоббагионов превратилась в зависимое и полузависимое население, меньшая -- перешла в ряды мелкого служилого сословия.

На протяжении XIII—XIV веков население Закарпатской Руси пополняется за счет поселенцев-колонистов — немцев, румын, венгров, русско-славянских поселенцев, что приводит к образованию новых групп и категорий свободного и полузависимого населения. После татарского нашествия особенно, светские и духовные феодалы стремятся привлечь на опустошенные и слабо заселенные закарпатские земли новых поселенцев. Король Бела IV в 40-х годах XIII ст. в своих обращениях призывал колонистов «со всех частей света», обещая наделить каждого землей «в соответствии с его положением»¹).

Начавшееся еще в XI ст. организованное переселение в Закарпатье немецких ремесленников заметно усиливается после ухода Батыя. Венгерские короли привлекают немецких колонистов в Закарпатье в целях расширения ремесленного производства и торговли, разработки естественных богатств, основания городов и новых населенных пунктов, имея в виду увеличение доходов королевской казны.

С XI ст. немецкие, главным образом саксонские, колонии создаются в Ужанском, Угочском, Землинском и Бережском комитатах. В Землинском комитате поселения колонистов сосредоточиваются в районе Шарншпотока; в Бережском комитате они основывают колонию Лемпрехтсаз. В XIII—XIV вв. ими были созданы новые поселения, на месте разрушенных татарами, близ современных городов Берегово, Севлюша, Хуста, Тячево. Во время короля Белы IV преимущественно саксонские колонисты ведут разработку соляных месторождений не только в области Сигота, но и в районе между Хустом и Тячевом.

Саксонские колонисты селились на основе «немецкого» права (*more Saxorum*). Они избирали своих старост, судей в гражданских делах, священников, а так же пользовались рядом привилегий и льгот в отношении налогов, поборов и развития предпринимательской и торговой деятельности.

Миграция из Галицкой Руси, Буковины и Приднепровья на закарпатские земли принимает особенно значительные размеры после монголо-татарского нашествия на Русь, и продолжается вплоть до XVII ст. Это переселение имело большое значение для укрепления основного автохтонного этнического ядра в Закарпатье и создания здесь компактного и многочисленного русско-славянского населения.

Организованное переселение русско-славянского элемента в Закарпатье шло по двум каналам: переселение дружинников и их семей под руководством своих князей и переселение завербованных специальными агентами колонистов, селившихся на основе «немецкого» и «валахского» (румунского) права.

Так князь Ростислав Михайлович, зять Белы IV, получивший огромные территории от Марамароша и до Шарнша, которыми он владел на протяжении 1242—1262 гг., заселял эти, опустошенные татарами, области смердами, выведенными им из черниговских и киевских земель. Князь Федор Корнятович в конце XIV ст., согласно народному преданию, привел с собой из Подолы 40 тысяч русско-славянских поселенцев, основавших до 300 населенных пунктов в Марамарошском, Землинском, Абайском и Шарншском комитатах²).

Колонизация на основе «немецкого» права производилась при посредстве института вербовщиков-шолтысов (солтысов). Обычно феодал-

землевладелец специальной грамотой предоставлял доверенному лицу — «локатору» (мелкому дворянину, либертину, а нередко и лично зависимому) право шолтыса, который обязывался привести из других мест на указанные феодалом земли известное число крестьянских семей, основав шолтыское поселение. Наиболее древняя известная нам шолтыска грамота в Закарпатье, описанная А. Петровым, относится к 1329 году³⁾.

Феодал-землевладелец через посредство шолтыса заключал с поселенцами договор, по которому последние получали в наследственное пользование определенные наделы земли (телеки). В зависимости от возможностей семьи она осваивала целые телеки или часть их — $\frac{2}{3}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ надела, состоящих из усадьбы (intervillana), поля и луга (extravillana).

Поселенцы на осваиваемых пустошах освобождались от податей и повинностей на 10—16 лет. По истечении льготного срока члены шолтысской общины должны были ежегодно вносить в пользу феодала натуральный или денежный оброк. Как правило, от барщины в ранний период эти переселенцы освобождались. Иногда к фиксированным платежам и повинностям добавлялись приношения в праздничные дни в пользу феодала и мелкие натуральные повинности (servitutes).

Шолтыс, права которого обычно передавались по наследству, являлся агентом феодала, посредником между землевладельцем и крестьянами-поселенцами. Он исполнял обязанности старосты, следил за выполнением крестьянами своих обязательств по отношению к господину. Шолтыс являлся также и судьей в своем поселении: его компетенции подлежали мелкие гражданские и уголовные дела (regalia minora). И судебные пошлины и штрафы $\frac{1}{3}$ шла в его пользу.

За свои услуги по колонизации пустующих земель шолтыс получал от феодала значительный участок земли в размере 2—6 телеков и выпас в наследственное пользование, а также право открывать мельницу, корчму, шерстекатальню, пивоварню и пользоваться рыбными угодьями. Кроме того, в пользу шолтыса шла определенная часть денежного оброка, уплачиваемого крестьянами (обычно $\frac{1}{6}$ часть), а также он освобождался от уплаты налогов и выполнения натуральных повинностей.

В начале своего существования (с первой четверти XIV ст.) институт шолтысов имел важное значение в системе феодального хозяйства, и права шолтысов фиксировались не только в грамотах феодальных магнатов, но нередко подтверждались и королями. Все возникающие споры между феодалами-землевладельцами и шолтысами подлежали разбору комитатских судебных органов, рассматривавших шолтысов, даже если они выходили из рядов зависимого населения, как людей свободных юридически правомочных, приравниваемых по своему положению к высшим категориям шляхты.

Опираясь на локаторские привилегии, зафиксированные в шолтыских грамотах, шолтысы энергично отстаивают свои права от посягательств со стороны феодалов, так как по мере заселения пустующих земель институт шолтысов становится не только невыгодным, но и ненужным магнатам. В конце XV ст., большинство шолтыских общин лишается своих привилегий, а шолтысы, кроме добившихся дворянских званий, все больше теряют свои права.

Начиная с первой четверти XIV ст., на «немецком» праве в Закарпатье были основаны многочисленные русско-славянские поселения. По данным И. Бидермана и других исследователей, в Спишском, Шарышском и Землинском комитатах были созданы десятки таких поселений, среди них город Подолинец, села Любовна, Ольшавица, Орос-Токай, Литманова и др.⁴⁾ В восточной части Закарпатья в XVII ст. существовало 43 шолтыских русско-славянских поселения: Порошково, Люта, Сухий, Быст

ра. Черногорова и др. Перевод на немецкое право русско-славянских поселений способствовал усилению феодальной эксплуатации крестьянства.

Колонизация на «валахском» праве начинается с XIII ст., когда приглашенные венгерскими королями валахи-скотоводы создают свои поселения в Марамарошском, Бережском и Угочском комитатах. Во главе валахских поселений стояли выборные старосты — «кенеzy». Группа таких поселений объединялась под властью «войды» — воеводы. Валахская колонизация распространялась главным образом на государственные (эрарные) земли и носила преимущественно характер военно-пограничной колонизации.

Колонисты-валахи так же, как и поселенцы на «немецком» праве, сначала освобождались от податей в пользу королевской казны, а по истечении льготного срока, кроме несения военной службы по охране границ, уплачивали эрару «пятидесятину» от приплода овец и коз и по 2 динара от каждого улья пчел, а также выполняли различные мелкие работы по обслуживанию замка, к которому они были приписаны. За пользование пахотной землей валахи-поселенцы уплачивали особую подать.

Первые валахские поселения образовались в Марамароше в начале XIV ст., где осела значительная группа колонистов под руководством кенеzy Драгуша. Позднее были созданы поселения в Бережском и Угочском комитатах. Валахские районы пользовались известной автономией. Кенеzy и воеводы не зависели от комитатских властей. Воеводы являлись военачальниками валахов-колонистов; они же через кенезей собирали подати и выполняли функции судей.

Все это открывало широкие возможности для обогащения и усиления власти кенезей и воевод над массой поселенцев-валахов. Наиболее привилегированное положение занимали воеводы Марамароша. Выполняя важную в интересах королевской власти задачу по охране границ, зарекомендовав себя верными вассалами королей, воеводы занимают должности королевских чиновников и ишпанов комитата. За свою службу они получают в дар от королей земли и превращаются в крупных феодальных землевладельцев Марамароша.

Другой район валахской колонизации — Бережский и Землинский комитаты — имел меньшее значение. Из грамоты королевы Елизаветы (1364 г.) известно, что в южных пограничных районах Закарпатья существовало около 10 валахских военных поселений, расположенных на территории Мукачевской королевской домини.

Автономия и самоуправление валахских районов просуществовали до конца XVI ст. Превращение воевод в ишпанов и комитатских чиновников, а также получение валахской верхушкой прав немешей (дворян) и слияние ее в один господствующий класс с немецко-венгерским дворянством делали ненужным существование института воевод и кенезей.

«Валахское» право было распространено также и на русско-славянских поселенцев. Если в начале XIV ст. на основе этого права создавались только валахские поселения, как например, в Марамароше — Апши, Солотвина и др., то после ухода части валахов в Молдавию, с 40-х гг. XIV ст. в Закарпатье вливаются значительные группы поселенцев из Подолья⁵). Они селились на правах «королевских валахов». Такая смена валахских поселенцев русско-славянскими происходила и в Марамароше, и в районе Мукачева, где 9 бывших валахских поселений в грамоте Георгия Ракоци (1648 г.) называются «русскими».

В других случаях русско-славянские поселенцы расселялись среди валахов, вступая в подчинение кенезей и воевод. В XVI и в первой половине XVII ст. на «валахском» праве возникли многочисленные русско-

славянские поселения в Бережском, Угоцком и Марамарошском комитатах. Только в первом из них было создано 77 таких поселений⁶⁾.

Переселенцами других национальностей были венгры, цыгане, греки, сербы, евреи и арабы⁷⁾. Эта миграция, вследствие своей малочисленности, не оказала заметного влияния на этнический состав населения и хозяйственно-экономическую жизнь Закарпатья.

Экономическая отсталость Закарпатья, низкий уровень развития промышленности, слабое разделение труда между сельским хозяйством и ремеслом, отсутствие удобных торговых путей, не создавали условий для широкого обмена и образования значительных городов как центров ремесла и торговли, а также и для образования сколько-нибудь значительного городского населения — бюргерства.

На протяжении XIII—XVI веков венгерские короли и феодальные магнаты — владельцы латифундий содействуют переселению в Закарпатье ремесленников из других стран, оседавших в местечках и городах Бардневе, Пряшеве, Мукачево, Ужгороде, где они вырабатывали в своих мастерских полотна, кожу, деревянную и глиняную посуду, изделия из металла и камня. В Солотвинских копях добывалась соль.

Массу ремесленников составляли главным образом немецкие (саксонские) и фландрские мастера. « Это были первые свободные люди в Венгрии, которые занимались ремеслом. Со своей родины они занесли сюда свой способ существования с его цеховой и цехоподобной организацией и привили ее в венгерской земле», — писал автор статистических трудов XVIII ст. М. Швартнер⁸⁾.

Наиболее ранние сведения о ремесленных цеховых организациях в Закарпатье относятся к XIV ст. Известны две одинаковые по своему содержанию грамоты правителя Венгрии Яна Гуннади, относящиеся к 1446 году, в которых изложены привилегии цехов портных в Берегово и Мукачево, служившие одновременно и цеховыми уставами.

Цеховая организация немецких мастеров в Закарпатье была создана по образцу и подобию западно-европейских цехов. В первых пяти пунктах устава цехов портных говорится об условиях принятия новых лиц в число цеховых мастеров. Желаящий вступить в цех и получить звание мастера обязан был представить «шедевр» и внести в цеховую кассу вступительный взнос в размере 25 крейцеров.

Вступление нового мастера в цех, как обычно, сопровождалось угощением членов цеха за счет вновь принятого. «Угощение, — говорилось в уставе, — которое новичок приготовляет цеху, должно состоять из двух кобликов вина⁹⁾ и четырех горшков пицци». Кроме того, вступающий в цех должен был поставить «на мастерский стол» 8 кобликов вина и столько же пицци.

Ежегодно принятый в цех мастер обязан был изготовлять из своего материала для двух деканов цеха по паре брюк и по две пары рукавич. Мастер давал присягу строго выполнять требования устава, и на протяжении двух лет не мог ни продать ни передать свое право мастера другому лицу.

В VI пункте, устава в соответствии с королевской привилегией, были изложены принципы судебной автономии цеха. Функции цеховых судей выполняли ежегодно избираемые деканы. Привилегия ограждала цех портных от конкуренции внецеховых мастеров и закрепляла за цехами монопольное право изготовления и продажи одежды. «Никто из числа чужих портных, — говорилось в привилегии, — никакой одежды в нашем городе никогда продавать не может». За нарушение этого порядка у виновного при содействии городских властей отбиралась одежда, изготовленная для продажи.

Для устранения внутрицеховой конкуренции устанавливалось строгое наблюдение цеховой администрации за деятельностью отдельных мастеров, а также запрещалось переманивание заказчиков, подмастерьев и учеников.

Устав определял и условия приема цеховыми мастерами и подмастерьями учеников, а также порядок и размеры оплаты их труда. Хорошему подмастерью, говорилось в уставе, мастер обязан выдавать в год целую штуку абата (ткань для верхней одежды). Помимо этого, подмастерью разрешалось на еженедельных базарах продать для себя две пары брюк, а на ежегодных ярмарках — неограниченное количество одежды. Договор с учеником заключался обычно на три года. Мастер обязывался старательно обучать ученика и обеспечивать одеждой и питанием. За нарушение устава и цеховой дисциплины устанавливались штрафы; за мелкие проступки виновный мастер отделялся угощением членов цеха вином, за более серьезные — денежным штрафом до 12 флоринов. Аналогичные уставы имели мукачевский гончарный цех (1592 г.), цех сапожников (1617 г.) и др.

До XVII ст. доступ в ремесленные цехи лицам, происходившим от «йоббадей и пастухов», а также исповедывавшим православную религию, был закрыт. Только законом 1608 года русинам из числа «либертинов» было предоставлено право вступать в цехи¹⁰). Естественно, что эти условия задерживали рост бюргерства за счет местного, карпато-украинского населения.

В рассматриваемую нами эпоху ремесленное производство в Закарпатье имело еще чрезвычайно ограниченные размеры, удовлетворяя потребности высших классов и бюргерства. Массы крестьянства в условиях господства натурального хозяйства были очень мало связаны с рынком. Производство крестьянского хозяйства было направлено, главным образом, на удовлетворение потребностей феодала и минимальных потребностей производителя и его семьи. Крестьянская семья производила почти все для нее нужное: орудия и одежду, так же, как и жизненные средства. Малочисленное, разноплеменное и неорганизованное население городов в XV ст. не представляло собой активной социальной силы и не играло заметной роли в общественно-экономической и политической жизни Закарпатской Руси.

В XV столетии непривилегированное население Закарпатья, состоявшее в подавляющем большинстве из крестьян, составляло сплошную массу зависимого и полузависимого люда, объединенного одним общим названием «йоббади». Зависимое население в этот период делилось на три основных категории:

1) йоббади частных феодальных владельцев, крепостные, обязанные нести натуральные повинности и уплачивать различного рода налоги и поборы в пользу своих господ и королевской казны;

2) йоббади эрара — казенных земельных владений, находившиеся в меньшей степени личной зависимости, чем крестьяне первой категории и, как «свободные поселенцы» (*hospites*), уплачивавшие за пользование наделом «свободный динар» — подушную государственную подать, а также десятину с приплода свиней и налог шкурами кунниц (*marturina*);

3) поселенцы на «немецком» и «валахском» праве, положение и повинности которых определялись договором с феодалом-землевладельцем. Вначале они выполняли только незначительные натуральные повинности и вносили сравнительно небольшой оброк, но к концу XV ст. все больше теряют свои права и льготы, сливаясь с йоббадями частновладельческих земель.

Одновременно с усилением личной зависимости крестьян значительно увеличивается барщина, натуральный и денежный оброк в пользу фео-

далов-землевладельцев, а также возрастают государственные повинности и налоги. Кроме «королевской десятины» в пользу государства взималась так называемая «государственная порция» (*lucum camereale*), введенная в 1342 году. Этот налог разверстывался по «портам», т. е. взимался «от ворот» крестьянского двора, и вначале составлял три динара в год. С 1397 года, во время войны с турками, с каждой порты взимался еще дополнительный налог — «контрибуция» (*subsidio*), впоследствии превратившийся в постоянный налог.

В 1351 году при короле Людовике, в связи с сопротивлением крестьянства закрепощению их феодалами, а также массовыми бунтами йоббадей, отягощенных произвольно установленными налогами, поборами и повинностями, — производится первая «унификация» крестьянских повинностей по отношению к феодалам, которая приводит на деле к увеличению повинностей.

Вместо десятины вводится «девятинна» (нона) с урожая зерновых культур, винограда, а также с пчел и приплода скота. Нона, как основная форма натурального налога, была подтверждена указом 1498 года в связи с тем, что феодальные магнаты, мало считаясь с королевскими указами, продолжали устанавливать размеры повинностей по своему усмотрению. Одновременно с этим возрастает барщина. С нескольких дней в XIV ст. она достигает 30—40 дней в году в XV ст. Все больше ограничивается право свободного передвижения крестьян.

Усиление феодальной эксплуатации и угнетения крестьян в XV ст. вызывает повсеместные волнения, выражающие протест крестьянских масс против закрепощения их феодалами, сопровождающиеся отказом йоббадей выполнять феодальные повинности и подчиняться комитатским властям и администрации латифундий.

В Шарншском и Землинском комитатах эти волнения вылились в 1457 году в массовое восстание йоббадей. Поводом к восстанию послужили насилия и злоупотребления государственных и доминиальных чиновников — сборщиков налогов, которые беспощадно грабили крестьян, выколачивая порталную подать, возросшую с 30 до 100 динаров в течение XV столетия.

Восстание 1457 года, сведения о котором очень скудны, является одним из наиболее ранних известных нам выступлений крестьян Закарпатья против феодального строя. Данные, приводимые Ачади, И. Бидерманом и другими авторами, дают основание предполагать, что это движение являлось отголоском крупного восстания крестьян Венгрии и Трансильвании против феодального гнета и католической церкви, вспыхнувшего в 30-х годах XV столетия. Волнения закарпатских крестьян, начавшиеся, по всей вероятности, во владении магната Зудра в Шарншском комитате, быстро распространились на Стрпковскую доминию той же столицы, на Гуменскую доминию графа Другет в Землинском комитате, и охватили крестьянские массы многих сел.

Вооруженные крестьяне изгоняли сборщиков налогов, отказывались от уплаты произвольно установленных поборов и выполнения барщины, требуя «взимать дани по справедливости» и не препятствовать свободному отходу крестьян «по старому обычаю».

Неорганизованное восстание крестьян Шарншского и Землинского комитатов, не поддержанное йоббадами других столиц, было подавлено военной силой феодалов. Это восстание крепостных в Закарпатье, несмотря на то, что оно носило локальный и стихийный характер, вызвало большое беспокойство среди феодалов-землевладельцев. Одновременно с увеличением бандерий латифундий, гарнизонов замков и усилением контроля со стороны доминиальных властей над крестьянами,

дворяне применяют все средства насилия для полного закрепощения крестьян.

В 1459 году дворянский сейм принимает закон о запрещении свободного передвижения крестьян. Массовое насильственное прикрепление крестьян к земле послужило сигналом к новым волнениям йоббадей, не утихавшим на всем протяжении второй половины XV ст.

Исторические документы этого периода свидетельствуют о многочисленных жалобах, особенно со стороны мелкого дворянства, направляемых комитатским властям и королю, на «строптивость подданных», оставляющих самовольно своих «законных господ», хозяйства которых поэтому «оскудевают». Дворяне жалуются также на участвовавшие случаи бегства крестьян в леса и горы, где они создают ватаги и «отвращают других подданных от повиновения властям». Не случайно на протяжении второй половины XV ст. дворянский сейм четыре раза подтверждает закон 1459 года.

К. Маркс, характеризуя социально-экономическое и политическое положение Венгрии при короле Владиславе в конце XV — начале XVI века, писал (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VII, стр. 209—210, 1940 г.):

«...магнаты были богаты, король беден; страной управляли помещики, дворяне (имевшие в своих руках **судебную власть**) и прелаты; из податей, взимаемых с сословий, лишь немного попадало в **государственную казну**; прелаты и бароны взапуски грабили ее, обогащая свои семьи»...

К концу XV ст. на закрепощенные массы крестьянства были взвалены новые налоги и повинности. К установленным ранее поборам присоединился комитатский налог на содержание «жупного управления», а также расширенная церковная десятина, распространяющаяся на все отрасли крестьянского хозяйства, барщина в пользу церкви (роковина), натуральная подать в пользу священника (коблина) и «штоловые поборы» за отправление религиозных треб.

Закрепощение крестьянства Закарпатья, колоссальный груз повинностей и поборов, опустошительные междоусобные войны феодалов приводят к разорению крестьянских хозяйств, к снижению жизненного уровня трудящихся, к образованию многочисленного слоя деревенской бедноты (желляры) и пауперов (поджелляры), к обострению на этой основе классовых противоречий и углублению социального недовольства масс, вылившихся в грозное крестьянское восстание в начале XVI ст.

ГЛАВА II

ВОССТАНИЕ «КУРУЦЕВ» В ВЕНГРИИ И ЗАКАРПАТЬЕ В XVI В.

Яркая характеристика положения масс немецкого крепостного крестьянства в начале XVI ст., данная Ф. Энгельсом в его работе «Крестьянская война в Германии», может быть полностью отнесена и к положению крестьянства Венгрии и Закарпаття этого периода.

«На крестьянина, — писал Энгельс, — ложилась своею тяжестью вся иерархия общественного здания: князья, дворянство, попы, патриции, городские бюргеры. Принадлежал ли он князю, вольному имперскому рыцарю, монастырю или городу, с ним всюду обращались, как с вещью или выючным животным, или же еще хуже. Если он был крепостным (*Leibeigener*), он находился всецело во власти своего господина, если же он был зависимым (*Höfiger*), то уже одних законных, установленных по договору повинностей было вполне достаточно, чтобы задвинуть его; но эти повинности увеличивались с каждым днем. В течение большей части своего времени он должен был работать на земле своего господина, а из того, что ему удавалось выработать в течение немногих свободных часов, он должен был выплачивать десятины, центы, оброки, военные подати... Он не мог ни вступить в брак, ни умереть, не заплатив своему господину»¹¹). Обострение классовых противоречий в этот период достигло такого предела, когда достаточно было небольшой искры, чтобы разгорелось массовое крестьянское восстание против феодального угнетения.

Весной 1514 года в Венгрии вспыхнула всеобщая крестьянская война, пламя которой охватило и закарпатские комитаты. Поводом к восстанию угнетенных масс крестьянства против феодального строя, как известно, послужили следующие обстоятельства. Папа Лев X в марте 1514 года призвал население Венгрии вступить в ряды крестоносного войска для отпора нашествию мусульман-турок. Проповедники крестового похода, по обыкновению, обещали свободу всем крепостным и зависимым крестьянам, которые вступят в ряды крестоносцев — «куруцев».

В течение двух месяцев под знамена куруцев встали десятки тысяч крепостных крестьян и городской бедноты Венгрии в надежде, что приняв участие в походе, они избавятся от феодального порабощения. К крестоносному войску присоединилась некоторая часть и мелкогродворянства, надеявшаяся поправить свои дела участием в «богоудобном» предприятии. Во главе куруцев, насчитывавших около 60 тысяч человек, был поставлен Георг Дожа, получивший до этого за отличие в борьбе с турками дворянское звание.

«Однако венгерские рыцари и магнаты, писал Энгельс, отнеслись очень неблагосклонно к этому походу, который грозил им лишить их собственности, крепостных. Они бросились за отдельными толпами крестьян и с помощью насилия и жестокостей вернули своих крепостных обратно. Когда об этом стало известно в войске крестоносцев, ярость угнетенных крестьян прорвалась. Двое из наиболее ревностных проповедников крестового похода Лаврентий и Варнава, своими революционными речами еще более раздули в войске ненависть против дворячества. Сам Дожа разделял негодование своих войск против предателей-дворян. Крестовое войско превратилось в революционную армию, и он стал во главе этого нового движения»¹²).

Огонь восстания быстро распространился по всей Венгрии. Размах крестьянской войны, угрожавшей существованию феодального строя, заставил господствующие классы мобилизовать все свои силы. Во главе дворянской армии становится крупнейший магнат Венгрии семиградский воевода Ян Заполья¹³), которому удалось в ряде сражений разгромить по частям и рассеять плохо вооруженные, неорганизованные и необученные отряды куруцев.

Над восставшими началась зверская расправа. Руководитель восстания Георг Дожа, взятый в плен в бою под Темешваром, был живо зажат на раскаленном троне. Рассеянные крестьянские отряды, собранные помощниками Дожи Лаврентием и Госсой, были снова разбиты. Попавшие в руки дворян повстанцы подвергались страшным мучениям и пыткам. «Трупы крестьян тысячами висели вдоль улиц и у околиц сожженных деревень. Говорят, пало в боях и было перебито во время репрессий до 60 000 человек»¹⁴).

В Закарпатье восстание крепостных крестьян в 1514 году, называвших себя также «куруцами», охватило Ужанский, Бережский, Угочский и Марамарошский комитаты. В восстании участвовали большие массы крестьян. Но в Закарпатье восстания куруцев в отдельных комитатах не слились в общекрестьянскую войну, а проходили изолированно, и поэтому отряды повстанцев были сравнительно легко разбиты по частям дворянским войском.

В Ужанском комитате организатором движения куруцев был неизвестный монах из числа плебейского духовенства. Ему удалось создать несколько крестьянских отрядов, которые нападали на феодальные поместья и расправлялись с ненавистными дворянами-эксплуататорами. В сражении с дворянским ополчением, во главе которого стояли магнаты комитата Разгони и Тарчай, неорганизованные крестьянские отряды были разгромлены, а захваченные в плен крепостные-повстанцы замучены.

На территории Бережского комитата также действовало несколько разрозненных отрядов куруцев. Они громили и сжигали дворянские усадьбы, забирали скот и зерно, уничтожали документы, записи повинностей и поборов, убивали господ. Один из руководителей отряда куруцев мелкий немеш Иван Галабор был убит агентами бережских феодалов, а его отряд, лишившийся предводителя, рассеян гайдуками. Другой отряд повстанцев, действовавший в районе Мукачева под руководством Степана Балюга, активно боролся против дворянского войска, но, не получив поддержки со стороны городского населения Мукачева, вынужден был, преследуемый превосходящими силами феодалов, распустить свой отряд.

Более организованно протекало восстание куруцев в Угочском комитате, которым руководил, как можно предполагать, крестьянин Кермеш. Число повстанцев в комитате составляло несколько тысяч человек. Восстание охватило большую часть населенных пунктов столицы и при-

няло такой размах, что вооруженная сила барона Перени, одного из крупнейших магнатов Закарпатья, не решалась вступить в открытое сражение с куруцами, предпочитая отсиживаться в замке Ньялаб, близ Королево у Тиссы.

Восставшие крестьяне Угочского комитата окружили замок, но, не имея ни опыта, ни технических средств для осады укрепленного пункта, не могли взять его штурмом, ограничившись блокадой замка и разгромом дворянских имений, прилежавших к Ньялабу.

Наиболее широкий размах движение куруцев приобретает в Марамароше. Повстанцы захватили в свои руки большую часть комитата, беспощадно уничтожая дворян и их агентов из числа комитатской и доминиальной администрации. Напуганные дворяне с семьями и челядью спасались за прочными стенами Хустского замка, возвышавшегося на высокой горе, господствовавшей над окружающей местностью.

В одном из указов короля, изданном после подавления крестьянской войны 1514 года, о восстании куруцев в Марамароше говорилось: Подданные Марамароша «забыли о верности нам и святой короле. Они, соединившись с простым народом Венгрии, отказались от своих законных господ и, ведомые вредной и смелой фантазией, вероломно восстали, чтобы свергнуть короля, а так же уничтожить дворян, и присоединились к лагерю разбойника Дожи. Они сожгли дворянские дома, разграбили их имущество, а многих из них предали мучительной казни... Они относились к дворянам хуже, чем к врагам»¹⁵).

Повстанцы Марамароша окружили замок Кирилигаз и стали угрожать Хустскому замку — наиболее сильному опорному пункту дворянства. Однако осада Кирилигаза затягивалась, а закарпатские феодалы, получив поддержку от венгерского дворянства, начали наступление на отряды куруцев в Закарпатье.

Дворянское войско, возглавляемое магнатами Стефаном Вербовци и Габором Перени, пользуясь замешательством в рядах восставших, которым стало известно о поражении куруцев в Венгрии, и располагая организованной и хорошо вооруженной дворянской конницей разгромило разрозненные отряды повстанцев.

После подавления движения куруцев в Закарпатье, началась с такой же жестокостью, как и в Венгрии, расправа с восставшими крестьянами. Многие села в районе Мукачева, вдоль Тиссы, в Марамарошском и Ужанском комитатах были превращены в руины и пепелища, а население их без различия пола и возраста беспощадно уничтожалось.

На крестьянские массы Закарпатья и на «мятежные» города Мукачево, Ужгород, Хуст, Вышково, Тячево и др., плебейское население которых поддерживало куруцев, была наложена огромная контрибуция. Умиротелители крестьянского восстания в Закарпатье Вербовци, Перени, Погань и др. получили только в Марамароше 32 конфискованные имения немцев, примыкавших к куруцам, и новые земельные пожалования и награды от короля за подавление «злонамеренного и опасного бунта».

Поражение куруцев было обусловлено теми же причинами, которые были типичны и для других антифеодальных крестьянских восстаний: отсутствие революционного класса-гегемона и ясной, осознанной социальной цели, стихийность и неорганизованность восстания, слабая поддержка движения городским населением и др.

В ряду общих причин, отрицательно сказавшаяся на ходе движения — разновременность и несогласованность восстаний в Венгрии, Закарпатье и Семиградье, что ослабляло силу удара крепостных по феодальному строю. Отсутствие непосредственной связи между армией Дожи и закарпатскими куруцами, между отрядами повстанцев, действовавших в

отдельных комитатах Закарпатья, также вело к раздроблению сил восставших.

Наконец, надо указать, что движение куруцев в Закарпатье не нашло широкой поддержки со стороны городского населения. Зажиточная верхушка бюргерства выступала против движения куруцев, нацуганная его революционно-плебейским характером. Средние слои бюргерства были нейтрализованы обещаниями феодалов снизить пошлины и предоставить ряд льгот торговцам и цеховой верхушке. Плебейские низы ряда городов оказывали поддержку куруцам, но они не представляли еще значительной и организованной силы.

Утверждение буржуазных венгерских и закарпатских авторов о том, что горожане Закарпатья в целом относились отрицательно к движению куруцев, не соответствует действительности. Это мнение опровергается, в частности, тем фактом, что после подавления крестьянского движения 1514 г. в Закарпатье на коронные города была наложена контрибуция, а плебейские элементы многих городов, как «бунтовщики» подвергались репрессиям.

Крестьянская война 1514 года является одним из ярких примеров совместной революционной борьбы эксплуатируемых народных масс Венгрии и Закарпатья против феодального угнетения. Движение куруцев в Закарпатье возникло и развивалось под непосредственным влиянием крестьянской войны в Венгрии. Причем это воздействие сказалось не только на характере самого движения, но и на требованиях крестьян Закарпатья. Как можно судить по отрывочным данным «прекраснейших записей»¹⁶⁾ и семейного архива Перени¹⁷⁾, требования марамарошских крестьян (уничтожение дворянского сословия, установление равенства правовых и имущественных отношений, уничтожение королевской власти и др.) целиком совпадают с программой Дожи.

После поражения крестьянской войны 1514 г. дворянство Венгрии, по словам Энгельса, «позаботилось о том, чтобы на ближайшем ландтаге снова признать порабощение крестьян законом страны»¹⁸⁾.

Дворянство закрепляет свою победу над крестьянами постановлениями так называемого «Дикого сейма», собравшегося в октябре 1514 года. Решения сейма были лаконичны и жестоки. В них в неприкрытом, циничном виде была выражена вся гнусность венгерского дворянства, торжествующего свою победу над поверженными, истекающими кровью, но не покорившимися и попрежнему грозными для господствующего класса народными массами.

К. Маркс по этому поводу писал (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VII, стр. 210, 1940 г.): 17 октября 1514 года «сейм в Офене вынес следующее постановление: **«Крестьяне, которые до сих пор были свободными, превращаются в крепостных и теряют право свободного перехода; кроме прежних налогов, они будут платить новые; под страхом потери правой руки им запрещается носить оружие; впредь никто из крестьянского сословия не может достигнуть высших духовных должностей».**

Все участники восстания, говорилось в постановлении сейма, должны быть покарены смертью. Потомки восставших, независимо от их сословной принадлежности, лишались всех прав и могли быть только крепостными. Крестьянам под страхом жесточайшего наказания запрещалось носить оружие. Пастух, пойманный с оружием первый раз, должен быть подвергнут кастрации; пойманный вторично — подлежал смертной казни. Иоббади-земледелец за хранение оружия расплачивался отсечением правой руки.

Убытки дворян, понесенные ими в результате восстания, должны были покрыты крестьянами сел расположенных вблизи подвергше-

гося разгрому имения, хотя бы крестьяне этих сел и не принимали непосредственного участия в восстании. На специальные дворянские комиссии была возложена задача выявить участников восстания, которые предавались смертной казни, а имущество их шло на покрытие убытков дворян. Духовенство, по решению сейма, не должно было отпущать грехов крестьянам до тех пор, пока не будет возвращено господское имущество, а тех, у кого такое имущество будет обнаружено, предписывалось жестоко наказывать и отлучать от церкви. Словацкий автор С. Яншак справедливо называл постановление «цикого сейма» «драконовским и кровавым законодательством»¹⁹).

Крестьяне решением сейма «на вечные времена» прикреплялись к земле, а размеры крестьянских повинностей были снова увеличены. Каждый женатый кметь, включая и жетляров, обязан был ежегодно уплачивать феодалу оброк в размере одного флорина, вносить пону со всего урожая и скота, отработать один день в неделю и выполнять повышенную «кухонную подать».

В следующем, 1515 году дворянский сейм принимает уложение, закреплявшее диктатуру класса феодалов и бесправие трудящихся масс на основе резкого сословного деления. Это уложение, автором которого являлся душитель восстания куруцев в Закарпатье, Стефан Вербовци, получило название «Трипартиум» (*Decretum Tripartitum juris consuetudinarii*).

Трипартиум делил все население Венгрии на две неравные социальные группы: народ (*populus*) и чернь (*plebs*). К «народу» принадлежали три привилегированных сословия, составлявшие в совокупности господствующий класс феодалов-эксплуататоров: высшее духовенство (*praelati*), высшая светская феодальная знать (*domini, barones et magnates*) и различные категории многочисленного среднего и мелкого дворянства (*nobiles*).

Первое сословие — прелаты (*clerus major*) состояло из архиепископов, епископов, опатов и пробстов. Высшим слоем этого сословия являлись «бандеральные прелаты» — архиепископы и епископы, выступавшие под своими знаменами вооруженные отряды — бандерны. Среди светской знати различались два слоя: бароны *ex officio* по занимаемой должности (палатины, баны, воеводы) и бароны *solo nomine* — магнаты, не занимавшие государственных должностей.

Наиболее многочисленным сословием господствующего феодального класса было мелкое дворянство (*liberi majores*). Наряду с дворянами, имевшими земельные владения и крепостных, было много мелкопоместного дворянства и «однодворцев» — «курнальстов», не имевших крепостных. Еще ниже стояли так называемые «армалисты», т. е. безземельные дворяне, имевшие только герб (*arma*). Армалисты не допускались в сейм. Ближе к ним примыкал слой разорившихся дворян, прихлебателей крупных магнатов (*familiares*).

На одной сословной ступени с низшим дворянством стояли так называемые «*liberae personae*», т. е. лица, по своему правовому положению приравненные к дворянству. Сюда относились «предиалысты» (вассалы прелатов), несшие военную службу, вместо своих духовных сюзеренов, и «локальное» дворянство (*nobiles locales*), пользовавшееся дворянскими правами на ограниченной территории.

Только эти сословия — высшее духовенство, светские магнаты и дворянство — считались «народом» и членами святостефанской короны. Только они были полноправными членами общества, обладающими полной личной свободой, правом собственности на землю. Они освобождались от всех видов налогов и повинностей. Единственная их обязанность — несение военной службы. Только за ними признавались

право участия в управлении государством. Члены этих сословий принадлежали только сословной дворянской юрисдикции.

Так называемые «малые регалии» (*regalia minora*) были исключительной привилегией дворянства. Сюда относились: патримониальная юрисдикция по отношению к сельскому крепостному населению, право охоты, производство и продажа спиртных напитков и т. п. За духовными феодалами, помимо этого, признавались и особые права: недопущение отчуждения бенефиций духовных лиц за долги и освобождение этих лиц от присяги при свидетельских показаниях. В частности, присяга прелата приравнивалась к присяге десяти дворян.

Остальное абсолютное большинство населения Венгрии, куда относилось прежде всего крестьянство и городские низы, составляло бесправную и зависимую массу плебса. Он не имел никакого права на землю. «Крестьянин, — говорилось в Трипартитуме, — не имеет на земельное владение господина никакого наследственного права, за исключением вознаграждения и платы за труд, собственность на землю принадлежит только землевладельцу-господину, единственным носителем которой он и является».

Трипартитум закреплял неограниченный произвол феодалов над крепостными крестьянами. Жалобы на притеснения дворян не допускались, свидетельство крепостного против знатного лица, как свидетельство бесправного существа, не имело юридической силы. «*Rusticana attestatio contra personam Nobilitarum nihil valet*» гласила одна из статей Трипартитума²⁰).

К Маркс говоря о положении трудящихся масс Венгрии и усилии феодальных магнатов после поражения крестьянской войны, указывает (Архив Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 210—211, 1940 г.): «**венгерский народ был совсем забит и угнетен, а дворянство превратилось в хлебников** и живущую **подачками магнатов челядь**, которую те кормили и использовали [для своих целей], правление находилось исключительно в руках **прелатов и могущественных баронов**, избранных в состав регенства».

Некоторые буржуазные историки, в том числе автор ряда трудов по истории Венгрии и Закарпатья, И. Бидерман, характеризуя этот период в истории Закарпатской Руси, подчеркивали, что Трипартитум нанес «смертельный удар существованию русского люда» за Карпатами, бросив безгласные массы крепостных к ногам всемогущих феодалов.

Несомненно, что поражение крестьянского восстания 1514 года, закрепление победы феодалов над крестьянскими массами и дворянской диктатуры в стране, нашедшие свое выражение в постановлениях «Дикого сейма» и в Трипартитуме, привели к дальнейшему усилению феодального гнета, к еще большему разорению и обнищанию масс крестьянства. Но нет никаких оснований утверждать, что массы крепостных «безгласно» были повержены к ногам всемогущего дворянства, так как и после 1514 года закарпатские йоббады ведут на протяжении трех столетий непрерывающуюся и ожесточенную борьбу против феодально-крепостнического строя.

Бедствия обрушившиеся на массы крестьянства Закарпатья после поражения восстания курушев, были чрезвычайно обострены турецким нашествием на Венгрию и начавшимися со второй половины XVI ст. особенно ожесточенными феодальными войнами, охватившими и территорию Закарпатской Руси.

Победа турок под Могачем (1526 г.) привела к распаду Венгрии. Почти 2/3 территории Венгрии попали в руки турок. Часть венгерских земель была присоединена к владениям Габсбургов и к Трансильванскому княжеству. Закарпатские земли в этот период подвергаются не

прерывным нападениям со стороны войск Габсбургов, турок и семиградских князей-вассалов султана.

В 1546 году немецко-цесарские войска захватывают и разоряют Марамарош, вскоре подвергшийся новому нашествию уже со стороны турецких войск, опустошавших эту область на протяжении 1561—1562 годов. К разорениям связанным с войнами, присоединились стихийные бедствия: в 1530 г. в восточных областях Закарпатья распространился мор, унесший тысячи жизней; на протяжении 1541—1544 гг. огромные массы саранчи уничтожают крестьянские посеивы, а в 1546 г. в закарпатских комитатах свирепствует страшная эпидемия чумы. Представление о размерах опустошений, нанесенных областям Закарпатья в этот период, дают *conspirationes dicales* (словесные показания).

О многих селах Сатмарского комитата в протоколах 1567 г. говорится: «*totaliter combusta, depilata, desolata per milites Suae Majestatis, per Valones, per milites omnium ordinum*» («целиком сожжены, разграблены, уничтожены войсками его величества, валахами, всевозможными войсками».); дома населенного пункта Nagy Cút, Бережской столицы в 1564 г. «*totaliter combusta per Germanos*» («целиком сожжены немцами»); в 1567 г. в Унгварской столице множество сел: «*per milites Germanos... spoliatae, desolatae*» («немецкими солдатами... разграблены уничтожены»), село Asvány, где не числилось ни одной крестьянской семьи: «*primo per milites Sacrae Caesareo — Regiae Majestatis, deinde vero per Tartaros est depilata*» («сначала войсками священного императорско-королевского величества, а затем татарам ограблено»); власти Спишской столицы в феврале 1601 г. заявляли: «*Hoc anno praesenti defalcatae sunt domus 278. propter ignis voraginem, propter pestem et propter exercitum Suae Majestatis...*» («В этом году обезлюдело 278 домов. вследствие пожара, вследствие чумы и благодаря войску его величества»²¹). В довершение ко всему в 1594 году до 60 тысяч татарских войск, уничтожая все на своем пути, вторгаются через Галицию и Марамарош в Закарпатье, превратив территорию до Спиша в «зону пустыни».

Феодалы-землевладельцы стараются пополнить убыль населения привлечением новых поселенцев-колонистов. В XVI и в начале XVII ст. на закарпатских землях оседают главным образом поселенцы из Галиции, спасавшиеся от угнетения со стороны польской шляхты.

Колонизация этого периода носила преимущественно характер шолтыских и кенезских поселений. Из копий шолтыских грамот (*litterae keneziales*), приложенных к урбарнию Мукачево-Чинадиевской доминии известно, что за время с 1526 г. по 1649 год было выдано 169 шолтыских и кенезских грамот. После 1649 года подобные грамоты, как видно, не выдавались²²). На Марамарошине братья Пещкович, получив шолтыскую грамоту, основали село Гукливое; семья Мороза — с. Келечин, а другие шолтысы образовали населенные пункты Прислоп, Изки и т. д.²³).

Колонисты, как и в предшествующие годы, пользовались некоторыми временными льготами. Так в XVII в. администрация Мукачевской доминии объявила, что каждый пришлый йоббадь будет освобожден на протяжении шести лет от налогов и поборов, выполняя только в течение этого времени 12-дневную барщину в году. Причем поселенцам предоставлялось право перехода к другому владельцу даже до истечения льготного срока, после уплаты соответствующего «выхода».

В XVI—XVII столетиях русско-славянская колонизация распространилась на территории от Поурада до верховьев Тиссы. В комитатах Шаринском, Землинском и Ужанском рассеивались главным образом темки, выходцы из галицкой Лемковщины, из округов Санок, Крес-

но, Горлицы, Ясло. В восточной части Ужанского комитата, в Берекской жупе и северо-западном Марамароше оседали преимущественно «бойки» из округов Старый, Дрогобич, Калуш, Самбор. Галицкие гуцулы, передвигаясь по рекам Ондава, Лаборец, Уж, Латорица, Река, Тересва, оседали в бассейне р. Тиссы до Требушан и создали здесь галицкие поселения Рахово (XV в.), Луг, Требушаны (XVI в.) и Ясиню (XVII в.).

В результате колонизации закарпатских земель, в XVI в. наблюдается возрастание числа вновь созданных населенных пунктов. Так, например, если в Невницкой доминии Другетов числилось в 1451 г. 2 замка и 25 сел, то в XVI ст. (1559 г.) на территории доминии, расширившей свои пределы на север в район Перечинна и Березного, существовали один замок (castrum) Невницкое, крепость (castellum) Унгвар и 45 населенных пунктов. В 1582 году в состав этой доминии уже вошло 66 населенных пунктов.

До недавнего времени в писаниях многих закарпатских буржуазных авторов по истории феодальных отношений в Закарпатской Руси имела хождение версия о том, что массы крестьянства Закарпатья до XVII ст. якобы не испытывали на себе такого угнетения, какое переносили крепостные других областей. Основанием для такого утверждения служили данные «комиссии Сальма».

В 1570 году царская комиссия Николая Сальма обследовала положение крестьянских хозяйств некоторых комитатов Закарпатья и в своих выводах указывала, что русинские подданные живут не только привольно, но и богато, имея много дукатов и скота.

Буржуазно-националистические авторы (Пачовский, Кондратович, Гаджега и др.) постарались подвести под эти лживые сведения и тенденциозные выводы комиссии «теоретическое обоснование», создав целую псевдонаучную концепцию привольно-зажиточной, патриархально-идиллической жизни закарпатских крестьян и пастухов в средневековую эпоху, о «благобыте» которых заботились и не давали в обиду «отцы народа» — венгерские магнаты.

Эта версия, построенная на грубой фальсификации исторической правды, не выдерживает никакой критики. «Комиссия Сальма» имела, как известно, специальное задание, изыскать любыми путями дополнительные источники пополнения пустующей царской казны. Поэтому для Сальма все средства были хороши. Ему хотелось видеть «много дукатов и скота», и он их нашел, хотя на самом деле, как свидетельствуют исторические документы, массы крестьянства Закарпатья в этот период испытывали страшные бедствия, разоряемые войнами и феодальной эксплуатацией, а население целых районов вымирало от голода и эпидемий.

ГЛАВА III

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА
ЗАКАРПАТЬЯ В XVII СТ.**

XVII век вошел в историю Закарпатской Руси как период лихолетья, принесший огромные бедствия и страдания трудящимся массам. Территория Закарпатья почти до начала XVIII ст. была ареной ожесточенных войн семиградских князей, венгерских магнатов против Габсбургов. В истории социально-экономических отношений это была эпоха усиления феодального угнетения крестьянских масс, дальнейшего разорения и упадка крестьянских хозяйств. Борьба против феодально-крепостного угнетения, не угасавшая на всем протяжении этого периода, со второй половины XVII ст. переплетается с борьбой против угрозы католического порабощения, нависшей над народными массами Закарпатской Руси в результате наступления феодально-католической реакции.

На протяжении 1604—1606 гг. семиградский князь Стефан Бочкай ведет войну против Габсбургов, установивших тяжелый режим национального и религиозного угнетения населения Венгрии, и добивается значительных уступок со стороны венского двора в пользу венгерского дворянства. К владениям Бочкай были присоединены территории Сукмарского, Бережского и Угочского комитатов, а также Хустский замок с прилегающими к нему селами, подвергшимся тяжелым опустошениям.

С 1613 года семиградский трон занимает князь Габор Бетлен, который вторгается со своими войсками в северо-восточные области Закарпатья и захватывает Угочский и Бережский комитаты и г. Мукачево. Население этих областей было снова ввергнуто в пучину военных бедствий.

На протяжении 30 лет, с 1630 г. по 1660 г., территория Закарпатья беспрестанно подвергается нападением войск семиградских князей Ракоци, турецких янычар и польской шляхты. В 1657 г. в ответ на вторжение Георгия II Ракоци в Польшу, многотысячный отряд польской шляхты, возглавляемый магнатом Любомирским, обрушивается на закарпатские земли, уничтожает посевы, грабит и убивает население, сжигает села и опустошает города Вышково, Берегово, Мукачево.

В следующем году турецкие войска Али-паши совершают опустошительный поход в район Тиссы, разоряют комитаты Закарпатья, угоняя захваченное население в неволю. В народной песне в таких словах описываются страдания украинских пленников.

«Коти турки воювали,
 Бїду челядь забїрали,
 У нашої попадоньки
 Взяти воїн три дївоньки.
 Одну взяли попри конї,
 Попри конї на ременї,
 Другу взяли попри возї,
 Попри возї на мотузї,
 Третю взяли в чорні мажі..
 Що ю взяли попри конї,
 Попри конї на ремешї,
 Тота плаче: «Ой, боже мїй!
 Косо моя жовтенькая!
 Не мати тя разчіпує,
 Візїник бичом разчіпує».

Що ю взяли попри возї,
 Попри возї на мотузї,
 Тота кричить:
 «Ой, боже мїй, нїжки мої,
 Нїжки мої біленькії!
 Не мати вас умиває,
 Пісок палїї розїдає,
 Кровця пучки заливає».
 Що ю взяли в чорні мажі,
 Тота плаче, тота кричить
 «Ой, боже мїй, очка мої,
 Очка мої черненькії!
 Тїльки орсаї²¹⁾ проходили,
 А білий світ не видїти²²⁾».

В сферу антигабсбургских войн 70—80 гг. XVII ст. (восстания Ференца I Ракоци 1670 года, марамарошского дворянства 1676 года, Эмерика Текели 1678--1682 гг.) были вовлечены не только комитаты Венгрии, но и закарпатские земли, население, которых подвергалось разорениям и насилиям со стороны королевских войск.

В хронике Левочи за 1678 год осталась такая запись: «Много людей в государстве блуждает туда и сюда, и от того почти все в нем разрушено.. Много полей остаются незасеянными, недостает муки... всюду стѣны и большое горе». Огромная Гуменская доминия графов Другет, сторонников Габсбургов, была страшно опустошена войсками Текели. Ужгородский замок был разрушен, десятки населенных пунктов доминины подверглись разграблению, в Ужгороде половина домов также была разрушена, а Перечин и Великое Березное были сожжены дотла.

В 1685 году антигабсбургские восстания были подавлены. Только мукачевский замок, принадлежавший жене Текели, на протяжении 1685--1688 гг. продолжал оказывать сопротивление королевским войскам. В период осады Мукачевского замка более 40 сел, прилегающих к нему, были разрушены и сожжены.

Цесарские войска, занявшие Семиградье и Закарпатье, установили здесь режим тяжелого насилия и произвола. В Марамароше, например, было размещено на постоянной 4000 королевской конницы и 1000 человек пехоты. Немецкие солдаты вели себя на закарпатских землях, как на завоеванной территории. Они грабили и угнетали население, насиловали женщин, отбирали продукты, зерно, сено и последнюю одежду.

Неплохо характеризует нравы немецких завоевателей того времени такой факт. Командующий королевскими войсками в Марамароше генерал Караффа за большой выкуп согласился вывести свои войска с территории комитата. Получив выкуп весной 1686 г., он на время отвел своих ландкнехтов, но осенью того же года снова расквартировал их в Марамароше. За вывод войск Караффа потребовал новый выкуп в размере 60 тыс. флоринов, когда и это требование было удовлетворено за счет невероятного нажима на крепостное население, то цесарский генерал отказался выполнить свое обещание.

О страшных опустошениях, которые причинили Закарпатью феодальные войны XVII ст., о катастрофическом упадке крестьянских хозяйств можно судить по таким данным. В Мукачевской доминии, как свидетельствуют урбаральные списки, в 1682 году числилось 145 сел, 2770 наделов земли и 3739 душ крепостных, а через 6 лет в доминии оставалось только 115 сел и 955 душ крепостных. За эти годы было полностью уничтожено 30 сел, а 34 населенных пункта оставлены жи-

гелями. Количество крепостных крестьян в доминии за это же время уменьшилось почти в четыре раза.

Такое же запустение наблюдалось и в других доминиях. В Ужгородском казенном имении, площадь которого доходила до 1200 кв. км., из 47 сел 23 были оставлены жителями; в остальных селах оставалось от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{8}$ населения²⁶). В с. Ярок из 42 домов жители оставались только в 9; в Ореховцах — из 26 домов в 6; в Дравцах — из 46 в 13; в Оноковцах — из 35 в 11 и т. д. Из 1195 крестьянских дворов имения было оставлено жителями и разорено 608, т. е. более половины всех дворов.

Крестьянские хозяйства, пережившие период лихолетья, были вконец разорены и ограблены бесконечно сменявшимися друг друга отрядами воюющих сторон. Дошедшие до нас документы раскрывают всю глубину бедствий, обрушившихся на массы крестьян, которых облагали непомерными контрибуциями и поборами, обвешивали, обдирали и притесняли войска Габсбургов.

Из жалобы крестьян с. Гусак, Ужгородского комитата, видно, например, какие бесчинства творили цесарские войска, какие бедствия они причиняли населению. В этом селе только на протяжении 4-х дней находилось три роты королевских войск. За это время королевские наемники пожрали 192 четверти ржи и пшеницы, 226 гусей, 1 свинью, 15 телят, сала и др. продуктов почти на 100 флорингов и выпили вина на 25 флорингов. Для фуражного довольствия у крестьян было отобрано 203 четв. ячменя, 243 четв. овса и 40 возов сена. Наконец, перед своим уходом, королевские войска угрозой потъечь село заставили крестьян уплатить денежную контрибуцию.

В результате разорения крестьянских хозяйств резко падает число обрабатываемых участков земли, сокращаются размеры наделов, находящихся в пользовании крестьян, возрастает число безземельных крестьян желляров.

По Чинадиевской доминии Ракоци, например, в конце XVII ст. обрабатывалась из 870 крестьянских наделов только $\frac{1}{3}$ часть. В Ужанской доминии в 1689 году из 1195 крестьянских наделов обрабатывалось только 587, т. е. меньше половины. По некоторым дистриктам (участкам) доминии, как это видно из таблицы²⁷), процент обработанных наделов был ниже среднего.

№ дистриктов	Крестьянские наделы			% обработанных наделов к общему числу
	Всего наделов	Обработанных	Необработанных	
I	266	109	157	40.9
II	220	111	109	50.4
III	197	101	93	53.3
IV	275	143	132	52
V	113	62	51	54.9
VI	124	58	66	46.7
	1195	587	608	49.1

Причем, характерно, что большинство необрабатываемых участков земли составляли полные и половинные наделы. Так, из 584 заброшенных наделов, полных насчитывалось 290, $\frac{3}{4}$ наделов—37, $\frac{1}{2}$ наделов—211, $\frac{1}{3}$ наделов—3, четвертных—41 и $\frac{1}{8}$ надела—2. Это явление следует объяснить как резким сокращением тягловой силы, отсутствием необходимого посевного материала, рабочих рук для освоения больша-

наделов, так и отсутствием всякой заинтересованности у крестьянина в ведении полевого хозяйства в условиях, когда у него не было никакой уверенности в том, что его труд окупится урожаем. Посевы крестьян вытаптывались и уничтожались проходившими войсками, которые к тому же отбирали у крестьянина весь его скудный запас хлеба.

Поэтому, как свидетельствуют приведенные цифровые данные, крестьяне отказываются от обработки больших наделов и переходят на сокращенные наделы, которые могли обеспечить хотя бы полуголодное их существование.

Во многих населенных пунктах доминии количество заброшенных участков в несколько раз превышало число обрабатываемых. В с. Яроч обрабатывалось 9 участков, а заброшенных было 33, соответственно в с. Дравцы—13 и 33, в с. Довгое—2 и 6, в с. Невицком—13 и 19, в с. Онуковцы—11 и 24 и т. д.

Данные о крестьянском землепользовании в Ужгородской доминии²⁸), характеризующиеся переходом на сокращенные наделы, наглядно показывают обнищание и упадок крестьянских хозяйств:

всего	Число крестьянских дворов					
	полным	3/4	1/2	1/3	1/4	1/8
187	16	18	234	14	277	28

Из таблицы следует, что из общего числа крестьянских хозяйств этой доминии только 2,2% обрабатывали полные наделы, 3,6%— $\frac{3}{4}$ надела, 40%— $\frac{1}{2}$ надела, 2,3%— $\frac{1}{3}$ надела, 47,1%—четвертные наделы и 4,8%— $\frac{1}{8}$ надела.

Крестьянская семья могла существовать впроголодь, обрабатывая $\frac{1}{2}$ надела, но $\frac{1}{4}$ и тем более $\frac{1}{8}$ надела совершенно не обеспечивали даже минимальных потребностей производителя. Таким образом, свыше 60% наделных крестьян надо отнести к числу деревенской бедноты, влившейся в полуголодное существование.

Мало того, крестьянские хозяйства, обрабатывающие не только половинные, но $\frac{3}{4}$ и даже целые наделы в некоторых дистрикатах, расположенные на плохих землях, при первобытной технике и приемах обработки почвы, получали мизерные урожан, часто не возмещающие посевного материала. В долинных районах доминии систематически крестьянские посевы подвергались заносам песками. Поэтому сельское хозяйство на север от Ужгорода носило по-сути характер мотыжного земледелия. Распространен был и подсечный способ полевого хозяйства, дававший при затрате огромного труда хороший урожай на протяжении двух лет, а в последующие годы, как свидетельствуют исторические документы, истощенные поля давали «чахлый урожай овса и гречихи».

Но помимо этой категории крестьян-бедняков, в имении насчитывалось 244 желляра, т. е. крестьян безнадельных и безлошадных, имевших в лучшем случае огород и избу. Обе эти категории малоземельных и безземельных крестьян составляли свыше 80% всего крестьянского населения доминии. В ряде сел число желляров и крестьян с наделами было почти одинаково (с. Ореховцы—6 наделных крестьян и 5 желляров, соответственно в с. Дравцы—13 и 12, в с. Дубриничи—19 и 14, в с. Черноголова—17 и 14, в с. Буковцы—4 и 4, в с. Стричава—6 и 6); в некоторых селах число желляров превышало количество наделных крестьян (с. Костьова Пастель—4 наделных хозяйства и 9 желляров), а в

с. Гута осталось только 7 желляров и не было ни одного крестьянина с наделом.

Ярким показателем упадка крестьянских хозяйств может служить также значительное сокращение поголовья скота. В Мукачевской доминии поголовье лошадей уменьшилось в 3,7 раза (с 800 голов в 1645 г. до 213 голов в 1711 г.); количество крупного рогатого скота с 1625 г. по 1729 г. сократилось более чем в 6 раз, овец и коз в 7 раз.

По Чинадиевской доминии Ракоши с 1648 года по 1699 год поголовье лошадей сократилось в 4,7 раза, крупного рогатого скота и овец в 4 раза, свиней в 7 раз. В с. Голубинос, например, за это же время, поголовье скота было почти полностью уничтожено из 213 волов осталось только 5; число коров уменьшилось со 179 до 13 голов²⁹).

В 1691 году в Ужгородской доминии числилось во всех 47 селах 49 лошадей, 496 волов, 629 коров, 1766 овец, 711 коз и 1420 свиней. В среднем на одно село приходилось: 1 лошадь, 10 волов, 11 коров, 37 овец, 15 коз и 30 свиней. В то время как до войны Текели, в 1682 г. в 17 русинских селах Верховины насчитывалось 146 лошадей, 515 волов, 1030 коров, 3148 овец и 752 свиньи, т. е. на одно село приходилось 8 лошадей, 30 волов, 60 коров, 185 овец и 44 свиньи³⁰). Таким образом, по Ужгородской доминии поголовье лошадей, крупного и мелкого рогатого скота сократилось в течение 10 лет (с 1682 г. по 1691 г.) не менее чем в 6 раз.

Приведенные цифры дают только общее представление о сокращении поголовья скота по доминии в целом. Для нас очень важным является выяснение обеспеченности тягловой силой и домашним скотом хозяйств по отдельным социальным категориям (шолтыские хозяйства, составляющие в целом категорию наиболее зажиточных хозяйств, примыкающие к ним хозяйства православных священников и, наконец, хозяйства крепостных крестьян с наделом).

Представление о распределении скота между этими категориями хозяйств (105 шолтыских хозяйств,—13 хозяйств священников и 587 хозяйств наделных крепостных крестьян) дает следующая таблица³¹).

Категории хозяйств	Количество тягловой силы и домашних животных					
	лошадей	волов	коров	овец	коз	свиней
Шолтысы	16	86	90	813	233	243
Священники	3	18	18	23	5	36
Крестьяне	30	392	521	930	473	1143
	49	496	629	1766	711	1422

Таким образом на одно хозяйство этих категорий приходилось голов скота:

Название домашних животных	На одно хозяйство		
	шолтысы	священники	крестьяне
Лошадей	0.11	0.2	0.05
Волов	0.8	1.4	0.6
Коров	0.4	1.4	0.9
Овец	7.7	1.7	1.5
Коз	2.2	0.3	0.8
Свиней	2.3	2.7	2

Из приведенной таблицы видно, что зажиточные хозяйства шолтысов и священников были в несколько раз более обеспечены тягловой силой и домашним скотом, чем хозяйства наделных крестьян. На каждое хозяйство первых двух категорий приходилось почти в 2 раза больше волов, чем на одно крестьянское хозяйство и в 3 раза больше овец. Одна лошадь приходилась на 4 хозяйства священников, на 6 хозяйств шолтысов и почти на 20 хозяйств крепостных крестьян. Причем отдельные, наиболее зажиточные шолтыские хозяйства располагали значительным количеством тягловой силы и скота. Так, шолтыс Беда из с. Загорб владел целым стадом скота, состоящим из 4 лошадей, 4 волов, 10 коров, 300 овец, 40 коз, а шолтыс Василий Янко из Костьовой Пастелы имел 2 лошади, 2 пары волов, 2 коровы, 34 овцы, 16 коз, 10 свиней, а также 10 ульев пчел.

Хозяйства крестьян также не являлись однородными. Среди крепостных крестьян уже было значительным имущественно-социальное расслоение. Выделившаяся крестьянская зажиточная верхушка приобретает в XVII ст. все большее значение. О распределении тягловой силы по отдельным категориям крестьянских хозяйств можно судить по таким данным: 336 крестьянских хозяйств (63%) не имели ни лошадей, ни рабочих волов; 87 крестьянских дворов (15%) имели только по 1 рабочему волу; 114 хозяйств (19%) по паре волов и 20 хозяйств (3%) по 3—4 вола. Таким образом, свыше 60% крестьянских хозяйств не могли обрабатывать свои наделы, так как были лишены тягловой силы; более 30% дворов должны были прибегать к супруге и только 3% крестьянских хозяйств обрабатывали землю своим тяглом.

165 крестьянских хозяйств домини (20%) не имели коров, 338 хозяйств (57%) имели по 1 корове, 77 хозяйств (13%) по 2 коровы и 10% по 3—4 коровы, а в одном кулацком хозяйстве домини насчитывалось даже 8 коров.

82% крестьянских хозяйств (483 хоз.) не имели овец, 13% имели от 4 до 10 голов и только 3% от 10 до 30 голов. 195 хозяйств (33%) вовсе не имели свиней, 52% владели 1—3 головами и только 5% хозяйств стадами от 7 до 20 голов³²).

Несмотря на упадок крестьянских хозяйств, на плечи юббадей был взвален тяжелейший груз повинностей, налогов и поборов, способных раздавить жалкое крестьянское хозяйство. Анализируя характер и размеры феодальных повинностей, падавших на крестьян в XVII ст., надо указать, прежде всего, на их чрезвычайное многообразие и дифференцированную систему определения размеров повинностей и налогов.

В Ужгородской казенной домини, которая до 1691 г. принадлежала графам Другет, и в которой сохранялась до конца XVII ст. типичная для феодальных лагифундий Закарпатья система эксплуатации крепостных крестьян, существовало 5 видов денежных налогов, до 10 разрядов натуральных поборов и барщинных повинностей.

Дифференциация размеров и видов повинностей и поборов находит свое выражение в том, что администрация домини, учитывая качество и количество земли, естественные условия в которых находятся крестьянские поселения, виды полевого и скотоводческого хозяйства крестьян, возможность дополнительных заработков и т. д., не только устанавливает соответствующую градацию повинностей и налогов для отдельных дистриктов и сел, но даже и для отдельных хозяйств.

Все это было вызвано стремлением феодалов-землевладельцев повысить размеры феодальной ренты путем усиления эксплуатации непосредственных производителей, путем изыскания новых источников дохода за счет выявления всех видов хозяйственной деятельности крестьян и обложения всех отраслей крестьянских хозяйств.

К числу денежных налогов, уплачиваемых крестьянами, относились: пенз -- налог с земельного надела, «сухая корчма» (*siccum Educillum*), «канторский пеняз» (*cantoralis rescunia*) и «подать с котлов»

Размер ценза устанавливался в соответствии с размером и качеством земельного надела, которым пользовался крестьянин. С полного надела в Ужгородской доминии взимался пенз в размере 2,8 флорина в южных дистриктах и 3 флорина в остальных дистриктах. Только в трех селах из 47 размер ценза был несколько снижен (с Порошково -- до 2 флор., М. Березное и Луга -- до 1,8 флор.). В частновладельческих латифундиях размер ценза был еще более высоким: в имении Липчая он доходил до 6 флор., а в Мукачевской доминии даже до 12 флор.

«Сухая корчма» — налог за неупотребление вина, вырабатываемого господскими винодельнями. Этот налог разверстывался не по дворам, а по населенным пунктам в целом и уплачивался три раза в году по большим праздникам. Размер «сухой корчмы» по отдельным селам составлял 3–30 флоринов (с В. Березное — 30 флор., Турница — 18 флор., Н. Стужица и Луга по 12 флор., в других селах по 3–5 флор.)

«Канторский пеняз» — налог, который взимался в пользу дьяка (кантора), выполнявшего и обязанности учителя (отсюда название «пепо-учитель») «Канторский пеняз» также уплачивался всем селом. Размеры этого налога колебались в пределах 3–12 флоринов в год.

«Подать с котлов» — это вид произвольно установленного доминией налога за выработку крестьянами водки (*ab olla cremati*) и пива (*braxatorium*), уплачиваемого с каждого котла в размере от 1 до 1,8 флорина.

К этим постоянным налогам и поборам, установленным по произволу господ, присоединялись многочисленные «пенязы» (динары) — «празничные», «пасхальные», «рождественские» и т. д. Так, по Хустской доминии эти «пенязы» достигали 1 флорина (100 пеняз, динаров) с полного надела.

К числу натуральных поборов и повинностей относилась прежде всего «девятинна» с урожая зерновых (*попа frugum*), местами сниженная в зависимости от качества земли до десятины. В районах, где культивировалась виноградная лоза, крестьяне должны были вносить доминии $\frac{1}{3}$ часть урожая винограда (*попа vini, vinalis*).

Чрезвычайно многообразной была «кухонная подать» (*culinaria, victualia*). Каждое село Ужгородской доминии облагалось «кулинарией» в таких размерах: 12 кур, 12 яиц, 1 гусь в год. Помимо этой основной «кухонной подати», села северных районов должны были поставлять по одной телке и по 4 коблика или 4 «четвертины» овса (четвертина до 100 кг). В некоторых селах «кухонная подать» включала в себя и такие продукты, как мед, растительное и сливочное масло³³).

В Мукачевской доминии «кулинария» в начале XVII ст. с полного надела составляла в год: 2 курицы, 8 яиц, 2 меры масла и 1 голова сыра. В 1666 г. «кулинария» увеличивается и достигает: 8 кур, 2 гусей, 8 яиц и 60 динаров деньгами. К 1682 году к этому прибавляется определенное количество хмеля, орехов, грибов, ягод.

Крестьяне сел Хустской доминии в начале XVII ст. должны были на пасху и рождество доставить в замок по 2 курицы, 24 яйца и 14 динаров деньгами, а йоббади сел, расположенных вблизи рек, доставлять каждую пятницу на кухню свежую рыбу³⁴).

Ко всему этому надо добавить тяжелую натуральную повинность распространенную во всех доминиях, — содержание в течение зимы господского скота. Крестьяне вынуждены были поэтому морить голодом свой скот и прибегать к крайней мере — скармливать солому, снятую с крыш изб и сараев. В «покрайних записях» с. Гукливого Бережской:

жупы за 1660 год было, например, записано: «Люде в недостатку соломы хыже стодолы геть подерлн марзе» (мад. *magha*—скот).

Особенно тягостными и обременительными были барщинные повинности, которые несли все крепостные крестьяне, включая и желляров. В XVII ст. в Ужгородской доминии было установлено, что йоббадь обязан половину рабочего времени находиться на барщине. Крестьяне, пользовавшиеся полными наделами, должны были отработать 3 дня в неделю (140 дней в году) с тяглом из двух волов; крестьяне, пользовавшиеся частью надела, но имевшие пару волов, обязаны были выполнить ту же самую работу. Крестьяне, не имевшие тягла, и желляры выполняли «ручную» работу. В Мукачевской доминии в 1659 году каждый наделенный крестьянин со своим тяглом должен был отработать 105 дней в году. На каждого желляра «пешей» барщины приходилось 50 дней³⁵).

Барщинный труд крестьян использовался на доминиальных землях, которые сосредоточивались близ главного замка. Крестьяне особенно отдаленных сел вынуждены были отрываться на большое время от своих хозяйств в страдную пору для пахоты, посева, уборки урожая, сенокосения, уборки винограда на «аллодальных» землях, забрасывая свои хозяйства.

Администрация доминии охотно заменяет выполнение барщинных обязанностей денежным оброком. Это диктовалось прямой выгодой, так как отсутствие удобных путей сообщения, недостаток тягла, внутреннего анархия, создавшаяся в связи с междоусобными войнами, не давала возможностей организовать нормальный сбыт сельскохозяйственных продуктов.

Замена барщины денежным оброком не получила в этот период еще широкого распространения. На денежный оброк переходили крестьяне сел, прилегающих к городам и имеющих возможности для продажи своих продуктов, а среди массы крестьян денежный оброк распространяется преимущественно на зажиточную верхушку. Денежный оброк, вместо отработок («аренда») обычно уплачивало общество (громада) целого села. Размер «аренды» определялся количеством работоспособного населения. (В Ужгородской доминии громада В. Березного уплачивала 60 флор., Стужица—30 флор., М. Березное—26 флор., Ужок—12 флор. и т. д.).

Помимо полевых работ в доминиальном хозяйстве барщина распространялась и на многие другие виды работ. Крестьяне отдельных сел (Домашина, Буковцы, Стричава, Смереково) занимались главным образом строительными работами, ремонтом зданий и изготовлением мебели для нужд доминии, другие — изготовляли кровельный материал или были прикреплены к лесопильным заводам, третьи — занимались бондарным делом, выжигали уголь, ловили рыбу. Существовавший до 90-х годов XVII ст. стекольный завод доминии, снабжавший оконным стеклом всю округу, также был основан на труде барщинных крестьян, работавших под руководством иностранных мастеров. В других доминиях йоббади добывали соль, гнали смолу, изготовляли веревки, свечи, выделывали кожи, овчины, холст и сукно.

Таким образом, в XVII ст. в феодальных хозяйствах Закарпатья сочетаются все три формы феодальной ренты, среди которых преобладают натуральная рента продуктами и барщина. Денежный оброк не получил еще широкого распространения, но имеет тенденцию к возрастанию за счет натуральных повинностей.

К. Маркс, говоря об условиях превращения продуктовой ренты в денежную, указывал: «Сначала спорадическое, потом все более и более совершающееся в национальном масштабе превращение ренты продуктами в денежную ренту предполагает уже более значительное развитие

торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения»³⁶). Таких условий в Закарпатской Руси в рассматриваемый нами период еще полностью не существовало.

Если к перечисленным повинностям и поборам, которые должны были выполнять крестьяне, прибавить еще налоги в пользу церкви, то можно представить себе положение крепостного крестьянина, разоренного, нищего, забитого и закабаленного, задавленного эксплуатацией, нуждой, многочисленными повинностями и налогами, под тяжестью которых крестьянин не мог жить, а только медленно умирать.

Налоги и поборы с крестьян превышали всякие их возможности. Некоторые феодалы должны были идти на снижение повинностей или даже на временное освобождение крестьян от налогов. Так, администрация Ужгородской доминии частично освободила от налогов крестьян ряда ссел (Ореховица, Гусак, Лекарт, Павловцы, Лубня, Бистра и др.). Администрация при этом руководствовалась, конечно, не соображениями гуманности, а исходила из того факта, что у разоренных крестьян больше нечего было взять, а новый нажим на крепостных мог привести к тому, что и оставшиеся в доминии йоббдан разбежались бы.

Именно этот мотив выдвигает Георгий Кевсеги, управляющий Ужгородской доминией, в своем письме жупным властям, относящемуся к 1696 году. Он указывал, что вследствие военных событий и бегства крестьян, которые оставили свои дворы, налоги собрать невозможно³⁷). Но такого рода льготы крестьянам были исключением. В конце XVII ст. нажим на крестьян со стороны феодалов усиливался и эксплуатация крепостных дворянами с каждым годом возрастала все более. «Из крепостных высасывалась последняя капля крови, зависимых людей облагали новыми взносами и повинностями под всякого рода предлогами и названиями. Барщины, чинши, оброки, пошлыны... произвольно повышались, несмотря на все старинные соглашения»³⁸). Эту характеристику положения масс крепостного крестьянства Германии, данную Энгельсом, можно целиком распространить и на Закарпатье.

В связи с опустошением закарпатских земель, разорением крестьянских хозяйств, переходом крестьян на сокращенные наделы, бегством крепостных из имений, начиная с XVII ст., сокращается число порт в частновладельческих латифундиях, подлежащих обложению «королевской порцией».

С 1575 года поэтому в одну порту стали включать несколько дворов. По закону 1609 года в одну порту входило 4 полных надела (сесени) или 12 желлярских семей. Но с ростом обнищания крестьянских хозяйств наблюдается и дальнейшее сокращение числа и этих новых единиц обложения.

Законы 1635 г. и 1647 г. устанавливали, что в состав одной порты входят 4 семьи кметей (крепостных), имеющих 4 «пруга», т. е. по 2—3 пары волов, или 8 семей, имеющих каждая «полпруга», или, наконец, 16 желлярских семей, не имеющих тягловой силы.

Сокращение числа порт, показывающее углубление разорения крестьянских хозяйств, можно проследить по данным, относящимся к Бережекому комитату:

Годы	Число порт
1564	1057
1570	798
1610	216
1620	151
1661	107

Для более точного определения размеров портового налога с учетом качества земли, с 1667 г. был введен так называемый «буданский коблик» (мера зерна), а площадь, засеваемая таким кобликом, получила название «гольд». При этом за одну порту принималась определенная площадь, которую можно было обсеменить определенным количеством кобликов (на лучших землях—240 кобликов; на средних—360 и на «найподлейшей земле»—480 кобл.). Обычно одна порта приравнивалась в этот период к восьми полным наделам³⁹).

Если в первой половине XVII в. размеры портового налога, возраста в соответствии с укрупнением порту, увеличились за 50 лет в 5—6 раз, то во второй половине XVII ст. тяжесть портового налога еще более усилилась. Так, в Марамарошском комитате, а это было типичным и для других комитатов, налог с одной порты в 1680 г. составлял 35 флор., в 1687 г.—65 флор., а через год—250 флор., т. е. только за 8 лет размер налога увеличился более чем в 7 раз.

В XVII ст. одновременно с усилением феодальной эксплуатации крестьян, по мере все большего вовлечения магнатских латифундий в сферу товарно-денежных отношений, теряют свои права и привилегии либертины, т. е. лично свободное население, сохранившееся от прежних времен.

К концу XVII ст. эта категория сельского населения почти совершенно исчезает, сливаясь с остальной массой крепостных крестьян. В Ужгородской доминии к этому времени почти на 4 тысячи сельского населения оставалось только двое либертинов, Лука Товт и Иван Шутка, выполнявшие обязанности гайдуков, конных стражников доминии. Значительный в свое время слой шолтысов также нивелируется с остальной массой зависимого населения.

Процесс упадка шолтыства и потери им былых прав и привилегий можно проследить по урбарным данным XVII ст., относящимся к Невидкой доминии Другетов.

Из 51 населенного пункта этой доминии шолтыских сел, т. е. основанных в предшествующие годы локаторами и заселенных колонистами-переселенцами на «немецком» или «румынском» праве, было 32, в которых числилось 50 полных шолтыских наделов (школьтетий) и 105 шолтыских хозяйств.

Несоответствие числа шолтысов количеству школьтетий объясняется дроблением наделов между наследниками и слиянием сел. Поэтому в отдельных селах было несколько шолтыских семей (по 6 шолтыских хозяйств в Ореховице, Порошково, Суха), хотя обязанности шолтыса (старосты) выполнял один, а остальные причислялись магнатами к категории крепостных крестьян.

Военные события XVI—XVII ст. привели к опустошению и упадку не только крестьянские хозяйства, но и хозяйств шолтысов. По данным 1691 г. из 50 полных школьтетий обрабатывалось только 18. Ни одна шолтыская семья в конце XVII ст. уже не пользовалась полным наделом, а чаще всего $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, а нередко $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{6}$ и даже $\frac{1}{8}$ надела, которым иногда пользовалось несколько семей родственников.

По сравнению со средним хозяйством наделного крестьянина, хозяйство шолтыса было зажиточным (в среднем на одно хозяйство шолтысов приходилось два вола, 1 корова, 4—10 овец, 1—3 свиньи), а шолтыские хозяйства в целом, за некоторым исключением, должны быть отнесены к кулацким хозяйствам.

В урбарии 1691 г. о правах и льготах шолтысов обычно уже не упоминается, они были внесены в общий список йоббадей, хотя и продолжали сохранять свои шолтыские грамоты, подтвержденные феодальными магнатами и королями, и безуспешно ссылаться на них в своих

жалобам на феодалов-землевладельцев, уравнивших их, «свободных людей, с холопами».

Шолтыские хозяйства уплачивали ценз, размер которого по отдельным селам колебался от 1,5 флоринов до 18 флоринов за полную школу. В отношении «кухонной подати» они приравнивались к крестьянам. Денежным взносом заменялась подать шкурами кунницы и лисицы (*pellis marturina et vulpina*) и старая повинность шолтысов давать господам «гуню» (*lodex*) ткань из овечьей шерсти), пояс (*singulum*), мешки (*sacci*) и корзины (*canistrum*), которая сохранялась в северных дистриктах доминии.

Шолтысы уплачивали десятину со свиней, откормленных на «жирном пастбище» (на жолудях), и с пчел. В отличие от крепостных крестьян, шолтысы освобождались от десятины с урожая и от десятины с овец.

С конца XVII ст. большинство шолтысов должно было нести барщину наравне с крепостными. В урбарных списках доминии по поводу обязанностей шолтысов говорилось «Ко всеобщим работам подобно другим поселенцам фактически принуждены» (урбарий с. Турца), «к общим работам принадлежат так, как и остальные поселенцы» (с Княгинина), или «школьетни во всех работах и даях подобно всем селам должны держаться».

Крестьянские массы Закарпатья, доведенные феодальной эксплуатацией и нищетой до отчаяния, разоряемые междоусобными войнами и грабежами, терроризируемые цесарскими войсками, не один раз в XVII ст. поднимаются с оружием в руках против ненавистных угнетателей феодалов.

Говоря о крестьянских движениях этого периода, надо подчеркнуть, что все восстания крепостных носили местный характер разрозненных выступлений, направленных острием своим против феодальной эксплуатации и налогового гнета, и только с конца XVII ст. крестьянские движения принимают форму массовых восстаний, вылившихся в широкое движение куруцев, охватившее все комитаты Закарпатья.

В 1631 году возникает стихийное крестьянское движение в районе Токая, в котором наряду с венгерскими йоббадами принимают участие и русско-славянские поселенцы-крепостные. В следующем, 1632 году, вспыхнуло новое восстание крепостных, распространившееся частично на территории Бережского, Ужанского, Землинского и Шарншского комитатов.

Восставшие крестьяне нападали на дворянские поместья и убивали господ, отказывались подчиняться доминиальным властям, требуя отмены непосильной барщины и сокращения поборов. Это восстание было потопчено в крови войсками семиградского дворянства. Крестьян-повстанцев беспощадно убивали и подвергали жестоким мучениям и пыткам, им отрезали руки, носы и уши, выкалывали глаза.

В 1672 году восстание крепостных вспыхнуло в доминиях Марамароша, через шесть лет взбунтовались йоббады в Бережской жупе, а в 1689 году происходили волнения в Гуменской доминии Другетов. Разрозненные выступления крестьян с обычной жестокостью были подавлены силами дворянства.

Со второй половины XVII ст. борьба народных масс Закарпатья против крепостного гнета тесно переплетается с борьбой против наступления феодально-католической реакции, что придает народным движениям религиозную, антикатолическую окраску. Выступление политического протеста под религиозной оболочкой «есть явление свойственное всем народам, на известной стадии их развития» (Ленин).

ГЛАВА IV

**ПОДГОТОВКА НАСТУПЛЕНИЯ ФЕОДАЛЬНО-КАТОЛИЧЕСКОЙ
РЕАКЦИИ ПРОТИВ НАРОДНЫХ МАСС ЗАКАРПАТЯ**

Ф. Энгельс, характеризуя социально-политическую роль католической церкви в средние века, указывал: «...великим интернациональным центром феодальной системы была римско-католическая церковь. Несмотря на все внутренние войны, она объединяла всю феодальную Западную Европу в одно огромное политическое целое, которое находилось в противоречии одинаково как с греко-православным, так и с магометанским миром. Она окружила феодальный строй священным ореолом божественной благодати. Свою собственную иерархию она установила по феодальному образцу...»⁴⁰).

Католическая церковь этой эпохи — крупнейший феодал-земледелец и жестокий эксплуататор трудящихся. Ее земельные владения, приобретенные при помощи дарений и различных способов уголовного характера, приняли в течение немногих столетий огромные размеры.

Являясь плотью от плоти феодального строя, католическая церковь, естественно, служила мощным идеологическим орудием в руках господствующего класса для удержания в повиновении масс непосредственных производителей — крепостных крестьян. Она выступает так же, как вдохновитель и активная сила в осуществлении захватнических планов коронованных феодальных властителей по отношению к православным и магометанским странам, ибо «поп всегда шепчущая рука об руку с феодалом»⁴¹).

Внешнеполитические планы феодальных королей Западной Европы в этом направлении не только целиком и полностью совпадали с экспансионистскими вождениями римской католической олигархии, помыслы и ресурсы которой неизменно были направлены к созданию мировой католической державы, но и облекались папами в форму «святого предприятія, угодного богу».

«Цель оправдывает средства», — этот иезуитский лозунг еще с XVI века был начертан на черном знамени воинствующего католицизма. Для достижения своей цели — утверждение господства Рима во главе с «наместником Христа» — папой над миром — католическая церковь не останавливалась ни перед какими средствами. Огнем и мечом, подкупами и убийствами, провокацией и отравлением, обманом и террором папские агенты в черных рясах, с распятием Христа на груди, насаждали «ортодоксальное христианство», беспощадно расправляясь с инакомыслящими «еретиками».

Пресловутый «Дранг нах Остен» германских феодальных магнатов и королей органически сливался с экспансионистскими планами Ватикана, стремившегося подчинить господству папского престола «схизматические страны», превратить восточно-славянские народы в покорных рабов немецких завоевателей и католической церкви.

Папская курия, умудренная опытом многовековой борьбы за обращение язычников в христианство, опытом расправы с еретическими движениями, вооруженная иезуитской тактикой и принципами «великого Лойолы», изощренная в дипломатических комбинациях, и не раз терпевшая поражения, — вынуждена была в XVI веке изменить способы обращения «схизматиков» в католицизм.

В обстановке, когда «великий церковный раскол» и антикатолическое движение под флагом реформации нанесли огромной силы удар по престижу и влиянию папского престола, столь могущественного во времена Григория VII и Иннокентия III, — действовать только старыми методами насилия, и утверждать католицизм при посредстве инквизиционной дыбы, аутодафе, проповедывать «истинно-христианскую» религию языком меча, — стало невозможным.

Вот почему папская курия идет на известный компромисс, меняя тактику и приемы борьбы за подчинение своей власти православного населения. Рим соглашается сохранить внешнюю обрядовую сторону православия, требуя прежде всего признания верховенства папы. Это была своего рода политика дальнего прицела, рассчитанная на постепенное опутывание сетями католического рабства народов, попавших в сферу влияния папского престола. Брестская религиозная уния 1596 года являлась пробным шаром в деле осуществления новой иезуитской тактики Ватикана.

Польский король Сигизмунд III и католические магнаты Речи Посполитой, опираясь на черное воинство Ватикана, добились утверждения насильем церковной унии на оккупированных южно-русских землях. Униатская церковь в руках феодально-католической клики стала идеологическим орудием социального, национального и духовного порабощения народных масс Западной Украины.

В это же время население Закарпатской Украины, угнетаемое немецко-венгерскими феодалами, продолжало еще сохранять «старую веру». Католические Габсбурги, кровно заинтересованные в подчинении народных масс Закарпатской Руси папскому престолу по образу и подобию «брестского воссоединения», в силу объективных условий не могли осуществить свои намерения в XVI веке.

Габсбурги, как известно, еще с XIII ст. частойично стремились к овладению венгерским престолом. Эти призывания были осуществлены, и то, только частично, в 1526 году после гибели венгерского короля Людовика II под Могачем, когда Фердинанд Габсбург и добился венгерской короны.

К половине XVI века почти вся Венгрия оказалась потерянной для Габсбургов и Ватикана, так как значительная часть ее была захвачена турками, а распространение реформации привело к ослаблению позиций католической церкви.

Даже в начале XVII столетия власть Габсбургов распространялась только на 11 западных и северо-западных комитатов Венгрии; 9 комитатов принадлежали им только номинально, так как контролировались турками, а 8 столиц входили в состав Трансильвании, находившейся в вассальной зависимости от турецких султанов.

Причем территория Венгрии и Закарпатья, в том числе, подвергалась на протяжении 150 лет, в XVI—XVII вв. особенно страшным опу-

стошениям, являясь ареной непрерывных войн Габсбургов с турками, трансильванскими князьями и мадьярскими феодальными магнатами.

Естественно, что в этих условиях опустошительных и бесконечных войн, когда внимание Габсбургов и их силы были направлены на то, чтобы утвердить свою власть в Венгрии, не могло быть и речи об установлении католического господства на землях «короны святого Стефана». И только во второй половине XVII ст., когда силы венгерских магнатов были ослаблены ударами революционных выступлений крепостных крестьян, войнами, междуусобной и религиозной борьбой, а положение «блистательной Порты» пошатнулось, и католическая партия стала завоевывать свои старые позиции в Венгрии, — началось наступление католицизма и на «схизматиков» — русинов Закарпатья. Именно в это время Леопольд I Габсбург изложил свою программу «умиротворения» Венгрии в таких словах: «*faciam Hungariam captivam, postea mendicam, deinde Catholicam*» («Сначала я сделаю Венгрию пленницей, потом нищей, а затем католической»).

Для Габсбургов и римской курии введение церковной унии в Закарпатье было важно не только как предприятие, сулившее непосредственные выгоды. Окатоличение Закарпатской Украины рассматривалось ими, прежде всего, как необходимый этап на пути к осуществлению, далеко идущих «восточных планов» западно-европейской феодально-католической реакции. «Угорская Русь» должна была стать одним из плацдармов габсбургско-католической экспансии на востоке Европы.

Вслед за Закарпатьем должны были войти в широкие, гостеприимно раскрытые двери Ватикана и пасть в объятия «святейшего отца», «раскаившиеся в заблуждениях своих», Семиградье и Молдавия, оставив у порога папских чертогов свою независимость и «схизматическое одеяние», облачившись в рабскую хламиду прислужников римской церкви — «матери и госпожи всех церквей», — признав власть «апостолического кесаря».

Это должно было, как предполагали стратеги воинствующего католицизма, облегчить генеральное наступление на украинские и русские земли с целью превращения их в колонию немецко-католических феодалов. На языке адептов католицизма осуществление этого экспансионистского плана называлось «воссоединением» западной и восточной церкви под главенством «святого апостольского престола».

Габсбурги, насаждая вкупе с Ватиканом «святую унию» в Закарпатье, стремились к тому, чтобы, разорвав всякие связи Закарпатской Руси с Украиной и Руссией, убить в народных массах закарпатских украинцев извечное стремление к воссоединению с остальным украинским народом, с великим братом народом русским, окатоличить и денационализировать закарпатских украинцев, превратив их в покорных, бесслесных и безыменных рабов чужеземных феодалов-эксплоататоров.

Однако достижение этой цели далось Габсбургам не легко. Политика, направленная к усилению позиций католических феодалов в Венгрии и Закарпатье, не только встретила ожесточенное сопротивление со стороны народных масс, но и со стороны местных феодалов-протестантов, преследовавших свои классово-корыстные цели, и вовлекла Габсбургов и католическую партию в длительную борьбу с семиградскими князьями-протестантами. Последние не могли не видеть той угрозы, которую несло им осуществление экспансионистских планов Габсбургов и Ватикана. Вот почему трансильванские князья поддерживают «старую веру» в Закарпатье, или, в свою очередь, пытаются обратить закарпатских украинцев в кальвинизм, стремясь таким образом создать барьер против проникновения габсбургско-католического влияния дальше на

восток, и упрочить этим свое положение в качестве независимых государств.

Высокопоставленные сатрапы Ватикана открыто признавались, что введение церковной унии в Закарпатье является только первым этапом к окатоличению «невежественного народа незаметно для него самого, через посредство его пастырей».

Эта тактика была избрана католической партией не случайно. Она цитовалась не только «новым курсом» Ватикана в насаждении «истинно христианской» веры. Папская курия исходила при этом также из учета своеобразий исторического и социально-экономического развития Закарпатья.

Дело в том, что небольшая закарпатская ветвь восточно-славянского племени, поработенная чужеземными господствующими классами, оставалась на протяжении веков в условиях ужасающей отсталости экономической, общественно-политической и культурной. Массы трудящихся закарпатских украинцев, сведенные на положение «рабочего инвентаря» магнатских латифундий, являлись объектом самой дикой эксплуатации и чудовищного угнетения со стороны немецких, венгерских и «своих», закарпато-украинских феодалов.

Окатоличенное, онемеченное и мадьяризованное закарпатское дворянство на протяжении столетий сливалось с чужеземными господствующими классами. Незначительные по своему удельному весу русинское городское население и интеллигенция также все больше отрывались от своего народа, воспринимая латинскую веру, чужеземную культуру и язык.

Основную массу населения Закарпатской Украины составляли крепостные крестьяне — забитые, нищие, угнетенные, с сознанием, затемненным дурманом религиозных предрассудков. Естественно, что в этих условиях огромное влияние на массы крестьянства оказывало духовенство.

Вот почему римская курия, готовивая введение церковной унии в Закарпатье, не опасалась встретить сопротивление со стороны местного окатоличенного уже в массе своей дворянства, малочисленного, ассимилированного городского населения и интеллигенции. Оставались, как выражались католические авторы, «два русинских компонента — поп и хлоп — пастырь и пасомый». Поэтому, введение унии в Закарпатье, заявляли глашатаи католицизма, следует начинать с превращения в подданных папского престола русинских священников-«парохов». «Пастыри укажут путь, а стадо — верующие — слепо пойдут за ними».

Украинские буржуазно-националистические и униатские авторы пытались использовать в антинародных целях эту пресловутую «социальную формулу — поп и хлоп» для обоснования псевдонаучной теории «бесклассовости» украинского народа. «История Закарпатской Украины, — проповедывали буржуазно-националистические фальсификаторы, — это история крепостной массы, народа-батрака, так как высшего сословия — дворянства, буржуазии и кулачества в Закарпатье не было. Парохи и йоббадоны — вот наш народ».

При этом они обычно ссылались на «объективную историю», которая якобы свидетельствует о том, что в Закарпатье вообще не существовало условий для образования антагонистических классов; здесь якобы происходил «естественный» процесс «социальной нивелировки». Однако исторические данные опровергают эти «бесклассовые» измышления буржуазно-националистических и униатских авторов, разоблачая до конца антинародную сущность исторической концепции Грушевского и последователей его «школы» в Закарпатье.

Анализ исторических документов, собранных в трудах по истории Венгрии и Закарпатской Руси, дает основание говорить о том, что, начиная с XII—XIV столетий русско-славянские феодалы все больше сливаются с чужеземной знатью. «Русское дворянство, — писал Фесслер в «Истории Венгрии», — вскоре после смерти Корнятовича⁴²⁾ перешло.. в католицизм, потому, что дворянские права утверждались только за католиками».

После подавления мощного крестьянского восстания куруцев 1514 года этот процесс срачивания русско-славянских феодалов с немецко-венгерскими господствующими классами становится особенно интенсивным. После 1514 года наиболее знатные роды русско-славянских феодалов, — писал Бидерман, — «спешат оставить свою народность и перейти в ряды всемогущего венгерского дворянства, а простой народ безгласно лег закрепощенный к ногам безжалостных олигархов».

Слияние закарпатского дворянства с венгерскими феодалами сопровождалось не только переходом их в католицизм, но и заменой русско-славянских фамилий мадыарскими. Вот почему среди дворянства Закарпатья мы встречаем преимущественно мадыарские и мадыаризованные имена. И это обстоятельство послужило основным аргументом для обоснования местными буржуазно-националистическими и униатскими авторами тезиса об отсутствии «своего» дворянства.

Несостоятельность этого утверждения доказывает анализ дворянского реестра и генеалогические данные. Нам пришлось исследовать этого рода документы только по одной Ужгородской жупе за 300 лет, с XVII по XIX столетие включительно, и среди более двух тысяч венгерских, немецких, чешских, французских и других дворянских фамилий обнаружено свыше ста имен, не оставляющих сомнения в том, что это потомки восточно-русских феодалов или лица из числа русинов, получившие дворянское звание за заслуги перед венгерскими королями.

Вот несколько примеров:

В 1628 году, некто Ковач Иван, получив дворянское звание, меняет свою фамилию на Пастели. В 1678 г. другой Ковач получает также дворянское звание и присваивает себе мадыарскую фамилию Добей. В 1717 г. карпато-украинский дворянин Пополя меняет свое имя на Анатоловци. В XVII столетии земли в с. Андрашовци принадлежали карпато-украинскому дворянину Иосифу Турянскому; в с. Баранишцы — Оросу Адаму, Нозовици Иосифу и Тарковичи Степану; в селах Чертеж, Безож, Малые Лазы, Перечин, Березное и др. владели поместьями закарпатские дворянские роды — Шолтысы, Петровци, Раты, Комаровци, Волкаи, Добей, Герзаничи, Брензовичи и т. д.

Эти данные опровергают утверждения буржуазно-националистических фальсификаторов истории об отсутствии в Закарпатье «условий для образования высших классов». Перемена фамилий закарпатскими феодалами на мадыарский лад вовсе не означала, что местного дворянства не существовало. Закарпатские феодалы, воспринимая чужеземную культуру, язык и латинскую религию, постепенно утрачивали исторически сложившуюся общность со своей народностью, выступая не только как паразитическое сословие эксплуататоров трудящихся русинских масс, но и как составная часть класса чужеземных господ-поработителей.

Социально-экономические и политические условия, сложившиеся в Закарпатье, задерживали его экономическое развитие, рост городов и бюргерства. Но это не означало, что среди городского населения вовсе отсутствовал карпато-украинский элемент. Процесс экономического и социального развития Закарпатья несомненно имел свою специфику, но в целом сохранял те же черты, те же закономерности, которые были присущи развитию европейского феодального общества. Это относится,

конечно, и к превращению мещанства средневековых закарпатских городов в класс буржуазии, среди которой свое место, особенно с XVIII ст., занимала и зарождающаяся тонкая прослойка карпато-украинской буржуазии. Никакой «исключительности» в процессе классовобразования и социального расслоения Закарпатья, — как это утверждали буржуазно-националистические авторы, — не представляло.

Малочисленная закарпатская интеллигенция, выходцы преимущественно из числа мелкого дворянства, духовенства, зажиточного слоя крестьянства, также была в массе своей денационализована, оторванная от своего народа, далекая от его интересов. «Не говоря уже о том, что вся бывшая аристократия венгерских русинов давно перешла в латинизм», — писал Войтковский⁴³⁾, но и «образованные миряне, за исключением некоторых, как скоро поступают в государственную службу, или в сословие людей почетных, тотчас отказываются от своего вероисповедания и делаются последователями латинской церкви». Войтковский говорит только о религиозной «лагианизации», но одновременно с этим интеллигенция, переходившая на службу к чужеземным господствующим классам, обслуживая их потребности, все больше отдалялась от масс своего народа, состоявшего из крепостных крестьян.

И если в XVI—XVII вв. крепостное крестьянство Закарпатья не представляло собой однородной социальной массы, то тем более не могло существовать «единого народа-батрака» в последующие столетия, как это пытались представить буржуазно-националистические историки.

Нельзя также не видеть социальных различий в положении масс иоббадей Закарпатья и православного клира, которых униатские авторы объединяют в понятие «народ», состоящий из одинаково бесправных компонентов «хлопов и попов», связанных в единое целое общностью социально-экономического положения, общими интересами и «христианским равенством».

«Христианство знало только одно равенство всех людей, — писал Энгельс, — равенство первородного греха, вполне соответствовавшее его характеру религии рабов и угнетенных. Наряду с этим оно знало еще, может быть, равенство избранных, которое, однако, выдвигалось только в самом начальном периоде христианства. Следы общности имущества, встречающиеся тоже на первых шагах новой религии, являются скорее результатом необходимости для гонимых жить сплоченной жизнью, чем признаком высоких представлений о равенстве. Но вскоре установление противоположности между клиром и мирянами уничтожило и этот зачаток христианского равенства»⁴⁴⁾.

Высшее православное духовенство Закарпатья в рассматриваемый период не пользовалось еще всеми правами, предоставленными магнатам католической церкви, но оно составляло привилегированный слой, находящийся под покровительством светских католических и протестантских князей, рассматривавших «холопских архипастырей», как своих агентов по удержанию в повиновении крепостных крестьян. Деревенские православные священники, низшее духовенство, хотя и не далеко ушло по уровню своего культурного развития и запросам от массы верующих, но все же нельзя полностью отождествлять положение низшего клира с крепостным крестьянством как в материально-бытовом, так и в общественно-правовом отношениях. Правда, если с точки зрения господствующих классов «русин» являлся синонимом зависимого, отсталого, забитого и бесправного «хлопа», то и «русинского батька» господствующие классы и представители привилегированной католической церкви третировали как «духовного пастыря холопов», однако, и это не дает оснований ставить между «пастырями» и «пасомыми» знак равенства

В XVII ст. социальная и имущественная дифференциация среди масс крестьянства получила уже совершенно четкое выражение (зажиточная прослойка среди крестьян составляла свыше 3%, средний слой крестьян с «плугом» и сокращенным до половины телеском — более 17% и, наконец, около 80% крестьянского населения составляли деревенская беднота, желляры и поджелляры), но крепостная зависимость не только задерживала углубление классовой дифференциации, но и внешне «равенством йоббадского состояния» прикрывала подлинное социальное неравенство в деревне, в частности, между низшим духовенством и мирянами.

Римская курия, учитывая эти исторически сложившиеся условия делает ставку на вовлечение в унию прежде всего православного духовенства, при помощи которого, как предполагалось, будет «неощутимо» окатоличена и масса крестьянства.

Примас Венгрии Георгий Липпай в своем докладе конгрегации de propaganda Fide 2 июля 1654 г. эту мысль выразил в таких словах: «Populus facile ducentarum millium animarum simplicissimus, in rebus divinis ignarus, poterit insensibiliter per sacerdotes conversos reduci ad fidem Catholicam, dummodo possint remanere in suo ritu Graeco. Coeperunt converti eorum sacerdotes, qui populum, insensibiliter ad Catholicam fidem.» («Народ почти в двести тысяч душ простодушный, несведущий в делах божественных, неощутимо сможет через обращенных священников возвратиться в католическую веру, лишь бы только они могли оставаться при своем греческом обряде. Начали обращаться их священники, которые народ неощутимо возвратят в католическую веру»¹⁵).

Народные массы Закарпатья рассматривались феодально-католической кликой только как «удобрение» для католицизма, как «подлая и грубая чернь», предназначенная для выполнения единственной функции — работать на своих господ, которым принадлежит «естественное право, освященное святой церковью», определять как «хозяйственный быт» так и нравственно-духовную жизнь своих подданных.

Вот почему католическая партия и не думала, как выразился А. Петров, — «о духовном воздействии на народ... о его, так сказать, внутреннем обращении считая «армию побежденной, если сдадутся генералы и офицеры». Обращение в католицизм православных «пастырцей» должно было, по расчетам агентов Ватикана, подорвать возможность всякого сопротивления введению унии со стороны масс «холопов».

Высшее духовенство Закарпатья по своему происхождению, социальному положению в обществе и классовым интересам было теснейшим образом связано с господствующим классом Венгрии. Это были преимущественно выходцы из числа местных и прикарпатских мелких дворянских родов, выходцы из семей служилого сословия и интеллигенции, воспринявшие чужеземную культуру и язык, давно порвавшие со своим народом и рассматривавшие свое «пастырское служение», как более или менее доходную синектуру. Католическая партия не только не ожидала встретить сопротивления со стороны высшего духовенства при введении унии, так как переход его в католицизм был подготовлен исторически, а, наоборот, правомочно рассматривала «русинских архи-пастырцей» как проводников унии.

Католическая партия могла опереться также на администрацию монастырей, хозяйство и доходы которых были основаны на феодальной эксплуатации крепостных крестьян, на священников «жирных» приходов — ставленников магнатов, подвизавшихся в городах и крупных населенных пунктах — центрах феодальных латифундий, а также на черное воинство, сосредоточенное в монастырях ордена Василия Великого, представлявших собой замаскированные католические форпосты и гнезда лезуитов в Закарпатье.

«...Угрорусским архиереям, — писал анонимный закарпатский автор статьи в «Славянских известиях» (№ 11, 1890 г.), — захотелось жить пороскошнее и переменить свою евангельскую нищету на магнатский способ жизни католических бискупов; да находились и между смиренными «батьками», которые соблазнились и... были не прочь скинуть свою мужицкую «гуню».. и надеть на себя талар преосвященных католических плебанов»....

Главную массу православного духовенства в XVII ст. составляли сельские священники, принадлежавшие в большинстве своем к непривилегированному населению либертинов и крепостных. Часть из них, освобожденная от повинностей и поборов феодальными магнатами, обогатилась и составила верхушку сельского клира. Она обычно имела в своем распоряжении полный надел «поповской» земли, называвшийся «*Presbyteratus vulgo batukoságh integra sessio*» или «*Sessio presbyteratus ruthenici battuko vocati*», «полный плуг» и несколько голов домашнего скота.

Большинство священников, как подданные феодалов, пользуясь частью сессии, выполняли натуральные повинности и уплачивали налоги в меньших размерах, чем крепостные крестьяне. И, наконец, низшую группу сельского клира составляли плебейское духовенство, выходцы из крепостных и желляров. Энгельс, характеризуя социальное положение и общественно-политическую роль этой категории духовенства в эпоху средневековья, писал:

«Плебейская часть духовенства состояла из сельских и городских священников. Они стояли вне феодальной иерархии церкви и не имели доли в ее богатствах... Будучи выходцами из рядов бюргерства и плебейства, они стояли, несмотря на свою принадлежность к духовенству, достаточно близко к условиям жизни массы, чтобы сохранить бюргерские и плебейские симпатии. Участие в движениях того времени, бывшее для монахов исключением, у них являлось общим правилом. Из их рядов выходили теоретики и идеологи движения, и многие из них окончили свою жизнь на эшафоте в качестве представителей плебеев и крестьян. Народная ненависть к попам обращалась на них лишь в единичных случаях»⁴⁶).

Сельский клир эмиссары Ватикана предполагали окатоличить, склонив его к унии обещанием льгот и привилегий, а также используя для воздействия на него власть феодалов, подданными которых эти священники являлись.

Таким образом, лезуитский план Ватикана по насаждению унии в Закарпатье сводился к тому, чтобы через православных архипастырей склонить к «воссоединению» с Римом остальное духовенство, подкупить его подачками, завлечь в сети унии приманкой улучшения материальных условий и общественно-правового положения, обмануть верующих сохранением старых обрядов и «незаметно» окатоличить «русинских хлопов» при помощи своих новых агентов — попов-абьюратов.

Габсбургско-католический поход на «схизматиков» Закарпатской Руси являлся наступлением феодальных сил немецко-католической реакции и находился в органической связи с общим наступлением контрреформации против «еретических» движений. Цель этого наступления — укрепить пошатнувшиеся позиции католических феодалов путем полного социального, национального и духовного порабощения трудящихся масс Закарпатья. Идеологическим орудием этого порабощения выступает католическая церковь, являвшаяся «наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя», (Энгельс), применившая для укрепления господства феодалов «*in partibus infidelium*» («в стране неве-

ных») тактику «незаметного, неощутимого» окатоличения масс крепостного крестьянства посредством униатской церкви.

Руководящая роль в насаждении католицизма в Закарпатье принадлежала немецко-мадьярским феодальным магнатам, опиравшимся на эмиссаров Ватикана — незуитов и отступников от «старой веры» из числа высшего православного духовенства.

Наиболее раннее свидетельство «ревностного служения» венгерских королей и крупных феодалов «святому делу» — обращению «схизматиков»-русинов в католицизм — относится к XIV ст. В 1377 году венгерский король специальной грамотой поручает одному из своих вассалов Чудару «заботу об обращении русинов». Но эта «забота» относилась прежде всего к закарпатскому дворянству и не затрагивала массы крестьян.

Но уже в XVI и начале XVII вв., как свидетельствуют исторические документы, некоторые епископы мукачевской православной епархии сами переходят в католицизм и предпринимают первые шаги к введению унии. Однако их деятельность, вследствие слабой поддержки со стороны католических феодалов и Габсбургов, власть которых над Венгрией была только номинальной, не имела успеха.

Известно, что мукачевский епископ Сергей был посвящен в этот сан в Киеве греко-католическим епископом Ипатием Потием, и за «заслуги перед короной» пользовался особой милостью короля Рудольфа II, выдавшего в 1601 году грамоту Сергию, которой мукачевский монастырь и принадлежащие ему земли освобождались от податей и военного постоя.

Около 1614 года, с ведома и благословения Сергия, крупный католический магнат Гомонай, владелец Гуменской долины на Землинщине, призвал из Галиции для обращения в «истинно-христианскую» веру подвластного ему населения, греко-католического священника Афанасия Крупецкого, впоследствии ставшего епископом Перемышльским и Самборским.

В Гуменской долине насчитывалось 70 церковных приходов. Собранные по распоряжению Гомоная зависимые от него священники и монахи, под давлением своего господина, согласились принять унию с Римом «Когда было достигнуто к введению унии среди угроруссов, — писал А. Петров, — можно было рассчитывать, что успех не долго заставит себя ждать, что схизматики suaviter et insensibiliter воссоединятся с римско-католической церковью». Но эти расчеты католической партии не оправдались. Попытка Гомоная и Крупецкого обратить в унию массы Чуббандонов встретила решительное сопротивление с их стороны.

Среди крестьян распространились слухи, что вслед за введением «латинщины» последует новое увеличение барщины и поборов. «Папезники хотят известить нас и подрезать русский корень»; «нам не надо панской веры», — говорили «возмутители», арестованные администрацией долины.

Взбунтовавшиеся крестьяне отказывались выполнять распоряжения доминантных властей. Бунт против «латинщины» принимал форму массового движения против феодальной эксплуатации и угнетения. Крепостные крестьяне, вооружившись вилами, косами и топорами, стали собираться толпами, готовясь к походу на Краснобродский монастырь, являвшийся центром «папезников».

После одного из богослужений в монастыре, которое отправлял Крупецкий, призывавший «верников» к смирению и подчинению властям и «святому отцу» — папе, возмущенные крестьяне закидали «латынянина» камнями, и только вооруженные гайдуки Гомоная спасли тяжело раненного папского прислужника от верной смерти⁴⁷⁾.

Так сопротивление крестьян сорвало первую попытку введения унии в Землинском комитате. Могущественный владетель Гуменской доминии в условиях распространившегося на широкие массы крестьян недовольства, готового перерасти в вооруженную борьбу против господ-католиков, не решился на насильственное введение унии.

С 1620 года в сане мукачевского епископа подвизался другой ставленник католических магнатов Петроний, названный в грамоте 1623 года *ecclesiarum unionis graecae episcopus* (епископ соединенных греческих церквей). Его деятельность по распространению католицизма в Закарпатье была прервана в 1622 году захватом северо-восточных комитатов Венгрии и города Мукачево войсками противника Габсбургов и Ватикана, семиградского князя-протестанта Габора Бетлена.

В конце 1633 года епископом мукачевской епархии был назначен выходец из Галиции Василий Тарасович. В октябре этого же года Тарасович получил от владетеля Мукачевской доминии, семиградского князя-кальвиниста Георгия Ракоци, паспорт, обеспечивающий ему свободный проезд в город Яссы для принятия рукоположения от молдавского православного епископа. В начале следующего, 1634 года, Ракоци подтверждает своей грамотой Тарасовича в епископском звании, называя его *presbyter orientalis ecclesiae graeci ritus* (священник восточной церкви греческого обряда)⁴⁸, и предоставляет ему право проводить «канонические визитации», т. е. проверку состояния церковных приходов епархии.

В грамоте князя Ракоци говорилось: «В числе других рекомендован нам честный Василий Тарасович, пресвитер восточной церкви греческого исповедания как искусный в латинском и других языках и в богословских науках сведущий, а равно знакомый с свободными науками, превосходящий других благими нравами, и... согласием теперешних старшин (*primatum*) оной церкви одобренный»⁴⁹).

Надежды Ракоци на то, что Тарасович будет честно служить его интересам, не оправдались. Вскоре после посвящения Тарасович вступает в тайные переговоры с католическим примасом Венгрии и, под видом защиты православия от «тлетворного духа кальвинского», интенсивно распространявшегося тогда, поддерживает католическую партию в ее борьбе против реформации. Однако это заигрывание Тарасовича с католической партией встретило решительное противодействие со стороны администрации Мукачевской доминии, принадлежавшей «ревностному кальвину» князю Ракоци. Тарасович вынужден был поэтому заявить о своей лояльности и отказаться от вмешательства в борьбу двух враждующих лагерей — католического и протестанского.

Однако, это вынужденное признание лояльности было только маскировкой. Честолюбивый мукачевский епископ, стремившийся освободиться от зависимости со стороны могущественного князя Ракоци, рассматривавшего главу православной церкви Закарпатья, как своего подданного, продолжает тайные сношения с князьями католической церкви, обещавшими ему свои милости и всяческую поддержку в осуществлении плана соединения мукачевской епархии с апостольским римским престолом. Тарасович, по выражению одного из чешских историков, «хорошо сориентировавшись в тогдашней ситуации», решил открыто принять католицизм, рассчитывая, что за ним, как за «священным пастырем», пойдет все остальное духовенство, а за духовенством последует «богобойное стадо» — верующие. Тарасович решил, что православие, которое не дает ему «ни права, ни славы» выгоднее сменить на «правверие», которое дает ему «и право и веру».

13 декабря 1640 года, в день, когда Тарасович собирался выехать в резиденцию ягерского епископа, в город Яссов (*Jászó*) Абауйской стó-

по распоряжению Ракоци Вооруженные гайдуки семиградского князя во главе с начальником мукачевского замка Баллингом, схватили Тарасовича в алтаре церкви после богослужения.

В одном из уннатских журналов более позднего периода, это событие описывается так: «И что учинил князь Раковцнй с епископом Тарасовичем... страшно и сказать..., когда епископ в мукачевской монастырской церкви святую литургию отправлял, приказал его... при святом престоле схватить, через улицы мукачевские в архиепископской одежде, как злодея, вести и в темницу посадить»⁵⁰).

Тарасовичу было предъявлено обвинение в тайных сношениях с католической партией и, таким образом, в нарушении верности своему сюзерену, а также в притеснении православного духовенства и в преднамеренном привлечении из Польши монахов и священников, опираясь на которых епископ хотел подчинить церковь и верующих Закарпатье власти противников князя.

В защиту своего агента Тарасовича выступили и Ватикан и Вена. В феврале 1641 г. король Фердинанд III, «ревнуя о распространении римского вероучения и унии», изправил письмо к Баллингу с предложением освободить заключенного епископа, но вассал могущественного семиградского князя даже не удостоил короля ответом. Тем более не оказали никакого воздействия на Ракоци и протесты со стороны духовных властей (ягерского капитула, саболчского архидиакона, епископа Трансильвании Стефана Симандия), а также представление краевого судьи Венгрии графа Иоанна Другета.

Король Фердинанд III вынужден был чаправить своего посла Сигизмунда Еарши, поджупана комитата Шопронского, со специальным письмом к Георгию Ракоци по поводу освобождения Тарасовича. Посол король получил указание передать Ракоци, что его величество огорчен таким бесцеремонным обращением князя с духовным архипастырем и настаивает, чтобы Ракоци придерживался существующих в государстве законов. Посол должен был, используя все средства, добиться освобождения Тарасовича из темницы⁵¹).

Дело с «пленением» Тарасовича тянулось полтора года. Только в апреле 1642 года Ракоци согласился освободить епископа, поставив ему ряд условий. Тарасович дал письменное обязательство, в котором говорилось: «...содержанием настоящего письма объявляю всем, что я справедливо пал в немилость милостивейшего государя моего... по причине известных жалоб, дошедших до его ушей и донесенных капитану мукачевскому и префекту всех имений, к этому замку принадлежащих. Именно две жалобы, пересмотренные ими судебным порядком, оказались верными, и я уличен в преступлении, вследствие чего оказалось необходимым содержать меня некоторое время под стражею...».

Дальше Тарасович излагает те условия, которые ему были поставлены Ракоци и, приняв которые, он был освобожден из заключения. Епископ признал Ракоци своим патроном и, вопреки его воле, обязался никаких новшеств в епархии не вводить. Кроме того, Тарасович обещал прекратить связи с польским духовенством и не допускать в монастыри католических и уннатских священников и монахов, не отягощать паству новыми поборами и не преследовать жалующихся на него верующих. Наконец, Тарасович, в знак признания верховенства Ракоци, должен был лично предстать князю в его семиградской резиденции Альба-Юлия⁵²).

Однако, первым же шагом Тарасовича — этого габсбургско-папского холопа, как только он освобождился из заточения, было гайное принятие католичества от ягерского епископа. В одной из современных песен, посвященной «поцвигам» Тарасовича, в таких словах выражено

его презрение к «религии хочошов» и к народным массам: «Разве православие есть та церковь, которая должна овладеть миром?... смешно мне, когда полумаяю, что когда-то мог верить во что-то подобное. А разве народ может быть носителем истины божьей, тот темный народ, которого каждый обманщик может вести туда, куда захочет? Смеюсь ныне над собственной темнотой, слепотой. Слепой слепого водил и оба упали в яму! Конец заблуждениям, конец сомнениям моим. Счастлив я, что стал покорным сыном наследника Петра»⁵³).

В ответ на нарушение Тарасовичем своих обязательств, Ракоци лишил его епископской кафедры и всех доходов. Мукачевским епископом был назначен «схизматик» Софроний Юско, вскоре замененный более предприимчивым Порфирием Арданом, делившимся своими пастырскими доходами с весильным клеветом Ракоци Баллингом.

Но экс-епископ, нашедший приют во владениях Габсбургов, не мог смириться с тем, что его «труды на пользу апостольского престола уничтожают схизматики».

Тарасович, усвоивший иезуитские приемы, идет на святотатство и обман. Он объявляет об отречении от католической церкви, о «раскаянии в заблуждении», и «схизматиком», с разрешения Ракоци, возвращается в Мукачево.

Тарасович вновь подтвердил свое обязательство верно служить князю Ракоци, порвать всякие связи с католической партией, раз навсегда отказаться от унии с Римом, и от претензий на доходы, не подтвержденные соответствующими грамотами. Но это был только иезуитский маневр Тарасовича, рассчитанный на усыпление бдительности противников католической партии, с тем, чтобы, прикрываясь «искренним раскаянием в заблуждении», тихой сапой проводить свою антинародную деятельность по утверждению католического рабства.

Один из современных униатских борзописцев Ириной Кондратович, так оценивал двурушничество Тарасовича: «Конечной целью его возвращения в схизму было: епископство такому преемнику оставить, который ревностно будет продолжать распространять начатую унию. Внешне был схизматиком, но в душе был правдивым и ревностным католиком»⁵⁴).

Подлинные намерения Тарасовича, однако, скоро были разгаданы и он вновь был изгнан из мукачевской епархии. Тарасовичу не помогло и заступничество короля. После вторичного отречения от епископства Тарасович обосновался по милости своих католических хозяев в городке Большой Каллов, Саболчского комитата. Специальным указом Фердинанда III от 9 мая 1643 г. ему была назначена ежегодная пенсия в размере 200 рейнских флоринов⁵⁵). Король возложил на Тарасовича обязанность распространять унию среди русинов в подвластных ему владениях, присвоив епископу-пенсионеру громкий, но пустой титул «мукачевского патриарха».

Резиденция новоиспеченного «патриарха» в Каллове стала униатско-католической штаб-квартирой, рассылавшей своих эмиссаров в закарпатские комитаты с целью осуществления «святой унии». Главным помощником Тарасовича являлся монах ордена Василия Великого, Петр Парфений Ростошинский, обосновавшийся в Ужгороде. Здесь он нашел патронессу в лице фанатической католички графини Анны Другет, сестры ягерского епископа, владевшей Ужгородской доминией и возглавлявшей католическую партию.

«Видя тяжелое и бесправное положение угро-русского духовенства и желая ближе ознакомиться с возникшим в его среде новым движением», — писал Кондратович, — Анна Другет поставила перед собой задачу обратить в «подлинную» христианскую веру своих подданных

«схизматиков»-русинов. На самом же деле, видя неуспех униатских экспериментов Тарасовича, и стремясь насадить католицизм, как испытанное средство духовного порабощения трудящихся, Анна Другет, через «ревностных и ученых отцов» Ростошинского и его подручных Гавриила Кошовича и Дмитрия Корницкого, — начинает обрабатывать зависимое от нее православное духовенство Ужгородской доминии с целью вовлечения его в сети унии.

В ход были пущены все средства: угрозы и подкуп, принуждения и обещания всяческих льгот духовенству за переход в лоно римской церкви.

«Так как поборники унии не надеялись на успех своего предприятия, если бы вызвали клир на одно безусловное соглашение, то они позаботились о предложении ему выгодных условий для привлечения к унии, употребив Петра Парфения орудием для убеждения клира в благовидности такого дела»⁵⁶). Агенты католической партии действовали в этом же направлении и среди духовенства других округов — Гуменского и Маковицкого. Таким образом, Анне Другет удалось склонить к унии небольшую часть духовенства, преимущественно из Ужгородской доминии.

Когда почва для принятия унии ужгородским духовенством была подготовлена, Анна Другет направляет к своему брату, ягерскому епископу Якушчу, Петра Ростошинского и Дмитрия Корницкого, с предложением прибыть в Ужгород для оформления унии.

24 апреля 1646 года 63 священника и монаха ордена Василия Великого, собрались в резиденции Анны Другет, в ужгородском замке, где после речей Ростошинского и Кошовича о «спасительном» значении «святой унии», торжественного богослужения и провозглашения католических символов веры, обязались твердо придерживаться догматов и правил католической церкви⁵⁷). Они обязались также беспрекословно подчиняться римскому папе — «наместнику бога» на земле, диктатура и «непогрешимость» которого были краеугольным камнем католицизма.

Ужгородские священники, продавшиеся за серебрянники и обещания «земных благ» Риму, заключили антинародную сделку с представителем папы Иннокентия X на этом совещании, ягерским епископом, на следующих условиях:

1. Рим гарантирует сохранение всех обрядов восточной церкви в новой униатской епархии.
2. Мукачевские епископы избираются духовенством епархии, с последующим утверждением римской курией.
3. Униатскому духовенству предоставляются все права и привилегии римско-католического духовенства⁵⁸).

Из этих условий видно, что ужгородские «превелебные пань», вступив в лоно католической церкви, преследовали исключительно свои корыстные, сословные цели. Они стремились сохранить независимость во внутренних делах церкви, т. е. сохранить за собой монопольное право эксплуатации верующих и получить привилегии «патеров-латинян» — представителей господствующей церкви.

Грско-католические авторы, описывая это событие, указывают, что «объективный ход вещей», якобы неизбежно вел верующих Закарпатья и духовенство к папскому престолу. Аргументация «ученых» униатских каноников и архидиаконов не выдерживает никакой критики.

Мукачевская доминия, говорили они, где обычно пребывали православные епископы в своей резиденции в монастыре на Чернечей горе, с конца XVI века из королевского владения превратилась в вотчину крупных магнатов — Маговчи, Эстергази, Ракоци, что поставило «ру-

синских архипастырей» в полную зависимость от владельцев домини, назначавших и смещавших епископов по своему желанию. Это обстоятельство, по мнению униатских авторов, и являлось главной причиной «религиозного невежества» народа и распространения среди него предрассудков и суеверий, и массы тянулись к уни, ибо «...все ожидали от уни улучшения положения как духовного, так и общественного, политического и материального». «Настоящее душпастырство, — заявлял проповедник католицизма В. Гаджега, — только в уни и из уни началось»⁵⁹).

Гаджеге вторит другой глашатай Ватикана, И. Кондратович: Брестская униа, — говорит он, — подала мысль духовенству соединиться с Римом; «чем могли освободиться от господства над ними светских господ и свободнее работать над душеспасением верующих своих»⁶⁰).

Здесь мы имеем попытку негодными средствами доказать, что якобы к введению уни склонялось не только духовенство, но и массы верующих, связывавшие будто бы с установлением уни надежды на улучшение своего социального положения. На деле же, только духовенство продалось католической церкви и Габсбургам за обещанные льготы и права, вопреки желаниям масс верующих. Лживыми до конца являются также утверждения этих католических приспешников о «благодетельном» влиянии, которое якобы оказала на народные массы церковная униа, открывшая перед духовенством широкие возможности для работы над «душеспасением» верующих.

Церковная униа для закарпатских трудящихся принесла новые неисчислимы бедствия, и деятельность униатского духовенства по «душеспасению» обеспечивала только «поддержание духовного рабства народных масс» (Ленин). Униатские «душпастыри» стали подлинными «душпаскудниками», как их называли обманутые «верники».

Нельзя согласиться и с мнением А. Петрова, который указывал, что «ужасающая бедность» православного духовенства Закарпатья до некоторой степени извиняет их корыстолюбие, так как рассуждения об «ужасающей бедности» духовенства являются преувеличенными.

Хотя низшее православное духовенство Закарпатья до введения церковной уни и принадлежало к числу зависимого населения, но оно находилось в особых, более выгодных условиях, чем массы крепостных.

Обычно священники имели полные наделы земли, которые обрабатывались, главным образом, трудом «верников», их тягловой силой и инвентарем. Размеры денежных и натуральных повинностей, уплачиваемых ими в пользу королевской казны, феодалу-землевладельцу и епископу, были значительно меньшими, чем повинности йоббадионов, и покрывались за счет церковных поборов с верующих-крестьян.

О размерах повинностей священников по отношению к землевладельцам-дворянам до принятия уни можно судить по данным урбариев. Так, в 1603 году из 15 священников Середнянского имения 9 имели полные наделы земли, а в отношении повинностей приравнивались к привилегированному слою шолтысов и вносили землевладельцу с полного надела одну лисью шкуру, а имеющие стадо свиней уплачивали 32 динара.

Некоторые священники во владении Липчая на Марамарошине за пользование полным наделом земли вносили от одной до трех лисьих шкур, другие же были освобождены от всяких повинностей (см. *Mag. gazdaságtört. szemle*, 1894 г., стр. 340—342).

В Ужгородской домини в 1631 г., кроме небольших денежных взносов, священники должны были участвовать в уборке сена и доставке хлеба с полей на тока, но и эти повинности за священников выполняли верующие.

В Чинадиевской доминии в этот же период каждый священник уплачивал в год один флорин налога и давал незначительное количество восковых свечей (См. Hodinka A, цит. соч. A Munkácsi görögkathol., 1910 г стр 722, 724, 725, 727).

Эти повинности священников не могли идти ни в какое сравнение с колоссальным грузом налогов, поборов и повинностей, взваленных на массы крепостного крестьянства. Помимо 105 дней в году барщины и других натуральных повинностей, крестьянин уплачивал «церковную десятину» и «королевскую порцию». Если денежный налог землевладельцу, уплачиваемый священником не превышал двух флоринов, то только census, уплачиваемый крестьянином в XVII ст., достигал шести, а в отдельных доминиях — 12 флоринов. Эти данные свидетельствуют о несостоятельности рассуждений некоторых авторов, оправдывавших принятие унии «ужасающей бедностью» духовенства.

Вскоре после смерти Тарасовича в 1648 г. мукачевским епископом был избран Парфений Ростошинский. Характерно, что новый архипастырь был рукоположен по православному обряду с тем, чтобы обеспечить, прикрываясь преданностью «старой вере», торжество католицизма. Не случайно папа Александр VII властью «наместника Христа» на земле «разрешил от греха святотатства» неопита Ростошинского, так как он пошел на обман ради торжества «святого дела».

Широкие массы верующих-крестьян, продолжавшие наивно доверять своим «духовным пастырям», и не подозревали, что они стали объектом сделки кучки попов с католической церковью, сделка, которая повлекла за собой еще большее усиление социального, национального и духовного угнетения трудящихся.

Сохранение старых внешних форм греческого церковного обряда на время скрывало подлинные цели унии, к которой народ относился с ненавистью, а прозвище «уннат» считалось позорным.

Католическая партия и ее клеветы из числа православного духовенства, стремясь поскорее довести до конца начатое дело унии все решительнее применяют насилие для привлечения на свою сторону «шизматиков». Правда, в документах этого периода о насилиях над «еретиками» говорилось в завуалированной форме, но настолько прозрачно, что в принуждениях к принятию унии духовенства и мирян сомневаться не приходится. «Benevolum examen», «brachium magistratuale», «saeculare», «militare», «carceribus injici», «siti, fame macerandos». («Добровольное испытание», «административное воздействие», «конфискация», «применение военной силы», «заключение в тюрьму», «морить голодом и жаждой» — вот та терминология официальных документов, за которой скрывалась грубая сила, применяемая для приобщения «заблудившихся» к «истинной вере христовой».

Вооруженный иезуитской тактикой, применяя различные способы насилия, организатор «ужгородской унии» Ростошинский мог блеснуть своими «успехами», заявив на церковном соборе венгерского католического духовенства в Тирнаве (Nagy Szombath) в 1648 году о присоединении к Риму уже от имени 400 священников и «многих сотен тысяч» верующих. Цифра, вовлеченных в сети унии Ростошинским была, для придания большего веса своим «заслугам» перед папским престолом, преувеличена в несколько раз, так как в XVII ст. в Закарпатье было всего только 400 священников и 200 000 «серников».

На этом соборе Ростошинский «исповедал соединение свое с католической церковью» и просил подтвердить избрание его мукачевским епископом. Примас Венгрии, архиепископ Осгригомский (Гранский), признал Ростошинского епископом и предоставил от своего имени передешедшему в унию духовенству все права и привилегии католического

клира, поручив нового епископа и его епархию «благоволению земле-владельцев», т. е. опеке католических светских феодалов.

Архиепископ Гранский в речи, обращенной к участникам собора, указывал на необходимость всемерного содействия делу унии, обещая «русинскому духовенству» материальные выгоды, которые оно получит, перейдя в лоно католической церкви. Он говорил: «В Спише, а особенно в ерлавской епархии, открылась не легкая дверь к обращению русских схизматиков и приведению их в единство со святой церковью; уже немало их священников вошли в лоно церкви. Еще больше можно привлечь их, если сделать их участниками права и свободы нашего духовного сословия, если владельцы имений освободят их от работ, по крайней мере личных и дастся им еще кое-что... Я думаю, — закончил свою речь архиепископ, — что следует принять их с отеческими объятиями, всячески содействуя унии, по примеру польской церкви»⁶¹).

Семиградская княгиня Софья Баторий, исходя из своих личных целей, стремясь ослабить успехи католической партии в Закарпатье, выступает в защиту «старой веры» и выдвигает в 1659 году на мукачевскую епископскую кафедру мелкого закарпатского дворянина Иоанникия Зейкан⁶²).

Таким образом мукачевская епархия раскололась на две части — униатскую и православную. Власть униатского епископа распространилась главным образом на территории Спишского, Шаришского, Землинского и частично Саболчского комитатов. Православному же епископу подчинялись церкви почти всего Бережского и Марамарошского комитатов.

Парфений Ростошинский, стремясь выслужиться перед католическими князьями и папской курией, не жалеет сил для того, чтобы добиться возможно больших результатов в деле насаждения унии. Все помыслы этого провинциального монаха были направлены к одной цели: получить от папы епископскую митру, стать на одну ногу с католическим высшим духовенством и безмятежно пользоваться своей властью и пристражающимися из этой власти материальными благами, которыми обладали латинские архипастыри. Чтобы придать больший вес своей особе перед католическими хозяевами, Ростошинский присвоил себе настолько же пышный и многословный, насколько безграмотный, с точки зрения канонического права, титул «епископа Мункачского, Краснобордского, Спешского и всех владений его священнейшего императорско-королевского величества, принадлежащих к православной святой католической и апостольской восточной церкви».

Но папа не спешил с подтверждением монаха-высочки в сане епископа, так как дело унии в Закарпатье, как об этом была осведомлена папская курия, еще далеко не было завершено. Венгерский примас, поддерживая Ростошинского, сразу же после Тирнавского собора донес в Рим об успехах унии в Закарпатье и просил подтвердить «заслуженного отца» Парфения в звании епископа (мукачевского). Но только в октябре 1651 года конгрегация de propaganda Fide, обсудив донесение архиепископа, и «с радостью восприняв известие о приведении русских Венгрии к унии», обещала поддержать перед папой ходатайство князя-примаса.

Дело с подтверждением Ростошинского в сане епископа затягивалось. Новому униатскому архипастырю, обуреваемому честолюбивыми замыслами, приходилось с трудом прокладывать путь к признанию его равноправным членом католической аристократии. В январе 1652 года он созывает в Ужгороде совещание подчиненных ему архидиаконов, от имени которых римскому папе было направлено письмо с просьбой подтвердить избрание Ростошинского и принятие условий присоединения к унии, выдвинутых 63 священниками в 1646 году. Торопит кардиналов и при-

мас Венгрии Липпай, указывающий в своем письме от 19 июля 1652 года на необходимость скорейшего подтверждения Ростошинского в сане епископа в связи с усилением противокатолической деятельности в Закарпатье, направляемой семиградской княгиней Ракоци.

На запрос папской конгрегации, Липпай в 1654 году дает подробное описание состояния униатской мукачевской епархии и мотивирует необходимость утверждения Ростошинского прежде всего тем, что дело унии может потерпеть большой урон, вследствие значительного влияния партии семиградской княгини, которая не остановится и перед «сворачиванием русинов в кальвинизм».

Вот почему католическая партия и венский двор, чувствуя угрозу провала унии, всемерно поддерживают Ростошинского в его антинародной деятельности. В 1655 г. владетель ужгородской доминии, Георгий Другет, выдает Ростошинскому специальную грамоту, которой предоставляет униатскому духовенству ряд льгот и привилегий на территории своих владений.

В грамоте говорилось, что граф Другет признает всех «законно посвященных» русских иереев, т. е. принявших унию, и запрещает своим «официалам» «обижать русских священников, или держать их в оковах».

Все униатские священники, имеющие приходы, освобождались от поборов и работ в пользу доминии, уплачивая только налог в сумме шести флоринов. Униатскому епископу разрешалось свободно приобретать землю и строения в Ужгороде, освобождаемые от всяких налогов и податей, для церковных и школьных нужд.

И только через 11 лет после своего избрания, в 1659 году, Ростошинский был пожалован в архипастыри королем Леопольдом, назначившим его «епископом русинов, живущих во всей Венгрии». В следующем году Ростошинский был утвержден папой Александром VII, а примас Венгрии Липпай специальной грамотой вторично подтвердил предоставление униатскому духовенству мукачевской епархии прав латинского клира и дозволил совершать богослужение на «народном иллирийском, или глаголическом языке» (*vulgari illirica seu glagolitica lingua divina omnia regagere*), так как «сам достопочтеннейший отец Парфений, и большая часть священников того обряда, латинскому языку не обучались». Архиепископ извращал факты. Дело заключалось не столько в незнании православным клиром латинского языка, сколько в том, что открытый переход к латинизации богослужения неизбежно привел бы к массовому движению верующих против установления католического господства и к срыву первых успехов тактики «незаметного» окатоличения «схизматиков» Закарпатья.

Несмотря на новые обещания предоставить права и льготы духовенству, перешедшему под высокую руку римского папы, дело введения унии в Закарпатье продвигалось очень медленно вследствие сопротивления народных масс. Иезуит Себастиан Миллей, агент католической партии в Мукачева в одном из своих писем к краковскому патеру Миткевичу в 1662 году указывал, что «Мункачская Украина на всем протяжении своем схизматическая», и что склонить массы к унии не удастся, несмотря на все усердие «воинов христовых».

С 1664 года, после изгнания из Мукачева ставленника семиградских князей епископа Зейкана, в приходах, находившихся под властью греко-католического епископа, началось массовое принудительное обращение верующих в унию. Однако сопротивление масс было настолько сильно, что несмотря на все старания католической партии, число униатских приходов было сравнительно невелико. Из 769 церквей мукачевской епархии (без Марамароша, население которого поддерживало «старую веру») униатских церквей числилось только 313. Причем в Ужгородской

доминии — опоре католической партии — было еще 60 священников «схизматиков», не говоря уже о Мукачевской доминии, где все 130 церквей оставались православными.

Ветхий старец Ростошинский, посвятивший почти 25 лет своей жизни осуществлению «предначертаний святейшего отца» в Закарпатье, и его католические господа, не могли похвалиться большими успехами.

Даже И. Дулишкович должен был признать, что: «Парфению не удалось утвердить унию и мир», а М. Лучкай, автор рукописи по истории мукачевской епархии, характеризуя деятельность Ростошинского, указывал: «*laudabiliter coepit, at obscure finivat*» — «правление свое похвально начал, но темно закончил»⁶³).

ГЛАВА V

**НАСИЛЬСТВЕННОЕ ВВЕДЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ УНИИ
В ЗАКАРПАТЬЕ**

С 60-х гг. XVII ст., когда феодально-католическая реакция стала на путь открытого применения насилия для обращения в унию масс верующих и когда подлинные цели «воссоединения церквей» — установление католического господства как средства еще большего закабаления трудящихся масс чужеземными феодалами — стали понятны массам, в Закарпатье разворачивается широкое народное движение против наступления феодально-католической реакции.

Внешне это движение, как и другие народные движения феодальной эпохи, носило религиозную окраску. Свообразие его, обусловленное исторически, заключалось в том, что здесь выступление народных масс против феодально-католической реакции проходило не под знаменем протестантизма, а под флагом борьбы за «старую веру».

Отсутствие необходимых социально-экономических предпосылок (слабое развитие ремесленного производства, обмена, товарно-денежных отношений и городов как центров ремесла и торговли; слабое, малочисленное и неорганизованное бюргерство) не создавали условий и почвы для распространения в Закарпатье протестантских течений. Кроме того, народные массы Закарпатья, поработанные чужеземными господствующими классами, подвергались не только тяжелейшему социальному, но и национальному угнетению. Славянская культура, язык закарпатских украинцев, а также «старая вера», как национальная религия, подвергались гонениям, что и придавало этому движению определенную специфику, вылинув, как внешнее проявление движения масс, именно борьбу за «старую веру», как за народную религию, посягательство на которую рассматривалось, как стремление господствующих классов-католиков уничтожить русско-славянскую народность в Закарпатье.

Причем в этот период в Закарпатье размежевание социальных сил в основном совпадало с разделением общества по религиозному и отчасти по национальному признакам. На одной стороне выступает класс светских и духовных феодалов и имущая верхушка общества, состоявшая из немецко-венгерского и ассимилированного закарпатского дворянства и бюргерства, принадлежавшего в подавляющем большинстве к господствующей католической церкви; на другой — массы крепостного крестьянства и плебейские низы городов — русины, исповедывавшие «холопскую» религию. Энгельс, характеризуя особенности социальных и национально-вероисповедных отношений в Западной Украине, указывал:

«Большая часть населения восточных провинций была православной веры, в то время как собственно поляки были римско-католического вероисповедания. Значительная часть этих греко-католиков в XVI столетии была вынуждена признать верховенство папы, и они стали называться греко-уннатами, но многие из них сохранили во всех отношениях верность своей прежней православной религии. Это были главным образом крепостные, в то время как их благородные господа почти все были римско-католической веры, по национальности эти крепостные были малороссами»⁶¹).

Такую же картину социально-экономических и национально-религиозных отношений мы наблюдаем и в Закарпатье, с той только разницей, что здесь место благородных господ-католиков занимала не польская шляхта, а немецко-венгерские феодалы и слившееся с ними местное, закарпатское, дворянство.

Вот почему классовая борьба крепостных против феодалов в Закарпатье приобрела национально-религиозную окраску, тем более, что наступление феодально-католической реакции на «схизматиков», сопровождавшееся насильственным окатоличением, усиливало приверженность крестьянства к «старой вере».

В этих условиях борьба против католицизма являлась борьбой против феодального гнета, в основе ее лежала классовая борьба, а участие в движении широких масс крепостных крестьян, масс «схизматиков-холопов» придавало ему характер крестьянско-плебейского движения против феодального угнетения йоббадей дворянами.

К антикатолическому лагерю примыкали и известные слои местного дворянства и бюргерства, которые стремились использовать массовое народное движение против католического порабощения в своих классово-корыстных целях. Они выступали обычно как агенты семиградских и других князей-протестантов и, ратуя за «старую веру», преследовали совершенно другие цели, а именно ослабление позиций католических феодалов и католической церкви в Закарпатье, с тем, чтобы, усилив влияние своих вельможных господ, получить широкие возможности для эксплуатации крестьян, прикрываясь истрепанным и лживым лозунгом — «одна вера — один народ», а так же поживиться за счет земель католических феодалов. Но эти элементы не играли заметной роли в народном движении против католической церкви, так как плебейско-крестьянский дух этой борьбы, ее размах и социальная направленность были диаметрально противоположны классовым интересам этих элементов.

Со второй половины XVII ст., одновременно с новым нарастанием социального недовольства масс крестьянства, вызванного усилением феодального гнета и опустошительными войнами, нарастает и борьба против наступления католицизма, ставшего на путь применения репрессий по отношению к сторонникам «старой веры». Возглавляли это движение выходцы из крепостных крестьян и представители плебейского духовенства.

Католические феодалы путем применения грубого насилия стали обращать своих подданных в «папешников». Они подвергали аресту упорствующих, донимали их штрафами, отбирали скот, конфисковали имущество, бросали «зачинщиков сопротивления» в подвалы, заковывали в кандалы, морили голодом.

О годах насаждения унии в Закарпатье, в так называемом «трактате перомонаха Миханла»⁶²), говорилось «Сия книга списана правоверным и, могу рещи, достойным переем Миханлом Феодулом и Христодулом року того, которого зло римляне на нас наступали и гонили нас

восточных, и во кладах и затворах нас держаше и пакость велию нам веры ради православной задавающе... Ужаснетесь с мною суще люди вернии, квид ипси фацеунт, что овни римчинове творит... Сам ваш отец лжи папежь, той, который у старом Риму покойне до часу седит, яко медвезверь».

К каким только средствам не прибегали клеветы католических магнатов, чтобы опутать сетями унии массы йоббадионов. Помимо открытого насилия, они стараются привлечь на свою сторону популярных в массах «русинских батьков» уговорами, запугиваниями и обещаниями дать «жирный приход».

В своем памфлете «Логос» Оросвиговский описывает, как епископ Иосиф де Камеллис, вкупе с чиновниками Ужгородской доминии, пытался обратить его в «истинную» католическую веру угрозами и подкупам. Иеромонах Михаил был вызван к епископу, заседавшему за столом со своими единомышленниками «подпанками». Епископ обратился к упорствующему «схизматнику» со словами: «вот видишь перед собою честных господ... что же ты думаешь мыслишь, живя на свете? Император германский, король польский и другие великие монархи все есть папешники и мы с ними. Дай нам руку, что и ты вместе с нами останешься?».

Михаил наотрез отказался от этого предложения. Тогда, как передает Оросвиговский, «Они меня ухвативши привелоша к столу своему.. и даше владыке до рук стригальню свою, ножнице, рекоша: «обстризи ему власы вся браду и главу; еще же не лиши его уса, да будет простаком, хлопом панщину робити, а не поповати. Просит тя владыка, небоже, не чини страмоту стыд сам себе, помятайся что, ты ся стало, послухай всех нас, у чести людской и ты будешь из нами».

Оросвиговский с возмущением заявил: Если уж до того дошло, «стриги ты пушпеку⁶⁶⁾, Иожефу наш, яко юродивый или буй»⁶⁷⁾ и повествует Михаил: «аз начах слезы проливати, капле дождевная очеса моя испуцаху»...

Один из разжалобившихся «панов римских» сказал: Не снимайте с него сана священника, но «не дайте ему под нашу властью поповати, аще будет нашим дайте». «Беда, беда, Михаил поп тебе».. С этими словами епископ отпустил иеромонаха, запретив ему отправлять церковную службу. Ни угрозы, ни притеснения не смогли его заставить отречься от веры отцов. «Не приняла душа моя временной славы», — заключает Оросвиговский

Говоря о насилиях, применяемых католической партией, а также, подчеркивая ненависть масс к «латинской унии», Оросвиговский писал: «Чему ж волокут, тягнут силою нашу церковь; и рады бы они мне погибнути скоро, борзо, просят, молят мя обратитися. На що? На унею их! Пге! Плюю на ню! Не хоцет ниже одежда моя, а ни кость, а ни прах одежды мося; нем кель маш некем Иштен⁶⁸⁾ сиречь: не потребно мне бога их. Михаил я, червак, а не человек есм, а еще, егда бех за Христа царя нашего железными веригами связанным, людие и жены плачуще, глаголаху: О горе нам, о горе души того, кто предает учителя беззаконником и врагом римляном сим!»!

Буйные проповеди Оросвиговского и других представителей плебейского духовенства, призывавших к борьбе против «католического медвезверя», находили широкий отклик в массах народа, задавленных феодальным гнетом, повинностями и поборами. Ярость эксплуатируемых масс крепостного крестьянства к своим поработителям дворянам, посягавшим так же и на «веру отцов», — прорвалась.

Во всех комитатах Закарпатья начались разрозненные выступления крестьян. Они отказывались выполнять феодальные повинности и уплачивать налоги. Между вооруженной стражей владетелей доминий и тол-

паме крестьян происходят кровавые столкновения. Крестьяне изгоняют из своих сел доминирующих чиновников и агентов феодально-католической клики — униатских священников.

«...Настали тяжелые времена, — писал об этом периоде папский прислужник И. Кондратович. Нашлись люди, которые подбили народ и духовенство против унии, и многие возвратились в «схизму...» В 416 церквах, по словам Оросвиговского, были сожжены богомерзские книги; масса прихожан «перекрещивала своих отрочат» и «особенно к латинскому обряду себя презренно показывала».

На протяжении 20 лет, с 60-х до 80-х гг. XVII ст., не утихало крестьянско-плебейское движение в Закарпатье, тесно переплетавшееся с борьбой за «старую веру». Габсбурги и католические магнаты, отвлеченные войной с турками, борьбой с венгерскими и семиградскими феодалами — протестантами, не имели сил, чтобы при их помощи одним ударом удушить народное движение в Закарпатье.

Действия местных дворянских карательных отрядов, несмотря на жестокую расправу с «бунтовщиками-схизматиками», не имели успеха. Подавленные в одном месте, выступления йоббадей вспыхивали в другом. Феодально-католическая партия должна была отступать перед силой народного движения. Отдельные магнаты вынуждены были заявить о своем согласии получать «старые дани и повинности», а так же отказаться от насильственного окатоличения своих подданных.

Характерным для народного движения этого периода в Закарпатье являлась не только его религиозная окраска, но и то, что здесь находил известное выражение идея национально-освободительной борьбы. Сознание братского родства русинов Закарпатья с остальным украинским народом, с народом русским, не угасавшее ни на один миг на протяжении многих веков чужеземного господства, питавшее извечно живущую в сердцах народа идею воссоединения с матерью-Русью, приобретает особую значимость на тех этапах истории народных масс Закарпатья, когда враждебные народу силы угрожали самому его существованию как народа.

Всегда в годы лихолетий и тяжелых бедствий, выпадавших на долю народных масс Закарпатья, они обращали свои взоры к Москве как к символу независимости и могущества Руси, к великому брату-русскому народу, и в этом сознании своего единства с великой Русью они черпали новые силы для борьбы за свое право на существование.

И в эти годы страшного угнетения, когда враждебные феодально-католические силы начали ожесточенное наступление на русинов с тем, чтобы «подрезать народный корень», покончить с «русской верой», идея братского единства с русским народом, как животворная сила поддерживает народные массы Закарпатья в их неравной борьбе с чужеземными поработителями.

Агенты Ватикана всячески пытались очернить эту благородную и выстраданную идею, называя отставивших «русскую веру», «изменниками» «москвитскими агентами», «нехристиами», которым место не среди народов «западной католической культуры», а в «азиатской» Москве или в мусульманской Туреччине.

Михаил Оросвиговский, отвечая на выпады против «русской веры» одного из иезуитских проповедников, Жамбара, с гневом писал: «лжет, брешет, яко каннус, филинус... аще есть сие хулно и чути верному чело-веку». Вожаки крестьянских масс и плебейское духовенство призывали крестьян бороться против «папешников»-господ за свои права и волю, воодушевляя их словами: «за русинами стоит единоверная Русь».

Огромный размах освободительно-крестьянской войны 1648—1654 гг. на Украине, возглавляемой Богданом Хмельницким, и последовавшее

затем присоединение Украины к России, имевшее великое историческое, буквально спасительное значение для украинского народа, несомненно оказали большое влияние на антифеодалное и противокатолическое движение народных масс в Закарпатье.

Успехи Богдана Хмельницкого в борьбе за освобождение Украины из-под гнета польских феодалов воодушевляли народные массы Закарпатья в их единоборстве с враждебными феодально-католическими силами, а присоединение Украины к России показывало, что освобождение Закарпатья в конкретно-исторических условиях того времени возможно только в союзе с братским русским народом.

В старинных песнях и сказаниях Закарпатской Руси сохранилась память об освободительной борьбе украинского народа в XVII ст., воспринимавшаяся закарпатскими трудящимися как свое кровное дело, о той великой надежде, которую они возлагали на помощь «зі Сходу».

«Сонце сходит за Карпатом
Хмари розганя,
А та слава про Богдана
За Карпат сяга . . .»

говорится в народной песне, а в преданиях о «Двух братьях» подчеркивается, что ни султан турецкий, ни кесарь немецкий, ни «Раковци князь пресветлый», а «старший брат из-за Карпат руку помощи бедолаге русину подает...»⁶⁹).

Именно эта идея братства с русским народом, вера в спасительную роль Руси в борьбе против порабощения «папешниками», и придала народному движению второй половины XVII ст. боевой характер, упорство и стойкость.

В 60-х—80-х гг. XVII ст. состояние церковной организации Закарпатья характеризуется разбродом и анархией, отсутствием твердой духовной власти, что отражало в себе разброд и анархию в политической жизни Венгрии.

В этот период в качестве мукачевских епископов и викариев подвизаются различные ставленники протестантских и католических светских и духовных магнатов, проводившие религиозную политику в соответствии с политическими целями своих хозяев. Некоторые из закарпатских архипастырей являлись одновременно слугами двух господ, или переходили из одного лагеря в другой.

До 1684 года часть приходов епархии подчинялась ставленнику кальвинистской партии прарославному епископу Зейкан. Одновременно с ним до 1675 года подвизался «сгланствующий» епископ Иосиф Волошиновский, агент католической партии, выступавший вначале под видом «православного» епископа. Преемником Зейкана являлся Порфирий Кульчицкий; одновременно с ним появляется на сцене некто Липницкий, ставленник короля Леопольда I; на протяжении 1687—1689 гг. епархией управляет Мефодий Раковецкий, рукоположенный константинопольским патриархом, но переметнувшийся в лагерь католицизма, с которым ведут грязню другие претенденты на епископскую кафедру.

В мукачевской епархии в миниатюре повторялась обычная для католической церкви борьба претендентов за власть. Здесь они вели друг против друга хитрейшие интриги, подобно конклаву кардиналов вокруг пустого трона исчезнувшего папы. Каждый из этих архипастырей, захватив некоторое число приходов, подвластных своему патрону, стремился прежде всего к обогащению за счет поборов с верующих, к установлению своей власти над целой епархией, что неизбежно приводило к ожесточенной борьбе между ними. Каждый из этих архипастырей, танцуя под дудку своего покровителя, то обращал духовенство и верующих в уни-

атов, то перекрещивал детей по православному обряду, то пытался обратить верующих в протестантизм⁷⁰).

В 1685 году, после поражения турок под Веной и подавления движения венгерского дворянства, Леопольд I, добившись, как ему казалось, «умиротворения» Венгрии под наследственным скипетром Габсбургов, занимает немецкими войсками Закарпатье, раздает закарпатские земли немецким и другим феодалам, сторонникам Габсбургов и католической партии.

В Закарпатье устанавливается тяжелый режим насилья и произвола королевской власти и немецко-католических феодалов. Крестьянское движение было подавлено силой оружия Габсбургов и дворянства. На разоренные массы йоббадей было надето еще более тяжелое ярмо феодального рабства.

Габсбурги и католическая партия начали новое наступление на «схизматиков»-русинов. Могущественный католический князь, Остригомский архиепископ Леопольд Колонич, бывший епископ Нижней Австрии, «знаменитый восстановитель католицизма в Венгрии и в Трансильвании», как его называли, сам взялся за ликвидацию «московитского духа» в Закарпатье.

Во главе мукачевской епархии был поставлен испытанный папский агент, хносский грек, «римский прокуратор русских василлан», скриптор ватиканской библиотеки, Иосиф де Камелис, получивший от папы титул епископа *Sebastiensis in partibus infidelium*, как в дальнейшем обычно назывались в папских буллах мукачевские епископы, выступавшие в качестве апостольских викариев.

В марте 1690 г. король Леопольд I специальным указом назначает де Камелиса мукачевским епископом, присвоив ему звание королевского советника. В указе короля говорилось: «...всем вообще и каждому в отдельности из наших верноподданных... а в особенности народу, подчиненному епископству мукачевскому... строго предписывая поручаем упомянутого де Камелиса... считать и признавать за советника и епископа нашего и повиноваться и слушаться его... отвечая за все последствия...»⁷¹) Де Камелис, как выражался Дулишкович, — «...испытывая, что понеже тут в длинном промежутке междуусобных браней святая уния черезчур притеснена и отброшена, то по своего кафолического рвеня надменности и миссионерской задачи всеми удачными силами решил ее поддерживать, схизматиков к ней наклоняти, подвластных церквам по своей милости нереев навлащати, несмирных отдаляти, упрямых по канонам церковным обличати — словом великанскому своему званию удовлетворити...»⁷²).

Новый епископ занялся прежде всего внутренним укреплением аппарата церкви, повышением авторитета униатского клира и созданием кадров преданного Риму духовенства. Де Камелис добивается, чтобы в каждом приходе помимо священника обязательно были бы дяк и «церковник», т. е. стремится расширить круг лиц, находящихся на службе униатской церкви, необходимый как для непосредственного усиления влияния на массы верующих, так и для того, чтобы придать церковному богослужению нужную торжественность, что являлось также, по мнению епископа, немаловажным средством воздействия на умы верующих.

Де Камелис предъявляет повышенные требования к духовенству в отношении грамотности и знания христианско-католических догматов. Он требует от духовенства строгого соблюдения церковных обрядов и канонических положений⁷³).

Сетуя на упадок «истинного благочестия» среди крестьян, епископ ставит это в прямую связь не только с невежеством духовенства, но и с убожеством церковного обряда. Забота де Камелиса о «благославии хра

мов» была не случайной. Торжественность ритуала являлась одним из средств усиления воздействия католической церкви на верующих. Нельзя заявлял епископ, осуществить торжество унии, не имея «пристойных снарядов» в церквах, где царит запустение и убожество: чаши выдолблены из дерева, дискосы глиняные, а ризы сшиты из томотканного полотна⁷⁴).

С целью большего подчинения верующих влиянию церкви, внедрения «страха божия» в их сознание и увеличения доходов духовенства, де Камелис вводит четырехкратное исповедание «верников» с частичным отпущением грехов.

Новый епископ через все инстанции, вплоть до королевской канцелярии, добивается осуществления на деле обещанного уравнивания в правах униатского клира с латинским.

Де Камелис в своих многочисленных представлениях высшим духовным и светским властям подчеркивал, что светские вельможные паны, владельцы доминий, Ракоци, Берчени, Гомонаи, не содействуют «святому делу» церкви и не идут на облегчение положения духовенства. В частности, указывал епископ, господа взимают с земель, на которых построены церкви и дома священников, такую арендную плату, какую несет йоббади за свой «телек», а местная администрация отягощает священников постоем войск.

В одном из писем своему патрону, кардиналу Колоничу, де Камелис писал: «...как бы мог епископ управлять теми священниками, которые подлежат землевладельцам как крепостные. Если епископ приказывает одно, то землевладелец приказывает другое, и несколько раз было, что от самого алтаря во время богослужения священников гнали на барщину»⁷⁵).

В 1692 г. де Камелис добился получения королевской грамоты, которой униатскому епископу предоставлялось «свободное душпастырство» в епархии и свободное распространение «образованности и культуры». Грамота объявляла верующих и духовенство, перешедших в унию, проводить празднование совместно с «латинянами».

Король обращался к светским князьям с просьбой оказывать «полезной деятельности» де Камелиса всяческую поддержку. В цесарском указе подчеркивалось, что в условиях, когда русины, покровительствуемые семиградской княгиней Софьей Баторий, «от унии отвратились» и «ежедневно силой апостольских подвижников» возвращаются в лоно католической церкви, — дворяне-землевладельцы «униатов, схизматическим попам подобно, не только для простых работ насильственно принуждают, но даже бьют и в темницы сажают». Король предупреждал, чтобы «не смели на будущее помещики таковых насилий употреблять, но чтобы более униатским церквам и приходам нужных земель придали...»⁷⁶). Речь шла о выделении владельцами земельных участков под церкви, школы и кладбища для тех приходов, верующие которых приняли унию, а также об отводе телеков в пользование священников. Однако эта грамота мало что изменяла в существе дела, так как магнаты не хотели поступаться своими доходами в пользу «подлых русинских батей». Земли под церкви и школы выделять не пришлось, так как «верники» отказались праздновать «латинские» праздники и поэтому лишались права на отвод земель⁷⁷).

Одновременно епископ не упускает из виду и личные интересы. Он не только получает в свою пользу значительную часть приношений верующих, но добивается и постоянной субсидии со стороны властей: в 1692 г. де Камелис получил «по праву архипастыря» 6 бочек вина, 20 коблов зерна, 100 рейнских гульденов деньгами, 30 камней соли и 4 са-

жени сена. Помимо этого, в 1693 г. на содержание епископа за счет доминиальных доходов князя Ракоци было выделено 5483 гульдена⁷⁸).

Многие даже не униатские исследователи считали, что в результате энергичной деятельности де Камелиса, в конце XVII века завершилось установление церковной унии в Закарпатье. На такой точке зрения стоят греко-католические авторы Лучкай, Кондратович, Гаджега, им вторят, слепо следуя официальной версии, положенной в основу истории епархии мукачевской, и авторы восточно-православного направления.

Игумен Арсений в своей статье «Русские в Венгрии» заявлял, что при де Камелисе «дело унии завершилось»⁷⁹), а О. В. (Войтковский) в статье «Об унии венгерских русинов» писал. Де Камелис «постоянно путешествуя по епархии, созывая священников на соборы, убеждая их в мнимом превосходстве унии перед православием и изображая обещанные им выгоды, соединенные с унией, мало-помалу успел совратить почти всю епархию с православия и убедить ее покориться папе»⁸⁰).

Эти утверждения не соответствуют действительности и опровергаются историческими документами, которые свидетельствуют о том, что уния утвердилась в Закарпатье, введенная при помощи грубой силы, только в конце XVIII ст.

Де Камелис действительно развернул широкую деятельность по распространению унии в Закарпатье и Трансильвании, пустив в ход все средства запугивания, подкупа и насилия, использовав для достижения своей цели многочисленную католическую агентуру — монахов-иезуитов, священников-отступников, доминальную и государственную администрацию.

Только за один год, с апреля 1690 г. по май 1691 г., де Камелис провел 10 поместных соборов духовенства в Мукачево, Сатмаре, Зборове, Гомонне, Тирнаве и других пунктах, лично посетил многие приходы епархии, назначил ряд комиссий, проверивших состояние церквей и деятельность священников.

Более 300 священников и мирян, противившихся подчинению римской церкви, были заключены в тюрьмы на территории ягерской католической епархии; многие священники, созванные на съезд в ужгородский замок, вынуждены были «подписать на унию» под давлением вооруженной стражи; на поместных соборах, ловко использовав обещания всяческих благ за «воссоединение» с Римом и устрояя карами за сопротивление воле «святого отца», де Камелису удалось таким путем привлечь на сторону унии определенную часть духовенства.

По сведениям, имеющимся в дневнике де Камелиса, которые значительно преувеличены, после проведения съезда духовенства в Мукачево, обратились в унию 60 священников; в Зборове — 90; в Истанче — 40 и т. д.

Не менее ревностно делом распространения унии среди румын Трансильвании занимался, прибывший вместе с де Камелисом из Рима, неромонах Исая. Назначенный де Камелисом викарием румынских церквей после подчинения Трансильвании Габсбургам в 1697 г. Исая начал массовое обращение румынского населения в унию при помощи военной силы, угроз и жестоких репрессий.

Иоанникий Базилевич по этому поводу писал: «*Hostibus ecclesiae terribilis... assistentia brachioque militari, circumstantiis rerum ita presentibus; plenaria potestate ac autoritate praeditus... minis terret, imo contumaces etiam verberibus officii curat*». («К врагам церкви применено суровое воздействие.. военной рукой, так, как этого требовали обстоятельства дела; лицо, обладающее полной властью и авторитетом... применяет угрозы, а к упорным телесные наказания»). (Basilovics, opus cit., P. II, стр. 119).

Своей жестокостью, насилиями и грабежами Исаия возбудил против себя общее негодование, и в 1701 г. в бискадском монастыре он был убит возмущенными верующими-румынами.

Все старания де Камелиса и его агентов обеспечить торжество унии в Закарпатье и Трансильвании закончились неудачей. Решительное сопротивление масс верующих парализовало усилия де Камелиса и католической партии. Даже в приходах, где при поддержке светской власти держались униатские священники, последние нередко отказывались выполнять распоряжения мукачевского епископа, особенно касающиеся отчисления половины доходов в его пользу.

Об отношении священников к посягательствам нового епископа на их доходы свидетельствуют такие факты, приводимые в протоколах визитаций спишских приходов комиссией, уполномоченной де Камелисом. Настоятель ряда приходов высказал по адресу епископа, как свидетельствуют комиссия, — «злословие владыке» в следующих словах:

«*Tu est ordinatus ab Ep̄o Munkács... det tibi ille Parochiam, suquidem me de parochia non rogasti, non seisne, quod qui velit. . parochiam habere, prius mea genua osculari debet*». («Ты поставлен епископом мукачевским... пусть он тебе дает приход, если ты меня не просил о приходе, неужели ты не знаешь, что тот, кто хочет иметь приход... должен раньше целовать мне колени») ⁸¹).

В протоколе посещения с. Гелцманово, — как передает Дулишкович, было записано: «Пришли к парохии, парох ⁸²) дома: — приветствовали его, — он нас, — после желает от нас вину посещения, — мы отдали письмо «*Illustrissimae Dominationis*», он письмо откладывает, — а на вопрос почему делает этак? потому что вам нет у меня места, — затем показуем письмо мукачевского еппа, а он на сие: «*Fort cum illis ex parochia mea*», прочь с письмом, — а когда мы ему прорекли: как осмелеется злословить еппа? не знает ли, что «*violatores rapiuntur, capiuntur, ligantur, et ad arestum traduntur*» («насильники схватываются, забираются, связываются и передаются под арест») он пистолетом стрелял сначала на нас намерял, а когда пистолет от него отобрали... он штыком в голову вдая одному кровь пролил...» ⁸³).

Деятельность де Камелиса по насаждению католицизма в Закарпатье была прервана начавшимися в 1697 году крестьянскими восстаниями против немецко-габсбургского гнета и засилья католической церкви. Де Камелис вынужден был поэтому оставить мукачевскую епархию и доживать свой век в Пряшеве.

Так сошел со сцены этот, по словам Дулишковича, — «энергического духа владыка, который между русскими для святой унии много заботился... а что все таки этих забот не были блестящи результаты явствует и из волнения еперхиальных иереев... а в Марамароше отнюдь не был в состоянии истребить управление схизматического епископа».

Не только в Марамароше, но и во многих районах других комитатов Закарпатья «схизма» далеко не была уничтожена. В год смерти де Камелиса приняли унию только священники 353 приходов, а 400 приходов продолжали придерживаться своей «старой веры» ⁸⁴).

ГЛАВА VI

ДВИЖЕНИЕ «КУРУЦЕВ» В НАЧАЛЕ XVIII СТОЛЕТИЯ

На почве усилившегося феодального угнетения масс крестьянства, чудовищного увеличения налогов и поборов, притеснения населения немецко-габсбургскими войсками, комитатскими властями и католической церковью, в 1696 году в северной Венгрии, в восточных районах Словакии и в Землинском комитате, во владениях Ракоци, населенных русинами, возникает крестьянское восстание во главе с Тамашем Эссе. В одном из документов о положении крестьян этих комитатов говорилось, что разоренные и доведенные нищетой до отчаяния массы крестьянства не думают больше ни о боге, ни о царском величестве, ни о своей судьбе, а многие из них « в отчаянии смерть чинят».

Вожаки восстания, зная об антигабсбургских настроениях молодого князя Ференца II Ракоци⁸⁵), обращаются к нему с предложениями стать во главе поднявшихся против Габсбургов крестьянских масс. Однако Ференц II Ракоци, занимавший должность испана Шаришского комитата, не только отказался от переговоров с представителями «бунтовщиков» Ференцем Токаи и Мартином Кобачи, но, чтобы отвратить от себя всякое подозрение в связях с чернью, вскоре уезжает в Вену засвидетельствовать свою преданность королевскому престолу.

Пламя восстания в областях Восточной Словакии и в соседних комитатах разгоралось все с большей силой. Восставшие крестьяне-«куруцы», к движению которых присоединилась и часть мелкого дворянства, после ожесточенных сражений берут приступом крепости и замки Шарошпоток, Токай, Серенч и др. 6 июня 1697 г. на поле Горангод королевские войска генерала Водмонта наносят поражение «куруцам». Только небольшому отряду повстанцев под руководством Солонтаи удалось вырваться из кольца окружения и уйти через Марамарош в Буковину.

Борьба с Габсбургами путем развязывания крестьянского движения не входила в планы Ракоци. Он пытается организовать силы венгерских дворян, а также найти поддержку для осуществления своих планов вне страны. Ференц II Ракоци ведет тайные переговоры с французским королем Людовиком XIV. Однако об этих связях Ракоци с Парижем стало известно венскому двору. В 1701 году Ракоци был арестован, но ему удается бежать из тюрьмы и найти пристанище в Польше. Преследования, которым подвергается Ракоци со стороны королевской власти, создают ему широкую популярность в массах, подвергавшихся угнетению со стороны Габсбургов.

Вслед за восстанием крепостных в восточной Словакии и Землинском комитате, массовые восстания крестьян вспыхивают и в других,

столицах Закарпатья. Начавшиеся бунты в Мукачевской доминии Ракоци вскоре принимают форму широкого крестьянского движения, направленного острием своим против габсбургских комитатских властей. Движение быстро распространяется на территории Бережского, Угочского и Марамарошского комитатов. Восставшие крестьяне громили комитатские учреждения, именные дворян — немцев-католиков, убивали цесарских чиновников и сборщиков податей, опустошали монастыри, изгоняли монахов — «латинян» и униатских священников.

В одной из песен «русинов-куруцев» в таких словах выражена их ненависть к немецко-габсбургским поработителям и сочувствие к народным массам Венгрии и Польши, терпевшим, подобно русинам, тяжелый гнет немецкого господства:

«Цесарські жолниры
Угра угнетають
И нашу свободу
В ничто не признають.
Отсрочили немцы,
В конец отсрочили,
И нашу свободу
Что из нас лем жили.
Польшу разодрали,
Раздирають угров,
Так ведуться з нами
Мов из дикунами»...⁸⁶).

В 1703 году к Ференцу Ракоци были посланы представители восставших русинов Михаил Пап и Василий Биге с предложением возглавить движение против Габсбургов. Ракоци долго не решался стать во главе «холопского войска». Но когда восстание приняло широкий размах, Ракоци, не получивший поддержки извне, решил использовать его в своих целях и не допустить превращения антигабсбургского движения в крестьянскую войну, угрожающую существованию феодально-крепостного строя и власти дворян-землевладельцев.

Не случайно Ракоци дает указания повстанцам не трогать дворян и купцов, не сжигать помещичьих имений, не посягать на дворянское добро, и вообще вести себя как «надлежит куруцам». Крепостных крестьян Ракоци обязывал неуклонно выполнять свои повинности по отношению к господам-дворянам.

В мае 1703 года Ракоци, для привлечения на свою сторону широких масс крестьянства и бюргерства, издает прокламацию, в которой в туманных выражениях говорит о принятом им решении возглавить борьбу против габсбургского засилья, несправедливостей королевских властей и налогового гнета.

Вскоре Ракоци через Веречанский перевал переходит из Польши в Закарпатье на территорию своей Мукачевской доминии, ставшей центром крестьянского антигабсбургского движения. К моменту его прихода в Закарпатье один из отрядов «куруцев» численностью до 1500 чел. собрался в с. Долгом. Неорганизованные повстанцы-крестьяне, плохо вооруженные и не имевшие опытных командиров, были ночью сонные окружены отрядом правительственных войск генерала Карольи и наголову разбиты.

Однако это поражение «куруцев» в с. Долгом не расстроило ряды восставших. Вокруг Ракоци все в большем числе объединяются отряды крестьян-повстанцев. К движению примыкают и отдельные венгерские дворяне, которых Ракоци ставит во главе отрядов «куруцев» Граф

Николай Берчени, назначенный «генералиссимусом» армии Ракоци, привел с собой отряд наемного польского войска и татарской конницы.

Движение «куруцев» быстро разрасталось, охватив Бережский, Угочский и Марамарошский комитаты. Повстанцы захватывали замки и города, поддерживаемые массами городского населения и солдатами, венграми и русинами, составлявшими гарнизоны замков. Так, взбунтовавшиеся солдаты гарнизона Хустского замка, убивают своего капитана и передают крепость Ракоци. Вскоре под властью Ракоци оказалась значительная часть комитатов Закарпатья, включая Хустский округ с его соляными копами. К Ракоци присоединяется марамарошское дворянство, выставившее 4 тысячи пешего и 800 чел. конного войска, состоявшего, главным образом, из крестьян-русинов. Некоторые русины занимали низшие офицерские должности в армии «куруцев».

Восстание распространилось на венгерские комитаты и на соседние области Словакии, крестьянские массы которой также подвергались угнетению цесарских властей и были доведены до полного разорения и нищеты. Один из современных событиям автор писал: крепостные Словакии превратились в нищих, они «нередко, под угрозой смерти, продавали чужим солдатам своих жен и дочерей». Движение крестьянско-плебейских масс превратилось в мощную антигабсбургскую национально-освободительную войну, продолжавшуюся на протяжении 1703—1711 гг.

Венское правительство, отвлеченное начавшейся осенью 1703 года войной за испанское наследство, не могло бросить для подавления восстания значительные силы. Недостаток войск Габсбурги пытались компенсировать самыми жестокими мерами. «Лабанцы» — цесарские войска — беспощадно расправлялись с восставшими крестьянами, сжигали села, уничтожали мирное население. На полях рукописного «евангелия Чернечего монастыря, близ Мукачева, в эти годы была сделана следующая надпись: «Раковций Ференц пришел из Польши в Мукачевский варош (город) и был там три дня, а потом одного дня рано утром пришел генерал Монтикукули со своим отрядом и изгнал всех из вароша и многих людей казнил, которые и неповинны были. варош подожгли, и из этой книги листы повырезали».

Ракоци, вступив в открытую борьбу с Габсбургами и вынужденный опираться на крестьянско-плебейские массы, составлявшие главную силу его войска, стремится всеми средствами подчинить эти массы руководству дворян и не допустить повторения событий 1514 года.

В сентябре 1703 года из Сукмарского лагеря Ракоци извещал все комитатские управления, что целью руководимого им восстания «является не нарушение прав и свободы дворян, а освобождение страны от чужеземной власти и восстановление былой славы народа». Причем в понятие народ он вкладывал тот смысл, который был придан этому термину Трипартитумом.

Венгерское дворянство, видя, что Ференцу II Ракоци удалось взять в свои руки руководство движением и направить его по желательному для них руслу, а также учитывая возросшие шансы на победу Ракоци в связи с отвлечением сил Габсбургов внешними событиями, — с конца 1704 года стало все в большем числе переходить на сторону Ракоци, занимая в его армии и на захваченных повстанцами территориях руководящие посты. С этого времени восстание «куруцев» все более утрачивает свою социальную сущность как движение крестьянско-плебейских масс против немецко-габсбургского гнета.

На знаменах Ракоци был начертан девиз: «Cum Deo pro patria et libertate». За какую же «родину» и «свободу» боролось венгерское дво-

рянство, примкнувшее к движению «куруцев» Ракоци? К чему стремились восставшие крестьянско-плебейские массы?

Широкие народные массы венгров и русинов, объединившиеся под этим девизом, выступали за свержение ненавистной власти Габсбургов, за независимость Венгрии и Закарпатской Руси, за освобождение от гнетущих оков крепостничества. Руководитель «рваной гвардии» Тамаш Эссе, выражая стремление масс восставшего крестьянства, писал Ракоци: «Те крепостные, которые верно служат с оружием в руках вашей милости — крепостными после этого не будут... вель борьба началась против угнетателей бедного люда». Венгерское дворянство и слившееся с ним закарпатское дворянство, выступая против габсбургского засилья, преследовало раньше всего свои классовые цели.

В понятие «родина» и «свобода» крестьянско-плебейские массы и дворянство вкладывали качественно различное, принципиально-противоположное социальное содержание. Для первых — крестьянско-плебейских масс — этот лозунг означал борьбу за родину, освобожденную и от чужеземного господства и от феодального угнетения; для других — дворян — этот девиз означал борьбу за сословные интересы; за неограниченную свободу дворянства распоряжаться судьбами страны и крепостного населения, сохранив в неприкосновенности дворянскую конституцию, закрепляющую диктатуру класса феодалов.

Вот почему стремление Ракоци, пытавшегося опереться на социальную силу, враждебную классовым интересам, преследуемым дворянством, создать блок дворянства с крестьянством на этапе совместной борьбы против Габсбургов, — неизбежно должно было потерпеть поражение.

Союз между дворянством и массами крестьян был невозможен. Энгельс показал это, анализируя события, связанные с реформацией и Крестьянской войной в Германии: «Ни дворянство не было поставлено в необходимость отказаться от своих политических привилегий и феодальных прав по отношению к крестьянам, ни революционно-настроенное крестьянство не могло, довольствуясь общими неопределенными перспективами, пойти на союз с дворянством, с тем сословием, которое как раз более всего его притесняло... Заставить сельское население примкнуть к дворянству могли лишь полная отмена крепостного права и зависимых отношений и отказ от всех дворянских привилегий; но, подобно всякому привилегированному сословию, дворянство не чувствовало ни малейшей охоты добровольно отказываться от своих прав и преимуществ, от своего привилегированного положения и большей части источников своего дохода»⁸⁷).

Узко-классовая политика дворянства вызывает все большее недовольство низов армии «куруцев»; престиж Ракоци среди восставших крестьян падал, доверие масс к «бескорыстному отцу-князю» было поколеблено.

Между крестьянско-плебейскими массами «куруцев» и дворянской верхушкой увеличивалась пропасть: для йоббадей все яснее становилась сословно-дворянская сущность политики Ракоци. Хотя армия Ракоци и насчитывала к концу 1707 года свыше 60 тыс. человек, но разьедаемая внутренними классовыми противоречиями, уже не представляла надежной в его руках боевой силы.

Лозунги и призывы Ракоци не находили поддержки в массах народа. В одном из своих выступлений Ракоци говорил: «Не потому я страдал в Польше в хижине под соломенной крышей и теперь разъезжаю на простой повозке, что мне надоела роскошная жизнь, но я пришел для того, чтобы положить конец страданиям народа». Но массы «куруцев» уже не верили князю.

Массы грудящихся все больше убеждались в том, что с дворянством им не по пути. В движении «куруцев» с конца 1707 г. наступает кризис. Именно в это время Николай Берчени в письме к одному из своих генералов писал: «мы утратили любовь народа». С этого времени начался спад движения «куруцев».

Попытки Ракоци укрепить свое влияние в массах «куруцев» обещаниями освободить участвовавших в востании крестьян от крепостной зависимости не имели успеха. Обращения Ракоци к крепостным — русинам с призывом бороться «за свободу», в частности, обещания сохранить «старую веру» и «заботиться» о «благобыте своих верных русинов» (которых он даже называл «gens fidelissima») — не нашли отклика в массах, так как слова Ракоци расходились с делом.

Положение крестьянско-плебейских масс на территории, занятой войсками Ракоци, с каждым днем становилось все более тягостным: груз поборов и налогов увеличивался, требование все новых и новых средств и людских резервов для ведения войны, подрывали и так разоренные крестьянские хозяйства. Посевные площади резко сократились, от недостатка кормов начался падеж скота. В «покрайней записи» с. Гукливого за 1708 год говорилось: «Паше (пашни) борзо мало было у людии на Верховине, так же стайне (сарай), хиже были подерли, и много изгнило марги (скота)».

В связи с рядом поражений, которые понесла армия Ракоци в начале 1708 года, в частности, у Тренчина, в некоторых комитатах была объявлена мобилизация в войско всех мужчин, способных носить оружие. Население должно было содержать за свой счет размещенные на постой войска. «Лабанцы», а нередко дворянские отряды «куруцев», на территориях, попавших в сферу военных действий, грабили и разоряли население. Командиры отрядов «куруцев» из числа дворян преднамеренно поощряли мародерство среди своих солдат-крестьян с тем, чтобы отвлечь их от посягательств на дворянскую собственность.

Дворянские ставленники Ракоци в комитатах притесняли и обирали крестьян. Ракоци и его приближенные сурово расправлялись с теми, кто выступал в защиту населения против произвола властей, рассматривая такие выступления как измену делу «родины и свободы».

Углубление кризиса, переживаемого движением «куруцев» находит свое яркое выражение в усилении дезертирства солдат из армии Ракоци, которое не могли приостановить даже чрезвычайно жестокие меры командования. В 1709 году разложение в рядах армии Ракоци еще более углубляется. Цесарские войска начали повсеместно теснить «куруцев», от которых все больше откалывается дворянство, переходя в королевский лагерь.

В начале 1711 года остатки армии Ракоци, отступая на восток, отошли за Мукачево. Дворяне-изменники все в большем числе переходят на сторону «лабанцев», капитулируя перед властью Габсбургов, в которой они видели надежную защиту против революционного движения крепостных крестьян. Ракоци под видом переговоров с царем Петром I о помощи России в борьбе с Габсбургами, покидает армию и эмигрирует в Турцию.

В своем последнем манифесте он призывал армию продолжать сопротивление Габсбургам, но силы, питавшие движение «куруцев», уже давно были исчерпаны. 20 апреля 1711 года между «куруцами» и представителями короля был заключен мир, а 11 мая того же года сложили оружие 10 тысяч «куруцев» — остатки армии Ракоци.

После подавления движения «куруцев» Габсбурги учинили жестокую расправу над закарпатскими крепостными, начавшими восстание и

составлявшими значительную силу в армии Ракоци. Населенные пункты целых округов были сожжены и превращены в развалины, озверевшие банды швабских янычар-наемников беспощадно уничтожали «племя курцев». Положение масс крепостных крестьян, потерпевших поражение в борьбе за свое социальное освобождение, стало еще более тягостным. Еще одна кровавая страница была вписана в начале XVIII ст. в летопись многострадального народа.

ГЛАВА VII

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА
ЗАКАРПАТЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII СТОЛЕТИЯ

После семилетней национально-освободительной войны против Габсбургов и погромов, учиненных цесарскими войсками после сдачи «куруцев», Закарпатье было страшно опустошено и обезлюдено.

В Бережском комитате, котрый был ареной ожесточенных боев, десятки сел были сметены с лица земли. В Ужанском комитате, по данным 1715—1720 гг., население сел Вербовец, Загор, Ястреб, Середне, Лазы, Цигановци в большинстве своем было уничтожено, а оставшиеся в живых крестьяне разбежались; населенные пункты Собранец и Солотвино были разрушены, а в с. Русский Мочар осталась только одна семья.

Такое же запустение наблюдалось в Марамарошском и Угочском комитатах. На территорию последнего в 1717 году напали татары, беспощадно предававшие огню и разрушению населенные пункты, увидившие на арканах в рабство сотни мужчин, женщин и детей⁸⁸).

Происходившее в 1711 году перераспределение земельной собственности в Закарпатье между новыми магнатами, доказавшими преданность Габсбургам, привело к образованию еще более крупных земельных латифундий и сопровождалось дальнейшим усилением власти феодалов над массами крепостного крестьянства.

Конфискованные владения венгерских магнатов, противников Габсбургов, Ракоци, Берчени, Чаки, Форгача, Эстергази и др, перешли сначала в ведение королевской казны, а затем были розданы новым, преимущественно немецким феодалам.

В 1724 г. немецкий магнат Отто Альтенштейн приобретает за 34 тысячи флоринов земли Мукачевской, Чинадневской и Ужгородской доминий. Через несколько лет Мукачевско-Чинадневская доминия была подарена императором Карлом VI Фридриху Лотарю Шенборну-Бухгейм, курфюрсту Майнцкому и королевскому канцлеру Германской империи за заслуги перед Габсбургами. Мукачево-Чинадневская доминия Шенборнов занимала две трети Бережского комитата (около 2400 кв. км). Из 22 480 чел. населения комитата на территории доминии находилось 14 тыс. человек, из которых 93% составляли крепостные крестьяне, 1% либертинны и 6% дворяне. В доминии числилось в 1731 г. 185 сел, 4 торговых местечка и 15 слобод. По данным 1728 года земли и имущество доминии оценивались в 500 тыс. гульденов, а ежегодный чистый доход составлял 10—12 тыс. гульденов⁸⁹).

Другой крупной латифундией являлась Ужгородская казенная доминия, занимавшая площадь более 1000 кв. км. Она включала в себя большую часть территории Ужгородского комитата и насчитывала 86 сел; ее земли простирались от Ужгорода на юг до Венгерской равнины и на север до границ Галиции⁹⁰).

Несмотря на победу королевской власти над венгерским дворянством, все же ослабленные Габсбурги вынуждены были признать за ним основные права и привилегии, зафиксированные в «Золотой булле», кроме права выбора короля и вооруженного ему сопротивления. Светские и духовные магнаты, многочисленное дворянство всех рангов и степеней составляли «*patio Hungarica*», а вся остальная масса народа была попрежнему отнесена к плембу — зависимому и бесправному населению. В 1720 году социальная структура закарпатского общества может быть иллюстрирована такими данными (по четырем комитатам): дворяне составляли 10,2% всего населения, непривилегированные свободные — 1%, и зависимое, крепостное население — 88,8%⁹¹).

Социально-экономическое положение масс крестьянства в первой половине XVIII ст. характеризовалось дальнейшим разорением крестьянских хозяйств, сокращением крестьянской запашки, возрастанием, в связи с развитием товарно-денежных отношений, в которые все больше втягивались латифундиальные и дворянские хозяйства, собственно доминиальных, барских земель, усилением феодальной эксплуатации и тяжести налогового гнета.

Из материалов переписи 1715—1720 гг. отчетливо видно увеличение числа крестьянских дворов, разоренных войной и феодальной эксплуатацией, которые вынуждены были переходить на сокращенные тележки⁹²), составляющие $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{16}$ наделов. Группа малоземельных крестьянских дворов по отдельным доминиям в этот период составляет от 50% до 60%, а желляры от 20% до 25%. Таким образом, процент малоземельных и безземельных крестьян в первой четверти XVIII ст. доходил до 85. Площадь обрабатываемой земли сократилась в среднем на $\frac{1}{2}$, а в отдельных доминиях, как, например, в Мукачевской, почти на $\frac{1}{4}$ (из 1178 наделов не обрабатывалось 844). Полный надел в этой доминии состоял из 20—28 угорских моргов⁹³) пахотной земли и 8—12 моргов лугов, но большинство крестьян пользовалось не полными, а сокращенными наделами.

Еще более резко, чем в XVII ст. сократилось число лошадей и рабочих волов. Лошадь в крестьянском хозяйстве стала редкостью, а крестьянских хозяйств, обеспеченных полным «плугом», было только 3%. Катастрофически сократилось поголовье овец и свиней. В Мукачевской доминии, например, в 1645 году насчитывалось 10 409 овец и 12 885 голов свиней, а в 1711 г. только 809 овец и 417 голов свиней⁹⁴). Поголовье свиней, таким образом, в этой доминии сократилось в 30 раз, а овец более чем в 15 раз.

К 1734 году поголовье скота в этой доминии хотя и возросло за счет приплода, но обеспеченность крестьянских хозяйств тягловой силой и скотом была чрезвычайно мизерной. На 2500 семей крепостных крестьян доминии приходилось 150 лошадей, т. е. одна лошадь на 17 крестьянских хозяйств; рабочих волов было 1282 (1 вол на 2 хозяйства), овец и коз — 2595 (по 1 голове на семью), 1247 свиней (1 голова на 2 семьи) и 2004 коровы⁹⁵). Даже по сравнению с первой половиной XVII ст. обеспеченность крестьянских хозяйств доминии тяглом была меньшей в два раза, а домашним скотом в 3—4 раза (овец было меньше в 5 раз, а свиней в 10 раз).

Несмотря на страшные бедствия, переживаемые крестьянами, тяжесть налогов и повинностей не только не была уменьшена, а наобо-

рот, значительно возросла. Новые феодальные владельцы закарпатских земель, как справедливо указывал мадьярский автор Марцали, — «относились к своему вновь приобретенному добру, как конквистадоры, а на крепостное население смотрели, как на полудикарей».

Они используют все методы и средства насилия для того, чтобы выжать из крестьян как можно больше, попирая все старые обычаи и договора, произвольно увеличивая размеры налогов и повинностей, изобретая все новые виды поборов, изыскивая все новые объекты обложения. Феодалы-землевладельцы хищнически подрывали и разрушали производительные силы края, доводя массы непосредственных производителей до хронического голода, нищеты и вымирания. От них не отставала и королевская власть, стремившаяся за счет увеличения налогового бремени, взваленного на крестьян, заполнить дырявый фиск.

Размер портового налога на территории Венгрии в целом в XVIII ст. увеличился в 6 раз, с 92 флор в 1734 г. до 551 флор. в 1775 г. В Закарпатье уже в конце XVII ст. налог с одной порты достигал в отдельных комитатах до 250 флор., а в первой половине XVIII ст. превышал 500 флор. Помимо портового налога крестьяне уплачивали так же возросший комитатский налог и «контрибуцию».

В пользу феодалов-землевладельцев крестьянин уплачивал ценз, размер которого в первой половине XVIII ст. доходил местами до 16 флор. с полного надела. Не только сохранились старые денежные налоги («сухая корчма», «канторский пеняз» и др.), но добавились новые поборы. Венгерский историк Ачади писал. доминиальная администрация «обманывает и обкрадывает простой люд». Господа не считаясь с обычаем и законом «постоянно повышают требования к крепостным и притесняют их». В частности, получают распространение в этот период дополнительные денежные поборы, носившие самые разнообразные названия, как то: желлярский грош, пастушеский пеняз, мельничный, серповой, дымовой, воеводский, колокольный, весовой поборы и т. д., и т. д.

К «натуралиям», взваленным на плечи крестьян, относилась десятина или девятина с урожая зерновых, сена, с приплода овец, коз и свиней, «нона» с пчел, вина, шерсти. Широко распространенный до XVII ст. налог шкурами куниц был заменен «стронгой» — налогом с овец. Вначале «стронга» взималась в размере 1 овцы от 25 голов, во второй половине XVII ст. от 20 овец, а в XVIII ст. от 15 голов овец.

О «кухонной подати» в урбариях XVIII ст. часто говорилось: «крестьяне, когда господа будут требовать, обязаны давать кур, гусей, яйца, масла и т. п. сколько им нужно и сколько на них будет наложено».

Почти во всех государственных и частновладельческих феодальных хозяйствах крестьян принуждали покупать определенное количество водки, пива и вина, вырабатываемых на господских предприятиях, приобретать мясо только на господских бойнях, молоть зерно на доминиальных мельницах. Нарушение этого порядка каралось денежными штрафами.

Барщинные повинности крестьян в XVIII ст. значительно возросли в связи со все большим вовлечением феодальных хозяйств в рыночные отношения. Если в XVII ст. 3-х дневная барщина в неделю была максимальной, то в XVIII ст. барщина увеличивается как правило до 4—5 дней в неделю. Один из закарпатских авторов по этому поводу писал: «Кметы должны были работать столько дней на барщине, сколько от них землевладелец требовал, а часто так много, что крестьяне свои наделы обрабатывать не успевали»⁹⁶).

В малопродуктивных горных районах Закарпатья, а так же в феодальных хозяйствах, мало связанных с зерновым рынком, барщина в XVIII ст. почти полностью была заменена денежным оброком. В Мукачевской доминии за один день тягловой барщины крестьянин должен был уплачивать 3 крейцера, а за день «пешей» барщины 1,5 крейц, но, как говорит А. Шаш, администрация доминии часто привлекла к барщинным работам и тех кто вносил «выкуп».

Тяжелая феодальная эксплуатация, невыносимый налоговый гнет, лишавшие непосредственного производителя даже минимума его доли в продуктах труда, необходимых для поддержания его жизни, вели к катастрофическому разорению и обнищанию крестьян, вынуждали их бросать свои наделы и насиженные места, бежать в горы и леса, или блуждать по белому свету в поисках «лучшей доли». Многие желляры и поджелляры Мукачевской доминии, как свидетельствует А. Шаш, уходили на заработки в города, или «за харчи» обслуживали доминию в качестве чернорабочих, лесорубов, водоносов и т. д.⁹⁷).

Вот почему в этот период особенно часто феодалы-землевладельцы рассылают целые отряды гайдуков для вылавливания беглых крепостных, переманивают в свои доминии йоббадей других владельцев, а так же распространяют письменные обращения к беглым крестьянам с предложением возвратиться к своим господам, обещая всякого рода льготы.

В этом отношении характерно обращение владелицы Мукачевской доминии графини Шенборн, относящееся к 40-м гг. XVIII ст., из которого можно заключить, что бегство крепостных приняло к этому времени широкие размеры. «...Много о приснотекущих их же долгих времен, наипаче же нынешними часы, обыватели под началом властителей своих подданы будуще, з тех такожде помянутых господарств во иные стороны албо в подпротекцию... чужих панов ся переселили, такожде и теперешними часы тамо скитающесе», — говорилось в обращении⁹⁸). Графиня обещала, если в течение шести месяцев после этого «во выше именитые панства возвратили бы ся, сии прежде помянутые кметсе», освободить их на три года «от всех панских дел... цлыв и податков» и проявлять к ним свое «благодееяние» и «ласку»⁹⁸).

Один из русских буржуазных исследователей истории Закарпатской Руси проф. А. Петров, говоря о массовых случаях бегства крепостных из имений своих господ в этот период, объяснял их.. «недисциплинированностью русинского элемента». Нечего говорить, что такое объяснение этого явления, порожденного усилением феодального гнета, является генденциозным и антинаучным.

В первой половине XVIII ст. феодальные хозяйства Закарпатья все более вовлекаются в товарные отношения, которые получают широкое развитие в конце XVIII и в XIX ст. Имения средних и крупных землевладельцев, расположенные в плодородных долинных районах, на удобных путях сообщения, позволяющих с выгодой сбывать продукты сельского хозяйства на внутреннем и внешнем рынках, а также латифундии, взявшие на себя подряды на поставку провианта для военного ведомства, — переходят к системе фольварковых хозяйств.

Они заметно увеличивают размеры собственно доминимальных земель, размеры барской запашки и развивают скотоводство. В этих хозяйствах большое значение приобретает отработочная рента, сочетающаяся с денежной рентой. Типичными с этой точки зрения являлись хозяйства Пережи, Карольи, Уйгелли в Угочском комитате, где все эти явления получили отчетливое выражение уже в первой половине XVIII ст.

Однако некоторые крупнейшие латифундии Закарпатья, примером чего может служить Мукачевско-Чинадиевская доминия Шенборнов, еще только делали первые шаги в этом направлении, представляя собой тип отсталого феодального хозяйства, в котором главным источником доходов являлась продуктовая рента, взимаемая с разоренных крестьянских хозяйств.

В первой половине XVIII ст. из 500 000 угорских моргов пригодных для посевов земель доминии обрабатывалось 13000 моргов, т. е. только 38-ая часть пахотных земель. Из этих 13000 моргов освоенной земли обрабатывалось крестьянскими хозяйствами (в округленных цифрах) 12500 моргов (2175 моргов были засеяны пшеницей, 840 моргов рожью, 480 моргов ячменем, 7370 моргов овсом и 1635 моргов кукурузой) и доминией только 500 моргов⁹⁹). Таким образом, собственно домининальная запашка по отношению к крестьянской составляла здесь только 4,5%. Небольшая часть земель помимо этого сдавалась доминией в аренду мещанам (*orpidani*), прилегающих городов и местечек.

Незначительным было также и скотоводческое хозяйство доминии: в 1734 году доминия имела 43 пары рабочих волов, 132 коровы, 1800 овец и 779 свиней. Хозяйство доминии носило резко выраженный экстенсивный характер. Почва обрабатывалась примитивными орудиями, удобрения не применялись (в частности, виноградники у Берегово, по сведениям 1744 года, не удобрялись на протяжении 30 лет), урожайность хлебов и качество зерна были чрезвычайно низкими, выпас скота примитивный, зимнее содержание скота доминия разрешала путем отдачи своего поголовья «на выкорм» крестьянам.

Планы коренной перестройки хозяйства доминии на основе интенсификации и нововведений, которые развивал Фридрих Карл Шенборн (князь-епископ Бамбергский и Вюрцбургский, герцог Франконский, владевший доминией с 1729 г. по 1746 г.), не получили осуществления. Предпринимчивый прелат, «подлинный представитель эпохи просвещения», как его называли, хотя и осуждал «непорядки» в своей закарпатской доминии, которая приносила, как ему казалось, ничтожный доход, в сумме 10 000 золотых рейнских гульденов¹⁰⁰), но не отпускал ни одного гульдена на улучшение хозяйства Мукачевско-Чинадиевской доминии, требуя осуществить свои «преднамерения» за счет усиления эксплуатации подданных.

Предписания Фридриха Шенборна о разведении породистых лошадей, овец и коров, за счет приобретения их в Семиградье и Моравии, об увеличении выработки вина, которое предполагалось отправлять в Польшу, об организации лесоразработок и сбыта леса на рынках Венгрии, о выделке меховых изделий, которые можно было выгодно сбывать в Бреслау, о развитии сукноделния, производства стекла, осушке болот и т. д. оставались в большей части только на бумаге¹⁰¹).

С целью увеличения своих доходов Фридрих Шенборн предоставляет в 1732 году торговые привилегии г. Мукачево, надеясь привлечь туда товары и купцов из Галиции и Польши. Кроме того, Шенборн организует переселение в свою доминию франконских колонистов. В 1730 году в Мукачево стали прибывать немецкие ремесленники с семьями, партиями по 50—100 чел. На протяжении 1731—1746 гг. переселение колонистов-ремесленников (бондари, пивовары, шахтеры, ткачи, кузнецы), земледельцев и отдельных предпринимателей продолжалось¹⁰²).

Колонисты пользовались рядом льгот и привилегий. Шенборн специально предписывал управляющему доминией не отягощать колонистов поборами и налогами и относиться к ним «с христианской любовью». Ремесленники-колонисты освобождались в течение 10 лет от налогов, земледельцы — на 6 лет. И после истечения этого срока

немецкие ремесленники уплачивали незначительный налог, а повинности земледельцев-колонистов, как заявлял префект доминии Шмальцер, составляли только половину того, что были обязаны нести «русинские йоббадны».

Хотя количество ремесленников в Бережском комитате в результате этой колонизации и возросло до нескольких сот человек (в 1720 г. в этом комитате, занимавшем площадь 3400 кв. км и насчитывавшем 20 000 населения, было только 70 чел. ремесленников), но ремесленное производство, предпринимательская деятельность, торговля не получили широкого развития как вследствие невыгодности помещения капитала, необходимого для разработки и эксплуатации помещенных богатств, отдаленности рынков сбыта продукции, плохих путей сообщения, конкуренции словацких городов¹⁰³), высокой себестоимости продукции, так и вследствие узости внутреннего рынка. Покупательная способность разоренных масс крестьянства была мизерной.

Поэтому попытки организовать добычу руды и изготовление железа, заготовку леса, выработку стекла, кожи, водки и развернуть широкую торговлю с Галицией и Польшей не дали желаемых результатов. Никакого существенного влияния на улучшение сельского хозяйства и повышение его доходности не могли оказать в условиях крепостного хозяйства и немецкие колонисты-земледельцы.

Торговля с Польшей свелась преимущественно к вывозу вина и некоторых ремесленных изделий, зато из Польши на территорию Мукачово-Чинадиевской доминии ввозились продукты питания, скот, зерно, мука, водка. Многочисленные «корчмы», отдававшиеся в аренду доминией, служили для нее важным источником дохода, а массы обездоленных йоббадей, спаиваемых в корчмах, попадали во все большую кабалу к корчмарям. Ввозимые из Польши зерно и мука также являлись доходной статьей доминии, которая на правах монополиста сбывала эти продукты по повышенным ценам не только населению городов и местечек, но и голодающим землеробам.

Разоренные массы крестьян Закарпатья, влачившие полуголодное существование в урожайные годы, буквально вымирали от голода в случае неурожая. Так, в «покрайней записи» с. Гукливого под 1715 годом было записано: «хлеб мороз изварив, и было зело тяжко на хлеб на оба бока Бескеда». В 40-х гг. XVIII ст. главный инспектор Мукачевской доминии Брайер, характеризуя положение крестьянства, писал, что от голода и эпидемий умерли сотни крепостных, а многие йоббады оставили доминию и разбрелись в разные стороны. Население доминии сократилось на одну треть. «Те, которые спаслись от смерти, или не убежали, писал Брайер, целыми неделями и месяцами не видели куска хопящего хлеба, питаюсь отрубями, кукурузными кочанами, смешанными с овсяной мукой, и всякими отходами. Крестьянин продавал скот, чтобы только купить хлеба».

К 1750 году, как доносил ревизор доминии Вайнд, половина княжеского имения опустела. «.. Подданные не только обнищали в результате трудных годов, но, кроме этого, по лености своей не работают внимательно и с охотой, поэтому их приходится ко всему принуждать силой и применять к ним более строгие меры, чем где то бы ни было...»¹⁰⁴).

Это донесение шенборновского прислужника свидетельствует о том, что чудовищная эксплуатация, которой подвергались крестьяне в первой половине XVIII ст., могла быть осуществлена только путем применения суровых мер принуждения, вызывавших в свою очередь углубление социального недовольства масс крепостных, готовых каждую минуту подняться против своих поработителей.

Накалившаяся социальная атмосфера в конце первой половины XVIII ст. вызывала огромное беспокойство среди класса дворян-эксплуататоров и их прислужников. «Затишье перед новой бурей», — так можно охарактеризовать обстановку, сложившуюся в Закарпатье в этот период.

Управляющий Мукачевско-Чинадиевской доминией Брайер, выражая страх господствующего класса перед лицом назревающих революционных восстаний крепостных в Закарпатье, в своем письме Шенборну, относящемся к 1742 году, писал: «Пишу это не из боязни за мою собственную особу, или потому, что уже действительно вспыхнули бунты и настала опасность, только считаю, что этот народ подобен натянутому луку, имеющему стремление занять снова естественное положение свободы, и при малейшем движении какого-нибудь безымянного Катилины бунт вспыхнет со всей силой»¹⁰³).

ГЛАВА VIII

**НОВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНО-КАТОЛИЧЕСКОЙ
РЕАКЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII СТОЛЕТИЯ**

Восстановление власти Габсбургов в Закарпатье в начале XVIII ст. было ознаменовано новым наступлением католицизма на «схизматиков»-русинов. Теперь для ликвидации «схизмы» и утверждения унии были более благоприятные для католической партии условия. Подавление движения «куруцев», разгром протестантских князей, поддерживавших «старую веру» в Закарпатье, передача закарпатских земель немецким феодалам-католикам, наличие уже значительных кадров преданных католицизму униатских священников, активно выступавших на стороне Габсбургов против «куруцев», — давали возможность осуществить планы принудительного утверждения унии.

Движение «куруцев» активизировало борьбу масс против «богомерзкой унии» и свело на нет успехи католицизма в Закарпатье. Мукачевская епархия, по выражению униатских авторов, переживала «великий разлад». За епископскую кафедру одновременно боролись три претендента. В 1707 году император Иосиф I возвел в сан мукачевского епископа Иоанна Иосифа Годермарского, выступавшего во главе созданного им отряда на стороне Габсбургов против «куруцев».

Папа отказался подтвердить назначение Годермарского, лицемерно мотивируя свое решение тем, что «обагривший руки пролитием человеческой крови, по канонам церковным не может быть архипастырем». На самом же деле, главное заключалось не в обагренных человеческой кровью руках, так как папы во имя торжества католицизма пролили реки человеческой крови, а в том, что римская курия стремилась поставить во главе мукачевской епархии своего, опытного и преданного папе агента. Вот почему папа выдвинул на мукачевскую епископскую кафедру в качестве апостольского викария «заслуженного сына» католической церкви миссионера Поликарпа Филипповича, присвоив ему почетный титул епископа Бодоненского. Но Филипповича в свою очередь отказался признать император. Тогда папа назначил перемышльского епископа Винницкого «администратором» мукачевской епархии. В это же время, воспользовавшись первыми успехами в борьбе против Габсбургов, Ференц Ракоци облек епископским достоинством своего ставленника иеромонаха Петрония Каминского.

Одновременно с этим ягерский римско-католический епископ, основываясь на решениях IV Латеранского собора, а также, исходя из того, что «униаты еще не испытанные сыны католической церкви, нуждающи-

сод в твердом руководстве для искоренения схизматических привычек и водворения принципов истинно-католической церкви», заявил о своем праве на руководство епархией, а мукачевским епископам отводил только зависимую роль своих заместителей — «vicarius foraneus».

Уния переживала критические дни. Но после подавления Габсбургского движения «куруцев» и окончания войны за испанское наследство, католическая партия снова добивается усиления своего влияния. К 1730 г. уния «стараниями» мукачевского епископа Бизанция, при прямой поддержке габсбургских властей («mit Militärassistenz», — по выражению И. Бидермана), утверждается почти повсеместно, кроме отдельных районов Марамароша. Бизанций был назначен епископом указом императора Карла в 1716 г. и утвержден епископским викарием папой Климентом XI с подчинением мукачевской епархии ягерскому епископу. Так униатская «богоспасаемая» епархия Закарпатья, продавшаяся Риму, становится в полную зависимость от руководства католической церкви.

С этого времени устанавливается порядок, при котором мукачевские епископы назначаются только по рекомендации ягерского епископа, без участия в выборах архипастыря духовенства, и приносят присягу верности не только папе и остригомскому примасу, но и ягерскому епископу. В письменном клятвенном обещании Бизанция говорилось: «клянусь... что Гавриилу Эрдеви, ягерскому епископу и наследникам его всегда останусь верным, унию точно покрепляти склонным, как вместе и себе подвластное священство на повиновение поостряющим»¹⁰⁶).

Униатский архипастырь являлся только «апостольским администратором» с пустым титулом епископа Себастьянского или Пелленского, во всем зависимый от ягерского католического владыки. Давая вторичную подписку о верности ягерскому епископу, Бизанций обязался без согласия католического аббата не рукополагать священников, посвящать в иереи только тех, которые «довольно учеными окажутся», «неуких и невежд, если по случаям рукоположены были бы, обучу».

Униатский епископ не мог сделать шага без ведома и согласия ягерского капитула. Мукачевские епископы были лишены права не только созывать по своему почину соборы духовенства, рукополагать священников и назначать их на «парохии», но даже посещать приходы. За поведением «русинского викария» неустанно следили агенты папы-иезуиты, о методе которых тов. Сталин говорил: «...основной их метод — это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство...».

Не прошло и года после вторичной клятвы и данных Бизанцием обязательств в отношении назначения священников, как в 1718 г. последовало грозное письмо ягерского епископа, в котором перечислялись допущенные мукачевским униатским приказчиком нарушения этих обязательств. Ягерский епископ, перечисляя совершенные Бизанцием преступления, писал: «Злоупотребляя властью от меня полученной, вопреки клятвенному обету: ...60 неуких в иереи посвятили, получив от каждого по 28 гульденов, умножаете иереев по селам по 2—3 из еминии, чтобы получить от каждого по 2 гульдена». «Декретальные» католические праздники, — указывал далее ягерский епископ, — русинами не соблюдаются, и даже, «некие русские без соизволения моего сооружают русские церкви с нарушением доходов священников латинских». В заключение, разгневанный ягерский владыка заявлял, что он отменяет права, предоставленные Бизанцию, и требует, чтобы ни один священник без его дозволения не был бы рукоположен¹⁰⁷).

Диктаторами на заседаниях мукачевской униатской консистории, в буквальном смысле слова, были местный римско-католический плебан и его капеллан. Их слово было законом. Низшее униатское духовенство и «верники» также находились в полной зависимости от римско-католи-

ческого клира 16 униатских приходов Спешской столицы еще во второй половине XVII ст. были непосредственно подчинены латинскому капитулу. Униатские филиальные церкви были включены в состав плебаний, бракосочетание униатов с католиками могло проводиться только по латинскому обряду, униаты силой принуждались праздновать дни «святых» римско-католической церкви. Всякая попытка возвращения к «старую веру» строго каралась. По линии католической церкви были разосланы указания, требующие заподозренных в «схизме» приводить в послушание, не останавливаясь перед мерами полицейского давления. Вся система мероприятий была направлена, таким образом, к окатоличению населения Закарпатья. Греко-католическая печать впоследствии открыто признавалась, что «уния служила надежным мостом для перевода последователей ее в латинскую церковь»¹⁰⁸).

Для того, чтобы покончить с «схизматическим духом», заставить низшее униатское духовенство примириться с католическим засильем, связав его клятвой верности римскому престолу, по распоряжению ягерского епископа в 1727 г. был проведен собор духовенства Угочанской жупы в Севлюше, где присутствующие 48 священников вновь подтвердили унию с Римом.

В подписанном ими пространном *professio fidei* перечислялись все церковные соборы (Никейский, Константинопольский, Эфесский и др.), решения которых священники обязывались нерушимо выполнять. Заключительная клятва священников гласила: «...патриарху римскому.. апостола Петра наследнику и христовому наместнику истинное послушание обещаю и присягаю: сию веру католическую... волею своею исповедую и истинно держу.. до последнего дыхания».

В *Annae litterae Societatis Jesu* за 1730 г. говорилось в таких выражениях о наказаниях, налагавшихся на отпавших от унии в Трансильвании «Eos, qui cum Transalpinis schismaticis colludentes, suspectos sese reddant de schismate, ad dicendam causam etiam brachii sacrularis auxilio, si aliter parere nolent, adesse compulsi sunt, qui subinde pro merito castigati ac subinde melius instructi, ecclesiae rursus Romanae unii sunt» («тех, которые, связавшись с трансильванскими схизматиками, оказались подозрительными в схизме, принуждали давать объяснения при содействии духовной власти, если они иначе не хотели повиноваться, а те, которые затем сообразно их деяниям были наказаны и вразумлены к лучшему, были вновь воссоединены с римской церковью»)¹⁰⁹).

Такие же меры подавления «схизмы» применялись и в Закарпатье. Об этом свидетельствуют распоряжения губернатора Трансильвании марамарошским властям по поводу «возмутительной деятельности» православного епископа.

В предписании губернатора от 18 ноября 1726 года говорилось: «...чтобы это зло уничтожить в зародыше, поручаем... ложного архимандрита или епископа, если он не захочет по добру явиться перед *gubernium*, даже под почетной охраной туда привести».

Через два года губернатор категорически запрещает принимать рукоположение в священники от этого епископа, предупреждая, что «если кто паче чаяния к нему придет, также должен быть арестован».

Как видно, эти предписания и меры строгости не могли искоренить «схизматический» дух, так как в 1731 году губернатор вновь предписывает марамарошским властям: «...этого, не держащегося в своих границах, непослушного схизматического епископа... подвергнуть увещанию, чтобы он больше не возлагал своего серпа на чужую пшеницу, воздержался бы и не исполнял никаких епископских функций, а в особенности не смел рукополагать в священники. И если его поймут, что он хоть одного только посвятил, то велеть тотчас без всякого отлагательства

послать к коменданту Густа (замок Хуст — И. К.) под хорошим конвоем»¹¹⁰).

Грубое вмешательство во внутреннюю жизнь униатской церкви со стороны ягерского епископа и католического духовенства вызывало глубокое возмущение широких масс народа. Часть духовенства так же разочаровалась в унии вследствие невыполнения правительством и католической курией обещаний уравнивать его в правах и привилегиях с «латынянами». Дело в том, что немецко-мадьярские католические магнаты, добившись превращения униатского духовенства в своих агентов, подобострастно служивших им, презируя и третируя «русинских пархов», не считали нужным выполнять данные обязательства и уравнивать «хама с паном» — славянского попа с католическим пастором.

О. Войтковский по этому поводу справедливо указывал: «...вникнув в характер предыдущего периода... мы можем заметить, что в нем, для распространения унии, употреблялись средства, имевшие целью привлечь православных более притеснительными мерами и одним обещанием выгод и льгот, нежели... исполнением данных обещаний... дарованные униатскому духовенству права оставались на одной бумаге»¹¹¹).

Так, диплом Леопольда I от 23 августа 1692 года, которым предоставлялись права и льготы униатскому духовенству, был внесен в протокол венгерского сейма только через 30 лет, и то по требованию императора Карла VI. Но и после этого на деле униатское духовенство обещанных выгод не получило.

21 октября 1741 года Мария Терезия специальным дипломом подтвердила грамоты своих предшественников, Леопольда I и Карла VI, в отношении униатского духовенства. Характерно, что этот диплом императрицы был опубликован властями Бережского комитата только через 2 года, Унгварского — через 4 года, а в Марамарошской столице в 1761 году, т. е. только через 20 лет.

В 1729 году епископ Бизанций обратился с письмом к главному инспекторату Мукачевской доминии, перешедшей из ведения цесарской казны во владение графа Шенборн, по которому можно судить о том, что униатские священники рассматривались не только магнатами католической церкви, но и светскими магнатами, как низшая порода людей, как лакеи, с которыми особенно не церемонятся.

Бизанций, ссылаясь на грамоты королей, просил, чтобы греко-католическому духовенству была дана возможность «наслаждаться» обещанными льготами. Далее, епископ указывал, что администратор доминии Иоганн Сушек «окривдил многих священников во преимуществах и свободах их». Доминия отобрала часть приходских земель, за пользование другими землями при содействии военной силы взимается налог, священникам не разрешают пользоваться лесами, выпасами, лугами, требуют от духовенства уплаты десятины «от земных плодов» и вводят новую десятину «от кож ягнячьих, куничьих и других животных». Со священников, которые «для своих нужд обыкли водку варити», взимается «более удвоенной дачки по сравнению со прежнею при царском фишкालате».

Епископ высказывает инспекторату доминии свои пожелания в таких словах: «Для сохранения... соглашения и мира, не новых надобно бы для священства и певцов вводить даней, но если бы где там не были выданы земли, общего блага ради в награду трудов их этими подарити неотлагаемая пора была бы».

Кроме того, епископ жалуется, что «неким от поверенников доминальных поругательные изречения «hundsfoft», «schelm», 100.1000 чортами проклинання нерееям нашим припоминаются, да кое-где гайдуками и побиваются»...

Не забывает этот епископ-стяжатель, завещавший после смерти 2227 золотых флоринов мукачевскому монастырю, и о своих доходах. Ссылаясь на то, что его предшественники получали от доминии на монастырь «или в наличных деньгах какую-то подпору, или в натуре что-то от плодов, либо и десятину, — следовало бы также и мне этими доходками наслаждаться ныне»... Заканчивал свое письмо епископ униженной мольбой не отказать в исполнении его пожеланий¹¹²).

Большое недовольство униатского духовенства вызывало присваивание «приношений» верующих католическими деканами, плебанами и капелланами, которые наложили свою руку и на эту доходную статью. Протоколы *visitatio canonica parochiarum* Землинской и Абауйской жуп за 1750—1767 гг. пестрят такими примечаниями: «*incolae gemunt sub iugo plebanorum; plebani rapiunt omnia; plebani more suo tum stolarum, cum annuum proventum rapiunt*» («народ стонет под игом плебанов; плебаны все грабят; они по своему обыкновению захватывают штолу и годовой доход»¹¹³).

Такое положение было и в других жупах, входивших в состав мукачевской епархии, где в 1751 г. числилось 840 церквей и 676 униатских священников, обложенных данью в пользу своих католических надирателей.

Это не только раздражало униатское духовенство, но усиливало и его нажим на верующих, которые должны были содержать не только своих священников, но и католических пасторов. Греко-католическое духовенство, доходы которого в значительной мере перекачивались в глубокие карманы капелланов, стремится всеми средствами выжать свою долю за счет эксплуатации верующих.

Размеры «коблины и «роковины» в XVIII ст. значительно увеличиваются, что вызывает недовольство верующих и отказ целых приходов от содержания священников. Как можно судить по каноническим визитациям 1751 г. по Ужанской жупе, из 162 населенных пунктов этого комитата, около 15 сел (Вульшинка, Ремета, В. Березное, Соль и др.) отказались платить священнику.

Верующие большинства приходов уплачивали вначале одно ведро зерна, а потом 2 века и дополнительно по 2 хлеба. В некоторых селах (Великий Пастель, Ленце, Черногорова) крестьяне отработывали в пользу священника 1 день, содержали зимой его овец, или уплачивали вместо натуральной повинности один мариаш¹¹⁴). В селе Бенятин в пользу священника шла пошлина от помола зерна на мельнице за время от обеда каждой субботы и до половины дня воскресенья¹¹⁵).

Даже в условиях строгого преследования «отступников» от унии было немало приходов, где, по данным протокола визитаций, зарегистрированы «грешники». В приходе Йовра, например, числилось 3 «отступника», в Корытнянах — 8; в некоторых селах в церковь приходят всего — 1—2 человека (с. Вышка), или в протоколе фиксируется, что верующие «часто редко ходят до церкви» (с. Поляна). Продавшееся Римом униатское духовенство, ставшее в положение лакеев ненавистных верующим «латынян», все более теряло свое влияние на массы.

Об этом недвусмысленно говорят лаконические записи в протоколах визитации приходов Ужанской жупы за 1751 г., в которых отмечаются «безмерное питье» священников, избияния «духовных пастырей» верующими, полигамия и корыстолюбие представителей греко-католической церкви.

Униатские мукачевские епископы, верой и правдой служившие своим католическим господам, пекутся прежде всего, о своих доходах и о создании таких кадров духовенства, которые могли бы превратить

верующих в покорных слуг католической церкви, светских князей и цесаря.

Назначенный императором Карлом VI и папой, вместо умершего в 1733 г. епископа Бизанция, новый апостольский викарий Симеон Ольшавский в одном из своих распоряжений откровенно проводил именно эту мысль. Он указывал, что среди священников появилось много «простых мужиков», посвященных «шизматическими» архиереями. От таких священников, продолжал Ольшавский, церковь не имеет никакой пользы. Униатская церковь и духовенство несут убыток потому, что не получают мзды за посвящение, возникает грызня между попами за обладание приходами, и епископат не имеет уверенности в «пригодности» этих «мужиков-попов» к распространению «истинной веры». От этого несут убыток «и господа, и государство, и пресветлый кесарь», вынужденные предоставлять льготы этим мужикам в рясах, вместо того, чтобы они выполняли свои обязанности как крепостные. Ольшавский строго запрещает принимать посвящение от других владык, предупреждая, что такие священники будут лишены «вольностей и свобод церковных».

Униатские епископы, выполняя роль духовных обер-жандармов, на обязанности которых лежала «забота о душеспасении богобойных верников», т. е. в переводе на общепонятный язык — удержание в повиновении властям и папе народных масс Закарпатья путем растления их душ проповедью смирения и рабского подчинения господствующему классу, — пользовались милостями «властей предержавших» за свою верную службу и преданность цесарскому престолу.

Епископ Бизанций за заслуги по «ликвидации схизмы» был отмечен королевской грамотой и денежной наградой. Ягерский епископ, рекомендуя в качестве марионетки на мукачевскую кафедру Симеона Ольшавского, писал императору, что кандидат в епископы «в Тирнаве обученный, муж славный, опытный, отличный и габсбургскому дому всегда преданный». За пять лет управления епархией Симеон Ольшавский сумел приобрести значительный капитал. Только наличными деньгами было передано родственникам по его завещанию 3826 золотых флоринов.

Такую же политику прислужничества цесарскому престолу и князьям католической церкви проводит мукачевский епископ Георгий Блажовский, о котором один из униатских же каноников писал: «в деле подданничества ягерским епископам всех рабов более рабом был».

Лакейской угодливостью, готовностью выполнить любое распоряжение своих хозяев отличался преемник Блажовского епископ Михаил Мануил Ольшавский. После утверждения Мануила Ольшавского апостольским викарием с претенциозным титулом «епископа Российской» в 1743 г. он дал следующее клятвенное обязательство: «Клянусь живым богом, что всегда буду верным папе, ягерскому епископу, его генеральному викарию; ничего не сделаю против его чести, достоинства, жизни, тайны его сохраню, не откроею...».

Через 4 года этот сатрап Ватикана, заподозренный бесосновательно в недостаточной преданности католическому руководству, дает вторично письменную клятву верности ягерскому епископу. В этой холопско-кабальной грамоте говорилось: «Нижеподписавшийся, клянусь, что буду верным папе Бенедикту XIV, как преемнику Христа, угорскому примасу, остригомскому архиепископу, ягерскому епископу Франциску Барковци и его наследникам, как и законам конгрегации о распространении веры слывающей». Ольшавский дает обязательство обеспечить празднование униатами католических праздников, без разрешения ягерского епископа не рукополагать священников, не возводить новых храмов, испрашивать

разрешения на проведение канонических визитаций. Заканчивал клятву Ольшавский униженным заверением «всей душой быти унии защитником и ягерского вместе епископа поклонником»¹¹⁶).

В 1748 году ягерский епископ Барковци предпринял инспекторскую поездку по подвластной ему мукачевской униатской епархии. 15 июля он появился в Мукачеве в сопровождении блестящей свиты и отряда конницы. На поклон к католическому властителю явилось униатское духовенство во главе с Ольшавским. Барковци в присутствии приближенных стал обвинять Ольшавского в том, что он «не точно надсматривает над паствой своей и настаивает, чтобы клятву прошлого года в Ягру под угрозой всаждения в темницу и эпитимии письменно подтвердил», — писал Дулишкович. Униатский слуга ягерского властелина, помявшись, «сначала делати сие долго медлил, но в конец для овладения большого соблазна желанные властной рукой и печатью подтвердил».

Своими указами ягерский архиепископ непрерывно подхлестывает закарпатского прислужника, побуждая его к более энергичным действиям «на благо престола и святой церкви». В одном из своих посланий архиепископ указывал, что в тех селах, где «рутенy» не имеют своих священников, они предпочитают проводить время в лености, вместо того, чтобы посещать латинские церкви, а католических праздников не только не признают, но и относятся к ним с ненавистью. Мало того, во многих селах подданные нерадиво выполняют свои обязанности и повинности по отношению к господам и церкви.

Подчеркивая недопустимость каких бы то ни было «поблажек» холопам, архиепископ предписывал принять все меры к тому, чтобы «рутенy» посещали латинские церкви, строго соблюдали католические праздники, а своих детей направляли бы в приходские школы для обучения «первоначальным наукам ортодоксальной веры». Всех крестьян, отказывающихся исполнять повинности в пользу своих помещиков или уплачивать десятину церкви, архиепископ приказывал «схватывать, передавать властям с тем, чтобы с ними было поступлено по закону».

Вскоре Барковци издал распоряжение, которым запрещал мукачевскому епископу без его согласия рукополагать в священники, «соборованиям только в присутствии ягерского высланника поддерживать», без ведома ягерского епископа не благославлять приходы и церкви, подчинив греко-католические приходы, не имеющие пресвитеров, власти католических патеров. Ольшавский и это распоряжение, закреплявшее унизительно-зависимое положение греко-католической епархии от ягерского епископа, принял как должное.

Чтобы засвидетельствовать свою преданность цесарскому престолу, Ольшавский обязал своих священников вносить по 6 марнашей, а диаконов по одному марнашу на нужды войны, которую вела Австрия против Пруссии, и предложил также, чтобы «поповские сыны, состоящие еще свободными, одолжились вступить в воины». В 1757 году он снарядил за свой счет 17 конных солдат, а в следующем году «25 наемных волонтиров послал в Дебрецин и 454 гульдена и 5 крон»¹¹⁷).

Унизительное пресмыкательство мукачевских епископов перед католическими магнатами и габсбургскими властями, их антинародная политика только подливали масла в огонь, возбуждая ярость и ненависть масс к господствующему классу феодалов и его униатским прислужникам.

ГЛАВА IX

**БОРЬБА НАРОДНЫХ МАСС ЗАКАРПАТЬЯ ПРОТИВ
ФЕОДАЛЬНОГО ГНЕТА И КАТОЛИЧЕСКОГО ПОРАБОЩЕНИЯ
В XVIII ст. АНТИНАРОДНАЯ РОЛЬ УНИАТСКОЙ ЦЕРКВИ**

В 40-х годах XVIII ст. в ответ на жестокие притеснения габсбургских властей и насильственное окатоличение населения Трансильвании вспыхнули массовые волнения среди румын-«схизматиков». Католический фогарашский епископ Иннокентий Клейн, в полной зависимости от которого находилась греко-католическая церковь Семиградья, его генеральный викарий Петр Аарон, который «более оказывался латинником нежели волохом» — своими насилиями, непомерными поборами, грабительством переполнили чашу терпения верующих-румын. Выступления против унии стали перерастать местами в бунты против властей и дворян.

Императрица Мария Терезия, обеспокоенная начавшимся движением в Трансильвании, в апреле 1746 г. издает декрет, которым запрещает принуждать население империи к перемене религии. Помимо мер, принятых властями к локализации этого движения, для успокоения масс верующих в Трансильванию был направлен мукачевский епископ Мануил Ольшавский.

Дулишкович по этому поводу писал: «...соединенные волохи своим уклонением от унии дали повод на выслание к ним царского комиссара» и так как «уклонение все более и более ширилось, то для прекращения волнований в качестве царского поверенника тем более надо было выслати Мануила», ибо епископ Клейн, в страхе перед начавшимися волнениями, «вместо того, чтобы утоляти раздор... секретно отдалился в Рим»¹¹⁶). Мануилу Ольшавскому предстояла по словам Дулишковича, «не очень легкая задача», так как движение в Трансильвании приняло широкий размах. Ольшавский, побывав в комитатах Солнок, Добока, Торда, Колош и других, доносил императрице Марии Терезии в июне 1746 г., что везде «униаты преследуются, иконы сожжены, святое миро и причастие в воду разбросаны, иереи сами ударами гонены, неких в темницу и оковы сажали, имения их грабили».

Униатские авторы, в том числе Дулишкович, утверждают, что «при многократном посещении этих волновавших волохов Мануил раздор в мир превратил», но это утверждение не соответствует действительности, так как после отъезда Ольшавского не только усилились волнения в Трансильвании, но перебросились и в Закарпатье.

О неудаче миссии Ольшавского свидетельствует и его письмо к императрице, в котором он рекомендовал строгость, как единственное «целебное средство» против «толпы», возбужденной «тайными врагами

унии — этими самыми опасными волками в овечьей шкуре». Мария Герезия, «внемля гласу архипастыря», в октябре 1746 года издает рескрипт, требующий как от властей, так и от всех «истинных католиков» содействия в утверждении унии». Для приведения в повиновение «находящихся в заблуждении верников», рескриптом были назначены специальные «протекторы унии» из числа крупных католических магнатов, которым предписывалось возбуждать судебное преследование и арестовывать лиц, препятствующих восстановлению унии.

Во всех случаях, если противники унии, говорилось в рескрипте, окажут сопротивление, или народ выступит в защиту их, следует прибегать к «*brachium militare*». Рескрипт строго запрещал под угрозой ареста принимать рукоположение в священники в других странах. Если же посвященный за границей священник займет «парохию», — говорилось в рескрипте, то он должен быть подвергнут заключению в тюрьму, а на церковную общину наложен штраф. Еще более строгие наказания были введены для лиц, посвященных в священники униатскими епископами, но «отступивших от истинной веры».

Под прямым воздействием восстания опришков-гуцулов в Прикарпатье, возглавляемого Олексой Довбушем, а также под влиянием событий в Трансильвании, с 40-х годов XVIII ст. разворачивается массовое народное движение в Закарпатье, продолжавшееся на протяжении 25 лет и направленное острием своим против феодально-католического гнета.

Активными деятелями этого движения были представители плебейского духовенства иеромонах Софроний Сарабаит и священник Григорий.

Софроний развернул широкую и энергичную деятельность в Семиградье и на территории Закарпатья. Он рассылал зажигающие послания, призывая возвратиться в «старую веру», а его помощники проводили устную агитацию в этом же духе. Эта агитация имела огромный успех среди угнетенных масс народа. Воззвания Софрония, несмотря на жестокие преследования «бунтовщиков», доходили через его сторонников из числа местных крестьян в самые глухие села. Народ радостно встречал посланцев Софрония. На тайных массовых сходках крестьяне договаривались об одновременном отказе от «чужой веры».

Арестованные в декабре 1760 г. крестьянские посланцы 34 униатских сел, собравшиеся на тайную сходку в с. Санто, Саболчской столицы, на допросе отказались сообщить что-либо о своих намерениях и планах, заявляя: «Мы до сего времени думали, что оставались в своем старом греческом исповедании; когда же узнали, что находились в худой вере, вернулись к старой»¹¹⁹).

Массы народа, возбужденные софрониевой агитацией, разжигавшей приверженность к «старой вере», еще с большей непримиримостью относятся к попыткам властей навести «порядок» крутыми мерами, отвечая на насилия звоном набата, по сигналу которого собирались толпы вооруженных крестьян, вступая в столкновения с отрядами комитатской полиции.

Массовые волнения крестьян, проходившие под флагом борьбы за «старую веру», в 1760—1761 гг. охватили все Закарпатье. В восточной части мукачевской епархии крестьяне заперли церкви и не впускали униатских священников крестить новорожденных и хоронить умерших. Из многих сел униатские священники были изгнаны возмущенными толпами «верников», кричавшим им вслед: «душпаскудники, папежники, идите к своим панам».

Мукачевский епископ Ольшавский, по словам одного современного автора, «довольно неприятностей имел от схизматиков» и вынужден был «повторительно строгие распоряжения издавать против несоединенных». Однако эти распоряжения не действовали. В епархию не-

прерывно поступали жалобы от священников на «строптивных верников», с которыми Ольшавский приказывал «поступать по закону».

В ответ на письмо марамарошского викария Андрея Житкея, сообщавшего, что взбунтовавшиеся верующие сел Сокирницы и Верхняя Руна, возмущенные каким-то «схизматиком» Алексеем, изгнали униатских священников, — Ольшавский писал в октябре 1761 года: «Старательный мой сын, понял из твоего письма . сколько унижений и оскорблений терпишь ты от жителей Сокирницы».. Сообщая, что копию письма викария он направил марамарошскому надзупану с просьбой навести «нужный порядок», от себя Ольшавский добавлял, что единственное средство обуздать развращенный народ Марамароша, — это применить насилие

Как ни старались униатские историки представить Ольшавского «мудрым и благонравным мужем», восхваляя его заслуги по насаждению униии, но не могли скрыть ставших известными документов, показывающих, что Ольшавский выступает в качестве цепного пса католической церкви и властей, готового на любые средства насилия над массами для поддержания нужного своим хозяевам «порядка» в епархии

В частности, Дулишкович, и тот не мог не признать, что указанное письмо Ольшавского марамарошскому викарию было «пятном». В этом письме Ольшавский, переполняясь отцом и желчью, приказывал: «Magistratuali brachio curet eosdem tam saeculares exorbitantes, quam Presbyteros alibi ordinatos, et populum seducentes interceptos invinculari ac, quemadmodum in Szathmariensi Comitatu factum est carceribus injici, siti, fame macerandos... comprimere». («Властной рукой пусть позаботятся, и мирян отпавших, и священников в ином месте поставленных, и народ со-вращающих, свертать в узы и, как было сделано в Сатмарском комитате, держать в тюрьме, томимых голодом и жаждой»¹²⁰).

Несмотря на свою религиозную окраску народное движение в Закарпатье, начавшееся в 40-х годах XVIII ст., являлось социальным движением, принявшим четко выраженный характер классовой борьбы против господства немецко-мадьярских феодалов-крепостников. В одном из донесений правительству о характере начавшегося движения среди населения Закарпатья и Трансильвании под влиянием «злономеренной агитации» Софрония, говорилось следующее. «Растет со дня на день опасность, что народ выйдет из повиновения властям и помещикам, что он стремится изменить не только религиозное, но и общее свое положение. При его численности и наше существование станет весьма затруднительным и поступление подати подвергнется опасности. Можно было бы еще терпеть, если бы они только оставались при своей восточной церкви, но это лишь предлог. Надо опасаться, чтобы народ, выйдя из повиновения властям и помещикам, не захотел бы чего-нибудь худшего. А ведь в Угрии число лиц греческого исповедания превосходит 700.000; много тогда может произойти зла. Тут уж не дело веры, а нарушение общественной тишины и спокойствия»¹²¹).

Из всех столиц в Вену летели тревожные донесения. Надзупаны унгарский, марамарошский, сатмарский сообщали об угрозе нового «мятежа куруцев». Габсбургское правительство принимает срочные меры для подавления крестьянского движения. Губернатор Трансильвании генерал Буков назначается председателем комиссии по ликвидации «беспорядков». Почти одна треть комитатов Венгрии была объявлена на военном положении. Ограничивается въезд в Венгрию и выезд из нее.

Вводятся специальные пропуска при переезде из одной столицы в другую. Местным властям и дворянам-землевладельцам предписывалось строго следить за «агитаторами-эmissарами, зачинщиками сходов и подстрекателями к насильственному действиям против церкви и дворянства», и всех подозрительных задерживать и передавать военным властям.

Отряды комитатской полиции под командованием графа Антония Карольи и генерала Букова занимают горные проходы со стороны Семиградья и Галиции и отрезают Закарпатье от «схизматического мира». Число арестованных «бунтовщиков» достигло таких размеров, что военные власти отказывались их принимать. Но ни полицейская сила, ни истязания и террор не могли подавить, однако, движения угнетенного народа против своих поработителей.

Австрийское правительство, связанное войной с Пруссией (семилетняя война 1756—1763 гг.) не могло бросить на подавление волнений значительную регулярную воинскую силу. Правда, ягерский епископ считал для разгрома «бунтовщиков» достаточным отряд в 300—400 «верных людей, если бы пустить его в дело с самого начала», но таких сил, как показали события, уже было недостаточно.

Наджупан Марамарошского комитата также полагал, что «наиболее целесообразным было бы расквартировать среди волнующихся регулярное войско», но свободными войсками правительство в тот момент не располагало. Канцлер граф Кауниц в письме к императрице указывал, что хотя «употребление в дело войска и было бы самым действенным средством, но в тяжелое военное время прибегнуть к нему немислимо». Вот почему австрийское правительство вынуждено было, по словам А. Петрова, «действовать более мягко и осторожно...выжидая, обещая и увещевая, устанавливая бдительный надзор и арестуя подозрительных лиц».

Но движение против унии и католических магнатов-эксплоататоров ширилось. Видя неуспех одних карательных мер, власти решили, наряду с комитатской полицией, пустить в ход полицию духовную.

6 мая 1761 года унгарский наджупан, предлагая ряд мер для подавления волнений, писал: «Пусть епископ мукачевский лично примет визитацию. В глазах русского народа более значит присутствие их пастыря, чем вооруженная сила даже в 10 000 человек, последние для них только жестокие люди, епископов же, пастырей своей веры, они почитают и слушают, как я это знаю из моего опыта»¹²²).

Через неделю после этого мукачевский епископ Ольшавский, выполняя волю своих хозяев, отправляется с «визитацией» в районы, охваченные волнениями. Так, штык и крест, плеть и евангелие были пущены в ход против народа. «Главноугваривающий» епископ Ольшавский, выступая под именем «цесарского комиссара», использует все средства воздействия на массы верующих с тем, чтобы потушить распространяющиеся волнения и превратить в покорное стадо «дерзких схизматиков». Он выступает с проповедями перед верующими, рассылает «увещевательные послания», в которых угрожает «божескими карами» строптивым «овцам» своим, поддавшимся влиянию врагов церкви и цесарского престола, требуя прекратить сопротивление «святому отцу», «богом установленным властям» и «законным господам своим».

Высокопоставленный прислужник господствующих классов именем бога освящал порабощение крепостных феодалами-угнетателями. «Идея бога, — писал В. И. Ленин, — всегда усыпляла и притупляла социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи всегда идеей рабства (худшего, безысходного рабства). Никогда идея бога не «связывала личность с обществом», а всегда связывала угнетенные классы верой в божественность угнетателей»¹²³).

Прожженный незунтский наймит в своих проповедях перед крестьянами пускает в ход грубую ложь, открытый обман народа, стараясь представить унию, как «благодетельное единение христиан». Вся ложность приема Ольшавского в аргументации этого тезиса состояла в том, что он совершенно обходил вопрос о подлинном значении унии, как

средства окатоличения и порабощения славянского карпато-украинского населения Римом и католическими магнатами, и акцентировал внимание в проповедях на «общности христианских интересов».

Исворачиваясь на незуитский манер, Ольшавский пытался представить унию только как «единение в вере православных и католиков». — И православные и католики, заявлял Ольшавский, — веруют в единого бога, в единого Христа, в единое крещение — вот это и есть «*unio fidei*» т. е. «единение в вере». Большего-де от народа, чем признание этого «единения в вере», при полном сохранении восточных обрядов, и не требуется. Поэтому, — заключал Ольшавский, — «только злонамеренные люди могут утверждать, что уния есть какая-то новая вера».

В подписках, которые давали верующие под давлением силы во время «архипастырской визитации» Ольшавского, так и говорилось: «Мы будем пребывать в единении веры с римлянами, но не в единении обряда»...

В ответ на донесение Ольшавского об «увещательных средствах», которые он принимает для приведения в повиновение «бунтовщиков», епископ Барковци требовал применения самых крутых мер. В одном из своих писем Ольшавскому Барковци предписывал: «Если кого подозрительным считаете, то их надо задерживать и, отделив от других овец, взять их под стражу, отправить в Ягер и там содержать; идите в Повчь, и если там подозрительных увидите, вловленных ко мне в Ягер пришлите»¹²⁴).

И Ольшавский отделял «подозрительных овец», заполняя ими тюремные подвалы Ягера

Пять месяцев продолжалась «учительная поездка» епископа, вслед за которым следовали отряды комитатской полиции. Ольшавскому удалось, как писали униатские авторы, «тонкостью диалектики и искусством риторики» прекратить волнения «схизматиков». Но факты говорят о другом. Не словесная эквилибристика, а аресты и насилия, принуждения и обман дали возможность Ольшавскому несколько ослабить движение масс и собрать подписи о «единении в вере». Ольшавский, как говорилось в одном из документов этого периода, — «только при помощи светской власти мог навернуть отпавших ко унии».

Но пламя «бунтов» после «визитации» Ольшавского погасло еще не скоро. В 1765 году снова начались волнения в Гайдудорге, Бессермене и Марамароше. Придущенные сапогом чужеземных феодалов и католической церковью, народные массы Закарпатья возлагали свои чаяния на братскую Россию. В Токае, Дороге, Марамароше, как сообщали власти, «схизматики» молились за русскую державу, выражая этим свои чувства братского единства с русским народом.

Габсбургские власти бросают карательные отряды для подавления новых очагов народной борьбы, пытаются локализовать начавшееся движение в восточных районах Закарпатья, угрожавшее распространиться и на другие области. В частности, в связи с новым взрывом революционного восстания крестьян на Правобережной Украине (1768—1770 гг.) под руководством Максима Залозняка, царские власти усиливают пограничную стражу, опасаясь, что пожар колливицины перебросится и за Карпаты.

Но, несмотря на принятые меры жестокого подавления крестьянского движения в Марамароше, борьба обездоленных масс гуцулов не прекращалась. Среди задавленных нуждой и беспощадно эксплуатируемых дворянством, бюрократией и церковью «кметей» распространялись слухи, что возвращение в «веру отцов» принесет с собой освобождение от крепостного рабства. Массы крепостных стали отказываться от выполнения повинностей в пользу дворян, прекращали уплату податей и ненавистной десятины церкви. Условия жизни крепостного крестьянина поро-

ждали «.. против его воли и помимо его сознания — действительно религиозное озлобление против поборов и готовность решительной борьбы с средневековым»¹²⁵).

И только через пять лет «головных бунтовщиков понмивши и в тюрьму всадивши», — как выражался Дулишкович, — Габсбургам и их униатско-католическим приспешникам удалось подавить волнения в этих районах и утвердить при помощи грубой силы унию. Венский двор и католическая церковь высоко оценили заслуги мукачевского епископа Ольшевского.

Ягерский епископ Барковци в особом послании отметил «старания» Ольшевского «о спасении своего стада» и его умение «чудесно подходить к необразованному народу»¹²⁶).

Императрица Мария Терезия присвоила Ольшевскому чин тайного советника и подарила ему 2 000 флоринов. Помимо этого, ежегодно на содержание епископской кафедры королевская казна стала отпускать 3 000 флоринов. Так утверждалась уния в Закарпатье, так продавали свой народ униатские епископы, прислужники Ватикана и цесарского престола.

Господствующая клика Австрии и Венгрии, подавив крестьянское движение в Трансильвании и Закарпатье, все же должна была сделать для себя определенные выводы из факта массовых волнений «схизматиков», которые угрожали перерасти в крестьянскую войну против существующего феодального строя. «Поборники унии, писал Войтковский, убедившись на деле, что одними лестными обещаниями и употреблением жестоких мер не могут достигнуть своей цели, решились сделать некоторые уступки в пользу униатского клира для споспешествования распространению унии»¹²⁷).

В 1766 году в условиях новых волнений, начавшихся в Трансильвании и Марамароше, Мария Терезия издает указ, которым запрещает ягерскому епископу вмешиваться в дела униатской церкви и ставит вопрос перед папой о канонизации мукачевской епархии.

Однако высшие католические сановники Венгрии, возглавляемые ягерским епископом Эстергази, решительно противятся предоставлению самостоятельности униатской епархии. В своих многочисленных представлениях папе и императрице Эстергази «источил все искусство диалектики для защиты своего мнения». Он доказывал, что русинь Венгрии надо безоговорочно подчинить римско-католическим епископам, «дабы униаты удобнее могли быть удержаны в повиновении». Предоставление самостоятельности мукачевской епархии не только приведет к уменьшению доходов ягерских епископов, писал Эстергази, не только явится грубым попранием прав католических архиереев, принадлежащих им «на основании соборных определений», но, что самое главное, канонизированная мукачевская епархия «вскоре возвратится к схизме».

Последний довод так подействовал на папу Климента XIII, что он не только одобрил мнение ягерского епископа о недопустимости «униатских уместований», но и поручил Эстергази убедить императрицу отказаться от просьбы о канонизации мукачевской епархии. «Велеречивый и хитрый диалектик, — писал Войтковский, — действительно успел уверить императрицу в опасности освобождения мукачевской епархии от власти ягерских епископов».

Указом 1768 г. мукачевскому епископу Иоанну Брадачу, преемнику Манула Ольшевского, Мария Терезия повелела сохранять прежние отношения подчинения ягерскому епископу и предложила ему отправиться лично в Ягер «для совещания о прекращении ссоры». Но примирения между епископами достигнуто не было. Делегированный в Вену представитель униатского клира, Андрей Бачинский, устроил правящую клику

возможностью новых восстаний против ягерского засилья и добился нового ходатайства Марии Терезии о предоставлении самостоятельности униатской епархии. Канонизация мукачевской епархии, насчитывавшей 839 церквей, 675 приходских священников и до 420 тысяч верующих, была признана папой в 1771 году.

Чем руководствовалась Мария Терезия, предоставляя независимость мукачевской униатской епархии? Конечно, не сочувствием русинам был продиктован этот акт. Страх перед движением угнетенных масс, угрожавших основам феодально-крепостного строя, вынудил урезать права ягерских епископов и отказаться от тактики «лобового пролома греческой крепости», заменив ее тактикой времени Гомера, приведшей к падению Трои.

Когда в правящих сферах Вены зашла речь о канонизации «мукачевской рутенской епархии», Мария Терезия в беседе с папским нунцием совершенно откровенно призналась, что «греки вообще не могут пользоваться моим расположением, напротив, я желала бы, чтобы они все стали католиками, но необходимо обращаться с ними осторожно»¹²⁴).

Раболепствующие униатские писатели на все лады превозносили «дальновидную и бескорыстную» политику Марии Терезии, называя ее «коронованной заступницей и заботливой матерью, пекущейся о благоденствии русинов», а также воспевали «неисчислимые благоденствия», которые принесла уния народу, возвратившемуся, «как блудный сын, под кровлю предоброго наместника Христа на земле».

Один из таких пресмыкающихся виршеплетов XVIII ст., Андрей Валковский, в своей орации, посвященной папе, писал:

«Под ним наша паства цветет, под
ним пастыри прибыли,
под ним наша свирель жалким
перестала наполнять
холмы, долины стоном, словом:
благоденствие под ним».

Действительно, с конца XVIII ст. для греко-католического духовенства наступила пора «благоденствия». Униатская церковь в Закарпатье, ставшая в руках Габсбургов орудием удержания в повиновении своим господам карпато-украинских трудящихся, не случайно начинает пользоваться поддержкой и особым вниманием со стороны «великодушной и богобойной» Марии Терезии и господствующего класса.

Андрей Бачинский, назначенный мукачевским епископом в 1773 г., удостоился чести быть посвященным в этот сан в венской королевской каплице, причем на торжестве посвящения присутствовали не только члены королевской фамилии, но и сама императрица. Рукоположение его «было ознаменовано блеском необыкновенного торжества», — писал Войтковский. Новый «архипастырь рутенов» был обласкан и щедро одарен Марией Терезией. Императрица подарила новопосвященному епископу «великолепное святительское облачение со всею утварью для архиерейской капеллы», «блистательные кареты», столовый прибор, драгоценные церковные сосуды и т. п. «Но ничем не могла она столь привязать к себе мукачевских униатских епископов, как назначением им определенного жалованья, производимого из государственной казны»¹²⁵).

На «приличное архиерейскому сану содержание» Бачинскому ежегодно отпускалось из казны 12 тысяч рейнских флоринов. Кроме того, мукачевский епископ получил в подарок большое имение в Боршодской жупе, названное, видно, в честь преданности униатских архиереев римскому престолу, — «архимандрия святых апостолов Петра и Павла в Теплицах».

Мария Терезия «наделила епископа, капитул, церковь и семинарию землями и хорошей платой, подарила иезуитский монастырь, церковь и замок в Ужгороде для палат епископских, кафедральный собор, семинарию и теологический музей, уравнила во всем, а особенно в делах духовных духовенство русское с латинским», — писал львовский журнал, характеризуя покровительственную политику королевского правительства по отношению к униатской церкви в этот период¹³⁰).

Часть строений и имущества, ликвидированного в 1773 г. буллой Климента XVI иезуитского ордена, из католического учебного фонда, как бы по преемственности, поступила в распоряжение униатской мукачевской епархии. Иезуитские здания и церковь за счет казны были перестроены в архиерейскую резиденцию. «...Все было устроено к величественному помещению мукачевского епископа, жившего прежде в Мукачехе, в скромном домике, или в монастырской келии»¹³¹).

К полному блеску мукачевской епископской кафедры не доставало только капитула, состоящего из каноников. В 1777 г., по представлению Бачинского, императрица утвердила состав капитула епархии и установила жалование каноникам за счет казны.

Указом Марии Терезии униатский епископ был назначен членом государственного совета. Так униатский архиепископ стал сиять, по выражению Войтковского, — «хотя и незначительным отблеском славы, окружающей латинских иерархов». С этого времени «низший клир вступил в гражданские права наравне с правами римско-католической церкви». Униатские священники были причислены к *honoratus* и приравнены по своему общественно-правовому положению к дворянскому сословию. Они освобождались от податей, рекрутской повинности, от военного постоя и подчинения власти феодалов-землевладельцев. Так, через 125 лет после присоединения 63 ужгородских попов-отступников к Риму, униатское духовенство, доказавшее на деле свою преданность католической церкви и правящей феодальной клике в деле отравления сознания и закабаления своего народа, добились, наконец, прав и привилегий католического клира.

Получив различного рода льготы, права и материальные выгоды униатское духовенство всеми средствами отстраняет их от посягательства со стороны дворянства. При этом тон обращения верхушки униатской церкви в спорах с дворянами-землевладельцами становится все более решительным, подкрепляемый угрозами донести о чинимых обидах правительству и «каролице» Марии Терезии. Отныне униатские священники, добившиеся своих целей, разговаривают с дворянством как равные с равными.

В этом отношении характерно письмо протоигумена Мукачевского монастыря ордена василитан, Макария Шугайды, к местным дворянам по поводу захвата последними монастырских лугов. Протоигумен писал: «То, что дали монастырю, то дали богу на офиру¹³²). Почему хотите от бога отнять? Знайте, что об этом вашем поступке будет знать светлая каролица». И дальше, разгневанный протоигумен, с полным сознанием своего шляхетного достоинства продолжал: «Протестую, противодействую властью от бога мне данной и от закона святого и от епископа... чтобы не препятствовали сенокосению на лугах монастыря... хорошо, честные господа, это письмо обдумайте и на силу свою не упуйте... Свой протест повторю на имя святой каролицы и на честную вармег¹³³), марама-рошскую и на фюешпана¹³⁴) вармеги вашей, и на имя епископа, чтобы добром монастырским дали спокойно пользоваться».

По договору епископа Бачинского с королевским эзаром, которому принадлежали огромные территории от Ужгорода до Верховины, заключенному в 1779 г., — каждому священнику отводилось в бесплатное

пользование по 1 телеку, а дьякам по 0,5 телека земли. Кроме того, духовенству было предоставлено право свободно пользоваться топливом, строительным лесом, эрарными лугами для выпаса скота и жолудями в лесах для откорма свиней.

В конце XVIII ст. появилась меткая сатира на униатское духовенство, раскрывающая омерзительное естество этих жадных и невежественных эксплуататоров масс верующих. Причем характерно, что эта сатира принадлежала не перу противника католицизма, а униатскому же канонику мукачевской епархии Иоанну Пастелню. Автор сатиры, конечно, не ставил перед собой задачи социального обличения униатского духовенства, а руководствовался стремлением устранить пороки, присущие ему, которые были использованы «схизматиками» для борьбы против унии и подрывали авторитет униатской церкви в глазах верующих. Таким образом, униатский каноник объективно, вопреки своему намерению, стал обличителем униатского же духовенства. В сатире Пастелия «Песнь о должности пастыря душевного», говорилось:

«Пастирю душевный, попе избранный,
Людей просвещати от бога данный,
Як же ты их просрещашь,
Кедь осквернен сам зостаешь,
Жиючи блудно!

Апостольство тебе есть поручено,
Людей просвещати от бога дано,
А ты сам во тьме ходишь,
И всех за собою вводишь
Во ров пекельный.

Сам себе погибель вечну готовишь,
Коли спасительны слова говоришь.
Даешь людям красну науку,
Себе на большую муку:
Бо не так творишь!

Тесен путь до раю, врата узкыи!
Людам налагаешь посты твердны,
А сам чревом не владеши,
Так ся тучишь, объедаешь,
Пеешь, гуляешь.

Иисус твой убогство тебе завещал,
Ты бы за богатство и Христа продал;
Люд мизерный утесняешь,
Про душу не дбаешь»¹³⁵).

Закljučая свою дидактическую сатиру Пастели призывал духовенство одуматься, отрешиться от пороков («покайся попе»), ибо «придет кончина» и на том свете придется держать ответ за земные грехи.

Итак, достигнув желаемой цели, став привилегированным сословием в государстве, пользуясь доверием и милостями властей, греко-католическое духовенство, представлявшее униатскую церковь, продавшее свою совесть, честь, национальное достоинство, продавшее интересы народа, прикованное накрепко к колеснице Габсбургов, полученными правами и привилегиями, стало орудием социального, национального и духовного порабощения трудящихся масс господствующими классами и соучастником злодеяний Габсбургов и Ватикана в Закарпатье

ГЛАВА X

ПОХОД ФЕОДАЛЬНО-КАТОЛИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ ПРОТИВ
«РУССКОСТИ»

С конца XVIII ст., после подавления крестьянского движения и утверждения путем применения насилия и репрессий церковной унии, начинается новый этап в наступлении феодально-католической реакции против трудящихся Закарпатья, который находит свое выражение в усилении феодально-крепостнического гнета и национально-духовного порабощения закарпато-украинских народных масс.

Цель, которую ставила перед собой феодально-католическая реакция заключалась в том, чтобы через униатскую церковь, ставшую послушным орудием в ее руках, постепенно осуществить антинародный план ассимиляции, денационализации закарпатских украинцев, превратив их в безымянных и безродных рабов чужеземных поработителей, путем удушения русско-славянской культуры и языка, путем разрыва всяких связей народных масс Закарпатья с Украиной и Россией и насаждения в Закарпатье «передовой» западно-европейской «истинно-христианской» культуры.

«Со времени Андрея Бачинского, — писал Войтковский, — уния быстрыми шагами стала спешить к осуществлению своих планов, имеющих целью воцарить латинизм и уничтожить народность посредством латинизма... Мария Терезия гораздо лучше поняла средства, способствующие достижению цели унии, нежели все ее предшественники»¹³⁶).

Недаром глашатаи католицизма и реакции обильно воскуривали фимиам «богобойной» Марии Терезии и «знаменитейшему архипастырю» Бачинскому, имя которого вплоть до последнего времени было окружено ореолом «великого деятеля», открывшего, мол, «золотой век» в истории карпато-украинского народа «Это был человек действительно высоких талантов, — заявляли околотитулярные хлыщи из лагеря фашистских прислужников Хорти, — с его именем связаны великие реформы церковной и культурно-национальной жизни». «Реформы» Бачинского, о которых так любили распространяться клеветы Ватикана, были не чем иным, как новыми, более утонченными средствами для укрепления унии, для усиления духовного рабства сознания масс народа.

«Союз церкви, науки и муз — в этом смысл «золотого века» Андрея Бачинского», заявляли хортиевские последыши. И действительно, — это был «золотой век» для униатского духовенства, наполнявшего карманы золотыми флоринами за счет эксплуатации «верников». «Золотой век» Бачинского на деле был союзом католической церкви, лженауки, реак-

ции и кощунственно-извращенной идеи «русскости», союзом, направленным против коренных интересов своего народа.

Униатские историки преднамеренно распространяли ложное представление о Бачинском, как о борце «за русское дело». Несколько дошедших до нас документов говорят о том, что Бачинский требовал от кандидатов на должности священников знания «русского языка».

В одном из своих окружных посланий, относящемся к 1798 году, опубликованном в газете «Свет» (№ 18 за 1868 г.), Бачинский писал:

«...с болезнью сердца вижу же многих родителей сынове, по больше роках из латинских школ... на экзамен приходящих и до сану клирического вступить желающих, в своей русской науце так барз занедбалии и глупии невежды приходят, же ани читати, а ни самое еще имя свое написати не знают...» Епископ предписывал, чтобы в дальнейшем ни один священник не посылал бы в семинарию своего сына, «хотя бы як либо з чужих краях выучимаго, аще в своей первоначальной русской (науце) не будет обученый и привычаеный».

Не один раз Бачинский подчеркнуто заявлял о необходимости поддерживать «рущизну», и отрицательно относился к латинизации церковных книг и введению чужого языка в церковное богослужение. В частности, Бачинскому приписываются слова, сказанные им якобы в этой связи: «Доколе буде — аз, буки, ведн, — сего не буде», т. е. пока существует церковно-славянский язык о латинизации богослужения нечего говорить. Некоторые авторы истолковывают эти слова иначе: «Аз, буки, ведн» они расшифровывают, как «Андрей Бачинский владыка», и тогда все приписываемые епископу изречения выглядело бы так: «Пока Андрей Бачинский епископом будет — этого не будет»... Униатские мудрецы путем такой словесной эквилибристики пытались представить Бачинского как «народолюбца» и «духовного отца русинов», связанного «корнями с народом».

В действительности же со времени Бачинского особенно усиливается органическое сращивание униатской церкви с католицизмом, и только внешне Бачинский старается сохранить восточные обряды, лицемерно шеголяет «рущизной», используя ее как средство лучшего одурманивания верующих на родном языке, как средство усиления влияния униатского духовенства на массы, которые были проникнуты ненавистью к «латинщине» и «папешничеству».

В одном из своих посланий духовенству епархии в 1806 г. Бачинский, указывая на новое издание катехизиса и библии, подчеркивал, насколько важным средством в руках священников явится книга «русским нашим языком изданная». «А имате книги тыя на русском языке; яже следственно частокрапю и с охотою чтуще, народу толкующе, верных на чтение и слышание его возбуждающе, не токмо удобне народ в познании истины привести, в добронравии утвердити, но купно и матерный наш язык, письмо, народ и набоженство содержать и подкрепити возможет»¹³⁷).

Из этого послания видно, что книга, «русским нашим языком изданная», служила для Бачинского прежде всего для того, чтобы «удобно народ в познании истины привести», т. е. окатоличить его.

В руках Бачинского и других мукачевских епископов, изображавшихся поборниками «русскости», последняя служила только удобным прикрытием их политики постепенного окатоличения и денационализации карпато-украинских трудящихся. Не плохую иллюстрацию борьбе Бачинского за «рущизну» дает Константин Стрипский, которого никак нельзя заподозрить в пристрастном отношении к униат. Характеризуя «золотой век» Бачинского, Стрипский говорит: «Денационализация дошла до того, что юноши, учившиеся только по-латински, при приемном

экзамене в семинарию, даже своего имени не могли написать кириллицей»¹³⁸).

С XVIII ст. большое внимание католическая церковь уделяет делу богословской подготовки кадров униатского духовенства, а также берет целиком в свои руки зарождающееся «народное образование», как одно из средств духовного воздействия в нужном для церкви направлении на умы подрастающего поколения.

Еще в XVI в. при мукачевском монастыре существовала школа подготовки кандидатов в священники, которая после установления унии стала главным духовным учебным заведением в Закарпатье. Епископ Гарфений Ростошинский в 1655 г. добился ассигнования средств на «повышение образования духовенства» от королевской казны.

В 1704 году при епископе де Камелисе униаты получают доступ в высшую богословскую католическую школу в Тирнаве, а с 1754 г. в ягерскую семинарию, где для них было учреждено несколько стипендий. Из этой то *alma mater* и выходили не «просветители», как это утверждала униатская печать, а затемнители сознания карпато-украинских трудящихся.

В этот же период создается духовная школа — бурса в Мукачево, реорганизованная в 1744 г. епископом Мануилом Ольшавским в духовную семинарию. Здесь, наряду с подготовкой новых кадров низшего духовенства, проходили переподготовку священники и дьяки. Число обучающихся доходило до 60 человек. Это были преимущественно сыновья священников, мелких дворян и зажиточных либертинов. Семинария имела два класса. В первом слушатели изучали начатки грамоты: чтение, письмо, арифметику. Во втором, богословском классе, занятиями руководил сам епископ, обучая слушателей катехизису по учебнику де Камелиса, христианской морали по книге епископа Бизанция, а христианско-церковному обряду и другим «наукам» по «собственным запискам». Обучение в духовной семинарии проводилось «по руськи», т. е. на церковно-славянском языке с значительной примесью мадьярских, словацких и местных «русинских», слов и оборотов речи.

Позднее, число учеников семинарии доходило до 120 человек, а срок обучения был продлен до трех лет. Однако большинство учащихся осваивали премудрости науки только через пять лет пребывания в семинарии, а отдельные слушатели обучались в бурсе десять лет. Мукачевская семинария была организована по образцу иезуитских богословских школ. Учителями, как правило, являлись молодые священники, окончившие богословские и иезуитские академии.

Главным предметом обучения была «католическая моралистика». Кроме того, слушатели изучали богословие, толкование евангелия, деяния апостольские и латинский язык. Главным методом обучения были «зубрежка и ферула», как выражались некоторые авторы. Слушатели старших курсов семинарии проходили регулярную «священническую практику», участвуя в церковных богослужениях и выступая с проповедями в ближних приходах. Особенно строго администрация семинарии следила за нравственным воспитанием и благонадежностью обучающихся. На каждого бурсака была заведена «метрика», своеобразный послужной список, куда заносились, помимо объективных данных, показатели успеваемости, оценки поведения и данные о «моральном состоянии».

Одним из наиболее старых учебных заведений в Закарпатье, находившемся целиком под влиянием католической церкви, была ужгородская гимназия, основанная в 1613 г. в Гуменном графом Георгием Другет. Перешедший из лютеранства в католицизм Другет стал ярым его проводником. Он обратился к главе ордена иезуитов в Риме Клавдию

Аквавини с просьбой прислать монахов-незуптов в основанную им гимназию, которая призвана помочь «освободить из изгнания католическую веру и вернуть ей права свои». В 1645 г. гимназия была переведена в Ужгород с той целью, чтобы «возвратить еретиков в апостольскую католическую веру».

В течение 160 лет ужгородская гимназия находилась в руках незуптов. В ней ежегодно воспитывалось 100—170 учеников из числа привилегированных слоев населения, подготовлявшихся к «служению великому делу католической церкви». Со времени епископа Бачинского в гимназию был открыт доступ и для «богобойной русинской молодежи», из числа которой униатская церковь вербовала прислужников Ватикана.

В 40-х годах XVIII ст. встречаются первые данные о «певцо-учителях», т. е. дьяках, выполняющих одновременно и обязанности учителей. Это были недоучки, подготовленные мукачевской семинарией и монастырскими бурсами. В списках церковных приходов за 1738 г. по Мукачевско-Чинадиевской домнии значилось, например, 21 село, где были певцо-учителя, которые получали за свою работу в год от 1 до 18 гульденов (от 80 коп. до 15 рублей)¹³⁹).

Такое мизерное обеспечение певцо-учителей не создавало у них, понятно, никакой заинтересованности в деле «народного просвещения». Ходячей поговоркой, отражавшей отношение певцо-учителей к своим обязанностям, тогда была: «Яка плаца, така й праца».

Только в последней четверти XVIII ст. в школьном деле, отданном на откуп греко-католической церкви, вводится известная система. Марии Терезия своим *ratio educationis* устанавливает три типа школ:

1. Сельские, приходские одноклассные школы;
2. «Тривиальные» — трехклассные школы для небольших городов;
3. Четырехклассные городские школы.

Этим же указом предоставлялось право во всех школах проводить обучение на «материнском языке».

В соответствии с этим законом в Закарпатье создается некоторое подобие школ в крупных казенных имениях, в жупах Марамарош и Уг. В договоре епископа Бачинского с эраром, заключенном в 1778 г., говорилось о выделении в жупе Марамарош «повтелека» в каждом приходе для певцо-учителей, о постройке для них домов, в которых одна комната отводилась бы для обучения детей.

В документах, относящихся к 1793 г., фигурируют уже первый «инспектор угрорусских школ», Дмитрий Попович, и директора народных школьных округов. Некоторое представление о состоянии «народного просвещения» в конце XVIII ст. дают материалы ревизии церковных приходов Угочской жупы за 1795 г. Из 19 обследованных приходов только в двух дьяки обучали детей грамоте в школах; в шести приходах — «дьяк школяров учив бы, если бы засылали детей»; в семи приходах только «в великом посте» дьяк обучает детей «молитвов и початков веры». В остальных четырех приходах дети или вовсе не обучаются, или «просветительная» деятельность дьяков ограничивается тем, что они «зарученных» учат «початков веры и повинностей супружеских»¹⁴⁰).

При епископе Бачинском мукачевская духовная семинария в 1778 году была переведена в Ужгород, значительно расширена и реорганизована в соответствии с требованиями постановления католического богословского образования. Воспитанные в семинарии униатские богословы, еще в большем числе, чем до этого, направляются на казенный кошт для получения высшего духовного образования в незупитские богословские академии Будапешта, Вены, Тирнавы, Ягера. В 1774 г. по указу Марии Терезии была основана генеральная духовная греко-католическая семинария в Вене — «*Vagabund*», подготавливавшая законченных проводников

католицизма — иезуитов для Галиции и Закарпатья, в которой «угорским русинам» было предоставлено 12 мест

Для того, чтобы разорвать культурные нити, связывавшие Закарпатье с Украиной и Россией, австрийские власти и их греко-католические приспешники всячески препятствуют проникновению литературы из России чтобы, как выражались униатские авторы, — «убить русское слово под Карпатами» и искоренить «разрушительный дух москальской ирреденты».

Первые сведения о проникновении в Венгрию русских «ходебщиков» — книгонош относятся к середине XVII в. Для того, чтобы не допустить ввоза книг из России, которые, по выражению историка реакционно-клерикального направления, Антала Годинки, — «были написаны в схизматическом духе и переполнены блудными... науками», — с 1693 г., указом Леопольда I вводится цензура для книг, изданных вне Венгрии. С этого времени ввозимые в Венгрию книги направлялись в Тирнавский университет, канцлеру которого была поручена проверка их и предоставлено право конфискации «опасной для церкви и государства» литературы. С 1711 г. усиливается таможенная пограничная стража, которой предписывается задерживать привозимые из заграницы книги до проверки их цензурой.

В 1726 г. мукачевский епископский викарий Иосиф Годермарский, по поводу той «опасности», которую несут книги, изданные в России, писал наместническому совету: «...На Карпатскую Русь привезено из Польши много схизматических церковных книг, частично необходимых для совершения богослужения, таинств и обрядов, частично для проповедей, но все эти книги полны еретических учений, главным образом об исхождении святого духа; некоторые же прямо направлены против папской власти. Если эти книги не будут запрещены и конфискованы, писая в заключение викарий, то пропадет все, чего достигло принявшее унию духовенство»¹⁴¹). В ответ на это наместнический совет предоставил право мукачевскому епископу конфисковать ввозимую из России литературу, так как она не только «вредит унии, но и угрожает общественному спокойствию».

Первый случай задержания 530 церковных книг, изданных в России и доставленных в Закарпатье владимирскими «ходебщиками» Иваном Шачяниным и Михаилом Вакуровым, относится к 1727 г.

Насколько были обеспокоены католические магнаты проникновением в Закарпатье и Трансильванию «московитского духа», показывает письмо ягерского епископа Барковци наместническому совету, написанное в 1751 г.: «Известно, — писал он, — что в ягерской епархии живет так много русских и румын, что их попов в четыре раза больше, чем римско-католических священников. Предки этих русских и румын приняли унию, но как я убедился при визитациях церквей, по большей части только по имени. Схизматический обряд, схизматическое воззрение, схизматическая мораль господствуют у них. Причиной этого является невежество и небрежение их попов, которые и сами не свободны от ошибок в вере и морали, все это от того, что они пользуются преимущественно московскими церковными книгами. При допросе попов я усмотрел у многих ужасные заблуждения, почерпнутые из схизматических книг. Между прочим, во время богослужения они поминуют вместо его величества и папы, царя и петербургского патриарха».

В заключение ягерский епископ указывал, что, несмотря на дешевые книги, издаваемые иезуитами в Польше, «подакные угро-русье» «предпочитают обращаться в Москву, несмотря на далекое и трудное путешествие. Очевидно им нравится заблуждение московских книг»

Через три года тот же епископ доносил правительству, что в Венгрию прибыл некий «архиепископ московит» с 12 возами, среди которых два наполнены книгами. Мария Терезия лично дает распоряжение установить наблюдение за русским архиепископом и выяснить, какие он привез книги и не распространяет ли их в Венгрии. «Провоз архиепископом московитом книг, — писала она, — по разным причинам, а также и государственным, требует особого внимания, так как их распространение представляет явную опасность в деле расширения схизмы в Венгрии». Расследованием было установлено, что проезжий «московит» являлся черногорским митрополитом, возвращающимся из России с подарками от императрицы Елизаветы, среди которых были богослужебные церковно-славянские книги.

Транспорты литературы из России задерживались и в 1756 г. и в 1757 г., когда в Ужгород было доставлено 1146 книг, а также и в последующие годы. В 1759 году Ужанской таможней было задержано 9 возов книг из Киева; в следующем году поступило 999 экземпляров книг, а в 1762 г. 733 экземпляра, среди которых было 400 букварей. Последние данные о задержании 448 книг в Марамарош-Сигете, относятся к 1770 г., когда русские торговцы-книгоноши Стефан Грегорович, Иван Иванов и Игнат Тимофеев, после двухмесячного пребывания под арестом в карантине, были высланы в административном порядке в Россию¹¹²).

В 1773 г. по распоряжению Марии Терезии созывается совещание униатских епископов для разработки мер, которые предотвратили бы распространение и парализовали влияние «вредоносной литературы». Совещание решило создать «славянскую» типографию с той целью, чтобы «выпереджати опасностям и всем бедам, яке могли повстати из уживания российских книг».

Таким образом, главари униатской церкви, активно поддерживаемые Габсбургами, поставили перед собой задачу путем издания католической литературы на церковно-славянском языке, путем запрещения и уничтожения русско-славянской литературы в Закарпатье вырвать с корнем вековые приобретения русско-славянской культуры.

Древними очагами восточно-славянской культуры в Закарпатье, как это было и в Киевской Руси, являлись монастыри. В созданных уже в XIV веке грушевском монастыре в Марамароше и мукачевском монастыре на Чернечей горе, а также в возникших в последующие два столетия обителях в Барсане, Белой Церкви, Сарвасове, Занове, Углях, Вельховцах и других местах, — ученые монахи переписывали, печатали при помощи примитивных типографских средств духовно-богословские книги на древне-славянском языке, способствуя, таким образом, укреплению связей населения Закарпатья со своей матерью Русью и распространению в Закарпатье древне-восточной славянской культуры.

Почти вся древнейшая литература Закарпатья представляла собой списки с рукописных книг и изданий Киевской Руси. Сюда относятся мукачевский и имстичевский отрывки из евангелия и минеи XII—XIV вв., ужгородская праздничная минея XV—XVI вв., поляно-кобыляцкая триодь 1561 г., ужгородский полуустав XIV ст., содержащий в себе «великий монастырский молитвенник», являвшийся списком одного из киевских полууставов.

Наряду с этим в Закарпатье распространяется поучительная литература, включающая в себя «толковые и поучительные» евангелия, состоявшие обычно из текста евангелия и толкования к нему, приспособленного к «разумению простых и не книжных мирян», написанных язы-

ком, «которым молят люди, чтобы могли разумеги убоги». Поучительная литература содержит в себе и полемический элемент, направленный против протестанских течений и католицизма. Важнейшими поучительными евангелиями Закарпатья являются Даниловское, Пряшевское, Ладомировское, Грабское, Медвяницкое, относящиеся к XVII в. Кроме евангелий, были распространены и сборники поучений, где наряду с легендарно-апокрифическими сюжетами встречаются и светские, заимствованные из византийской и древне-русской литературы. Важнейшими из сборников поучений XVI—XVII веков являются Торунский, Углянский, Ракошинский «прологи» и «Тереблянский пролог» XVI в. на церковно-славянском языке, представляющий собой копию древне-русского оригинала.

Помимо печатавшейся в старой типографии грушевского монастыря православной духовной литературы, и ввозившейся через Карпаты из Руси, не мало книг поступало в Закарпатье из брашовской типографии в Семиградь. В XVI ст. нередко в Закарпатье проникала литература из северной Италии и Албании, как, например, «цветная триодь», изданная в 1563 г. в Скутари, «служебник» 1519 г., «сборник» 1538 г., псалтирь 1561 г., изданные Божедаром Вуковичем в Венеции.

Насаждатели унии в Закарпатье не могли не учитывать того, что сторонники «русской веры» имели, — как выражался Кондратович, — за собой «большинство народа, имели за собой и традицию», подразумевая под «традицией» преданность народных масс к своей родной восточно-славянской, русской культуре. И эту традицию, эти вековые связи, кровное родство с Русью намеревались разорвать апологеты западной культуры и католицизма. Одним из средств духовного ослепления сознания масс трудящихся Закарпатья и являлась католическая литература, которая должна была принести «передовое западно-европейское мировоззрение», подорвав вековые корни восточно-славянской культуры в Закарпатье.

Первая попытка вытеснения «московитской» литературы в Закарпатье и замены ее «ортодоксально-католической» принадлежит мучачевскому епископу де Камелису в конце XVII в., который, — как пишет современный уннатский автор, — «своим острым умом скоро понял, что причиной схизмы является необученность, неграмотность духовенства и недостаток добрых, соответствующих книг»¹⁴³).

Де Камелис обращается к своему патрону, кардиналу Колоничу, к этому «искреннему добродетелю русского духовенства», — как его называла раболепствующая уннатская печать, — с просьбой создать в мучачевской епархии «руськую типографию». Однако Колонич отказал в этом своему клевету, не будучи уверенным в прочности унии в Закарпатье. Зато Колонич обещал незуитскую типографию в Тирнаве церковно-славянским шрифтом «для торжества западного мировоззрения», которое, — по словам Кондратовича, — «принесло средство для распространения культурной образованности».

О каком средстве «распространения культурной образованности», которое принесло «новое западное мировоззрение» говорит этот заслуженный наймит Ватикана? Он имел в виду все средства, всю систему католической пропаганды для одурманивания масс, которую могла теперь поставить себе на службу униатская церковь. Он имел в виду, прежде всего, те широкие возможности и огромные материальные средства Ватикана, которые были использованы для удушения «русскости» в Закарпатье, для наводнения его католической литературой на «материнском» языке, выходящей из незуитских типографий Ватикана, Австрии, Венгрии и Польши.

«Славянское» отделение тирнавской типографии являлось главным поставщиком католической литературы для Закарпатья. Здесь в 1727 г. была издана «Казуистика» мукачевского епископа Бизанция, носившая название «Краткое припадкове моральных или нравных собрание». В первой половине XVIII ст. «славянское» отделение из Тирнавы было перенесено в Клуж (Claudiopolis, Семиградье) в типографию иезуитов, издавшую в 1746 г. «латино-руську» книгу епископа Мануила Ольшавского «Elementa puerilis insitutionis in lingua latina» («Начало письмен детем к наставлению на латинском языке»). Эта книга была издана как учебник для воспитанников мукачевской богословской семинарии.

Однако дело с открытием собственной «русской» типографии в мукачевской епархии все время откладывалось. Всесильные ягерские епископы не могли передоверить печатание литературы своим викариям, не будучи уверенными в их ортодоксальности. В 1765 г. епископ Мануил Ольшавский предложил графу Эрвину Шенборну, владельцу Мукачевской доминии, открыть типографию под его именем. Просьба Шенборна и Ольшавского императорской канцелярией была направлена на заключение ягерского епископа графа Эстергази, который воспротивился проекту создания типографии в мукачевской епархии. Только через сто лет, в 1863 году, в Закарпатье была открыта первая «русская» печатня немца Карла Йегера. До этого униатской церкви приходилось довольствоваться литературой, издаваемой за пределами Закарпатья.

В 1770 г. Мария Терезия предоставляет всенскому университетскому типографу Курцубеку право открыть «славянскую» типографию. Здесь были напечатаны три книги для униатских епархий, сразу же конфискованные, так как они «поддерживали схизматическую ересь», включив в «сборник» православные праздники. Цензор «русской» литературы, мукачевский епископ Брадач, чуть было не заплатился за этот промах своим епископским саном. Брадач, «как подозрительный, должен был изюжить исповедание католической веры в руки Фогарашского (Семиградского) епископа», — писал Кондратович. Однако Курцубек, как истый делец, считавший, что дело оттенков веры вопрос второстепенный, а важнее всего прибыль, — продолжал и в дальнейшем способствовать делу «схизмы». В его типографии «вырывали заглавные листы тех книг, которые были конфискованы у московских книготорговцев, вкладывали вместо них новые и продавали книги, как печатанные в Вене»¹⁴⁴).

Вот почему на совещании униатских епископов в 1773 г. так решительно был поставлен вопрос об упорядочении дела издания католической литературы на славянских языках. С этого времени открываются «славянские» отделения во многих типографиях Австрии и Венгрии и устанавливается строгий контроль за выпуском печатной продукции, которая могла выйти в свет только с разрешения ягерского епископа. После совещания католическая макулатура на славянских языках стала издаваться в больших количествах типографиями Венского и Будинского университетов, типографией мекхитаристов в Вене, иезуитскими печатнями в Кошицах, Перемышле, Львове, Коломыи и др. местах.

Что же представляла собой эта «ортодоксальная» католическая литература? В «Богословии» некоего попа Дмитрия из села Кривого, изданного в Будине в 1778 г., излагаются, например, в соответствии с «передовым западно-европейским мировоззрением», основы учения «о сотворению неба и земле, видоного всего мира и еже в нем». После «отпадения сатаны», — говорит автор этого «ученого трактата», — бог задумал создать человека, «абы был участником вечной хвалы божией». Прежде всего бог приводит «из не бытия во бытие всю видимую тварь, яко то небо и землю».

Бог создал фундамент видимого мира, состоящий из четырех элементов: «светлость огненна», воздух, вода и земля. «От этих четырех стихий все речи суть сотворени», а именно, из «светлости огненной» сотворены солнце, луна и звезды; от воздуха — дыхание всех животных и человека; от воды — «два рода оживлений, як то рыбы и птицы, и прочее»... Так распространяла через свою печатную макулатуру католическая церковь псевдо-научные, теологические средневековые представления об окружающем человеке мире, создавая «туманные образования в мозгу людей», как выражались Маркс и Энгельс.

В начале XIX ст. типография Будинского университета издала библию Бачинского, «Катехизис или наука православная христианская» Иоанна Кутки, сборник проповедей севлюшского священника Александра Мигалича — «Лестница к блаженному животу или наука спасительная на свята всего лета», ставившая задачей дать готовые, апробированные магнатами католической церкви проповеди для униатских священников, которым «тяжко и трудно есть» подготовиться к выступлению с амвона.

В это же время католическая церковь, протягивая свои щупальцы и к душам солдат-русинов, издает «труд» Иоанна Фогарашия (Бережанин) — «Молитвенник, содержащий благопотребные моления... ко стану и званию благоверных славено-русских греко-кафолических австрийской армии воинов приспосбленных». Все это творчество униатских авторов отличается поразительным скудоумием и невежеством.

Единственное издание конца XVIII века, заслуживающее внимания — это «Brevis notitia Foundationis Theodori Koriathovics»...¹⁴⁵) игумена мукачевского монастыря Иоанникия Базиловича, вышедшего в трех томах в Кошицах на протяжении 1779—1781 гг., содержащее большое число исторических документов, собранных автором.

Униатские авторы пытаются изобразить Иоанникия Базиловича «отцом истории русинов», а некоторые идут еще дальше, заявляя: «...чем был для русских Карамзин... тем был для русинов Иоанникий Базилович». Но это совершенно неправильная оценка заслуг Базиловича перед наукой, искусственная и неправдивая аналогия, так как Базилович ничего, кроме систематизации данных, относящихся к происхождению Ф. Корнятовича, и документов по истории мукачевской епархии до 1779 г., по-сути, не дал. Цель исторического исследования И. Базиловича заключалась в том, чтобы путем ссылок на подложную грамоту Корнятовича обосновать законность притязаний мукачевского монастыря на привилегии, земельные владения, угодья и доходы, а также тенденциозным подбором исторических документов показать «благодетельное» влияние униии на судьбы «рутенев». Положительное в труде И. Базиловича это обоснование принадлежности русинов к восточно-русскому племени.

Исторический труд другого, расхваливаемого униатской печатью, автора, Миханла Лучкая (выступавшего под псевдонимами «Матяцков» и «Поп») — «Historia Carpathoruthenorum», оставшийся в рукописи, также не является сколько-нибудь значительным вкладом в науку. Лучкая только дополняет документы, собранные Базиловичем и продолжает освещение истории мукачевской епархии в духе апологетики католицизма.

Униатские писатели причисляют Лучкая к «выдающимся карпато-россам» не столько за его «рвение к истории», сколько за то, что он являлся одним из первых закарпатских униатов, выдвинутых Ватиканом за свои заслуги: «в высшие сферы европейского образованного общества».

Лучкай в течение двух лет находился в должности священника придворной церкви герцога Карла Людовика Бурбона в Лукке и, как подчеркивали униатские историки, «снискал любовь и уважение» своего знатного патрона. Рвенне в прислужничестве сильным мира сего открыло дорогу Лучкаю и ему подобным в разряд «великих людей богоспасаемой епархии мукачевской».

Широчайшие возможности для продвижения в «высшие сферы европейского образованного общества» получили также те представители греко-католического духовенства, которые избрали своей специальностью распространение мракобесия и фидеизма посредством философско-литературных упражнений.

Для доказательства того, что «единение с Римом» стало источником распространения в Закарпатье «истинно-научного» мировоззрения, униатские авторы XVIII ст. исписали немало бумаги. Их доводы и положения были подхвачены и развиты позднее реакционно-клерикальными ревнителями «святостефанской идеи» и украинскими буржуазно-националистическими наймитами, которые пытались обосновать, во-первых, существование «самостийной» закарпатской философии, питающейся идеями «передовой» западно-европейской научной мысли, и, во-вторых, — «полное соответствие» этого мировоззрения «национальному духу закарпатского народа», который-де «природно прилепляется» к западно-европейской цивилизации, отвергая «отсталые и блудные» веяния с Востока.

Антинародная цель этих разглагольствований ясна; отгородить Закарпатье от влияния передовых идей, утвердить реакционное, идеалистическое христианско-католическое мировоззрение и превознести роль униатского духовенства как носителя «модерных» научно-философских взглядов.

Первым представителем «подкарпатской философии» эти авторы считают П. Лодня¹⁴⁶) за сделанный им перевод произведения немецкого философа-идеалиста—вольфианца Баумейстера «Христиана Баумайстера наставления любомудрия нравоучительного» (Львов, 1790 г.).

Этот первый плод свой,—по выражению Лодня,—на философском поприще он посвятил мукачевскому епископу Бачинскому. В предисловии к книге Баумейстера Лодний ограничивается несколькими фразами об «истинном добре» и «истинном благополучии». Это все, что относится к «собственным философским словам» самого Лодня, — как признают изобретатели «самостийной философии», однако, ничтоже сумняшеся, причисляют его к «основоположникам» подкарпатской философии, подчеркивая употребление Лодием «народной терминологии».

Написанные и изданные Лодием в России философские произведения «Логические наставления, руководствующие к познанию и различению истинного от ложного» (1815 г.) и «Феория общих прав, содержащая в себе философское учение о естественном всеобщем государственном праве» (1829 г.) эти авторы не относят к вкладу в «самостийную философию» потому, что «на севере Лодний утрачивает часть своего народного обличия в чужой среде»(!)

Из среды греко-католического духовенства Закарпатья, как утверждали украинские буржуазно-националистические авторы, — вышло немало «своих мужей науки» и так сказать философов-мыслителей в потенции, ибо «прикованные к церковным приходам, без библиотек и культурного окружения не могли они проявить соответствующим образом свой галант». Но, несмотря на это, восхвалители «униатского возрождения» всех доморожденных мудрствующих теологов малоберезнянского или корытнянского приходом огульно причисляют к «философам-мыслителям», а всякую проповедь с церковного амвона, одобренную

глубокомысленными софизмами и плоскими изречениями, заимствованными из творений средневековых схоластов. — к «оригинальной философской конструкции».

Какой вклад, например, внес в философскую науку священник Теодорович из с. Великие Михайловцы? Его перу принадлежит перевод с мадьярского «Домашнего врача» и небольшой сборник афоризмов из области житейской философии. Вот вся «философская» продукция Теодоровича, перешедшая к потомству в рукописи.

Однако все это несколько не смущает изобретателей «самостоятельной философии». Ведь в этих афоризмах, — говорит один из них, — «встречаются такие имена, как Аристотель, Сократ, пару раз Демокрит, приводится пара цитат из Фомы Аквинского». Чем же это не основания, чтобы увенчать приходского священника лаврами философа-мыслителя?

Греко-католическому священнику Василию Довговичу¹⁴⁷) как «ученейшему мужу Подкарпатья», «своеобразному подкарпатскому Ломоносову», удостоившемуся даже избрания в члены—корреспонденты Венгерской Академии наук в 1831 г., посвящен ряд исследований буржуазно-националистических и уннатских авторов¹⁴⁸).

Чем заслужил В. Довгович избрания в Академию Наук? В. Довгович являлся представителем рептильной литературы, получивший известность прислужничеством перед господствующими классами и распространением фидензма.

Один из исследователей о «заслугах» Довговича перед наукой писал: «Довгович вначале придерживался философии Канта, изучал философию его последователей Фихте и Шеллинга, наконец, отходит от них и создает собственную философскую систему... с проблесками гениальной глубины мысли», предвидя то, что «позже было доказано наукой».

Можно подумать, что мы действительно имеем дело с масштабым ученым, открывшим новую страницу в истории философской мысли. В действительности же, кроме напыщенной претенциозности и бесплодных потуг затмить своих философских предшественников, не только сравняться с Декартом и Ньютоном, но даже превзойти их, ничего кроме повторения архиреакционных концепций идеалистической философии в трудах В. Довговича мы не имеем.

Его философские произведения «Extractus systematis Kantiani» и «Lexicon philosophicum» оказались настолько примитивным пересказом общеизвестных философских истин, что не могли быть изданы и остались в рукописях.

Известность В. Довговичу создали три небольших произведения, изданные на мадьярском языке: «A világ megnézéséből a Termető» («Творец видимого мира»), «A világ alkotmányáról egy lépéssel feljebb mint Cartész és Newton» («О строении мира на один шаг выше, чем Декарт и Ньютон»), «Isten létének meggyutatására való törekedések» («Стремление к доказательству существования бога»).

«Новое», внесенное Довговичем в науку это доказательство «экзистенции бога»... Бог — это «великий кормчий природы», «отец всего существующего», «главный дирижер» и «компас всех явлений», — вот «откровения», поведанные миру Довговичем.

Для чего понадобилось трубадурам Ватикана превозносить до небес «заслуги перед наукой» и «новейшие открытия» Довговича, его «теорию небес»? Цель ясна: затемнить научное объяснение происхождения и развития мира распространением реакционно-теологического мировоззрения. В философии Довговича, заявляли они, «отражается и характер его народа». Так реакционно-идеалистическую философию

угнетателей народа эти прислужники мракобесия пытались выдать за «философию народа».

В. Довговичу принадлежит также большое количество стихотворений, главным образом, на религиозно-богословские темы. «Довгович пишет оды, размышления, сатиры и эпиграммы; Вольтер, Руссо, Кант, Наполеон, Спиноза — все это хорошо известно Довговичу», — в таких выражениях авторы «Истории подкарпатурськой литературы» характеризуют его «всеобъемлющий талант».

Характерно распределение стихотворений Довговича по языку написания. Из 192 его стихотворений 131 написано по-латынці, 41 — на мадьярском языке и только 18 на русинском наречии. Смысл этого соотношения очевиден. Довгович писал свои вирши преимущественно на латинском и мадьярском языках, затрагивая в них философско-космические и богословско-догматические вопросы, только с той целью, чтобы показать свою научную эрудицию и оправдать почетное звание члена-корреспондента Королевской Академии Наук. «Холопский язык» был непригоден для этой цели.

Что же касается нескольких стихотворений, предназначенных «для прощавы» (простонародья), то они представляли собою чрезвычайно убогие по содержанию и форме вирши религиозно-дидактического характера.

В стихотворении «Песнь храму церкви Должанския» Довгович, прикрываясь «народолюбием», призывает верующих искать утешения от житейских невзгод в молитвах.

Другое стихотворение Довговича «Пьяница и его корчажица» выдержано в духе дешевой юморески «для народа». Пьяница, обращаясь к «корчажице», говорит:

«В тебе ротик геї кругличка,
А йще яке мудре личка!
Кобы ты мя цюловала!
Най бы собе жона спала»...

Пьяница завещает, наконец, похоронить его вместе с «корчажицей», а на надгробной плите начертать:

«Тут тоты двое спочили,
Что до смерти в любви жили:
Еден неборак пянница,
Тай и его корчажиця»¹⁴⁹).

Несмотря на все меры, предпринимаемые габсбургско-католической реакцией в целях удушения национальной культуры закарпатских украинцев, несмотря на преследования, которым подвергалось русское слово, культурные связи Закарпатья с Украиной и Россией продолжали укрепляться и расширяться из десятилетия в десятилетие.

Литература из Украины и России проникала через все рогатки и кордоны в Закарпатье. Произведения русских и украинских передовых писателей распространялись в списках, переводились на местное наречие, печатались нередко без указания автора в школьных учебниках, книгах и газетах. Зарождающаяся национальная литература в Закарпатье формировалась под влиянием русских и украинских классиков.

В развитии письменности в Закарпатье большую роль сыграла «Российская грамматика» М. Ломоносова, а его теория «трех стилей» оказала несомненное влияние на творчество закарпатских писателей первой половины XVIII столетия.

Произведения Карамзина, оды Державина, басни Крылова, баллады Жуковского, «Энеида» Котляревского печатались в оригиналах и переводах, распространялись в рукописях. Первые драматические произведения, возникшие в конце XVIII ст., носят на себе отчетливые следы подражания Сумарокову и Княжнину.

Творения Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Шевченко получили особенно широкое распространение в Закарпатье во второй половине XIX ст. не только среди местной интеллигенции, но через школьные учебники, популярные издания, периодику, а также в списках проникали в народные массы, укрепляли в них чувство братства с остальным украинским народом, с русским народом, приобщали их к русской культуре, воодушевляя народные массы на борьбу за свое социальное и национальное освобождение.

Известное влияние на укрепление культурных связей Закарпатья с Украиной и Россией оказали и представители закарпатской интеллигенции, переселившиеся в Россию в XVIII и XIX вв. После открытия Казанского университета, когда встал вопрос о приглашении ученых из-за границы, министр просвещения в докладной записке по этому поводу писал: «Один народ, от которого нам можно желать ученых, есть карпатороссы, говорящие одним с нами языком и сохраняющие веру предков наших». Но, поскольку, как говорилось в докладной записке, «правительство австрийское не благоприятствует сношению карпатороссов с нами», необходимо войти в сношение с австрийским правительством «для приобретения ученых из карпатороссов».

Самостоятельно и по приглашению русского правительства в Россию и на Украину в конце XVIII и в первой половине XIX столетия выехали уроженцы Закарпатья Михаил Балудянский, занимавший должность ректора Петербургского университета, впоследствии сотрудник Сперанского; Ю. Венелин — автор ряда трудов по истории славян; П. Лодий — профессор юридического факультета Петербургского университета; И. Орлай — директор Ришельевского лицея в Одессе, автор «Истории о карпатороссах» и др.

Униатско-католические прислужники господствующих классов Австро-Венгрии, в противовес нелегальному распространению литературы на русском языке, принимают меры к ускоренному переводу латинских книг на русинский язык, которые могли бы противодействовать влиянию «внешних сил». Естественно, в связи с этим возникла необходимость создать грамматику языка, на который эта литература должна быть переведена. Эта задача была возложена на доктора богословия, впоследствии игумена монастыря в Буковцах, Арсения Коцака, который подготовил «грамматику русскую», явившуюся по сути переделкой церковно-славянской грамматики Мелетия Смотрицкого, изданной еще в 1619 г. Труд Коцака, однако, не увидел света. Его грамматика осталась в рукописи, так как католические хозяева требовали сострять такую «грамматику для русинов», которая все больше отдаляла бы их от русско-славянского языка и русской культуры.

«Народное образование», поставленное на службу интересам господствующих классов и католической церкви, было подчинено той же цели — воспитанию подрастающего русинского поколения в духе преданности цесарскому престолу и «святому отцу» — папе.

Народные школы даже в первой половине XIX ст. владели жалкое существование. Учителя — дьяки, сами полуграмотные и невежественные, обучали детей «чтению, закону христианскому и церковному пению», для которых и «само учительство было миморядное занятие». Никаких учебников, кроме церковно-славянского букваря и псалтиря — и то не

во всех школах — не было. Никакой системы обучения, конечно, не существовало.

Писатель А. Кралицкий в своих «Воспоминаниях» по этому поводу говорил: «Уже на склоне 40-х годов начали заводить кое-где по селам народные училища, но это была большая редкость. Обыкновенно 5—6 мальчишек собирались у дьячка, в его тесной хате и изучали грамоту по печатаным в Пеште тамошними сербами букварю, часословцу и псалтирю. Вот и весь запас учебников».

Ф. Энгельс, говоря о состоянии народного образования в Австрии накануне революции 1848 г., указывал, что духовная пища, насколько она позволялась народу, выбиралась «с самой придиричивой щепетильностью» и отпускалась «насколько возможно скупое». Повсюду воспитание находилось в руках католического духовенства.

Еще с большей «щепетильностью» и еще более «скупое» отпускалась духовная пища поработенным массам трудящихся Закарпатья. В условиях господства феодально-крепостнических отношений, когда трудящееся закарпатское крестьянство вымирало от зверской эксплуатации и хронического голода, — не было, естественно, никаких условий для развития народного образования. Тем более, что, по выражению современной этой эпохе газеты, — «никто не беспокоился учить народ в школах» и народное просвещение «было весьма пренебрежено» — так что ни взрослое население, ни дети «не могли ничему иному научиться, как тому, что предлагали священники в храмах для... нравственного назидания»¹⁵⁰).

«Церковная газета», характеризуя положение народных масс и состояние школьного дела накануне революции 1848 года, писала: «.. До освобождения крестьян от панщины, народ наш был весьма угнетен, так как будучи принужден обрабатывать землю, которая не была его собственностью, с неизбежным убытком для собственного хозяйства, ибо проводя все время на чужой работе и в отлучке от дома своего, он не успевал возделывать собственных земельных участков, следовательно, подвергался всем бедствиям убожества и лишения... то мы некоторым образом можем извинить встречающееся у нас по настоящую пору, весьма незначительное число сельских училищ»¹⁵¹). Во многих местах «народ наш, особенно во время неудачного урожая подвергается такому бедствию, что не будучи в состоянии пропитать себя, с голоду умирает многочисленно по селениям нашим. Как же можно требовать, — спрашивала газета, — чтобы народ наш.. на своем иждивении выстроил школьный дом и платил учителя»¹⁵²).

Эти свидетельства униатской газеты опровергают лживые утверждения униатских же историков более позднего времени, типа кондратовичей и гаджег, которые вопреки историческим фактам пытались доказывать, что уния якобы стала источником «культуры духовной, политической и материальной», что она открыла «новую страницу» в жизни русинов, так как «подкарпатские архипастыри, приняв унию приложили немало усилий к тому, чтобы народ вырвать из темноты невежества»

Униатская церковь действительно «приложила немало усилий», распространяя «гнусное учение о предустановленном рабстве» (Маркс и Энгельс), затемняя проповедью мракобесия сознание трудящихся, освящая авторитетом церкви феодально-крепостнический строй, проводя ассимиляторскую политику господствующих классов Австрии и Венгрии. «Проникновение и принятие униатства, — писал чешский автор Карель Кадлец, — отразились роковым образом на венгерских руссинах в национальном отношении.. школа перестала быть для них националь-

ной крепостью»¹⁵³), превратившись в орудие германизации и мадьяризации.

Утверждение церковной унии в Закарпатье открыло новую черную страницу в истории карпато-украинских трудящихся, вынесших на своих плечах всю тяжесть вековой борьбы против феодально-католического порабощения, и сохранивших, несмотря на все гонения и преследования со стороны чужеземных ассимиляторов и их уннатских пособников свою «русскость», как народную святыню, как свою наибольшую духовную и культурную ценность.

ГЛАВА XI

**УСИЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ И РАЗОРЕНИЕ
МАСС КРЕСТЬЯНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII СТОЛЕТИЯ**

Буржуазно-националистические и греко-католические прислужники Ватикана не только лживо и лицемерно восхваляли «эру духовно-культурного подъема» Закарпатья, которая якобы наступила в связи с введением церковной унии, но без зазрения совести расписывали в самых радужных тонах и те «материальные блага», которые, мол, получили массы карпато-украинского народа в результате «воссоединения» с Римом. В. Гаджега, кощунственно извращая историческую правду, писал: «доля русинов только тогда начинает улучшаться, когда они вошли в лоно католической церкви...».

Исторические факты свидетельствуют как раз об обратном. Период утверждения унии в Закарпатье - это эпоха чудовищных бедствий трудящихся масс, усиления их закрепощения и катастрофического разорения. Понятно, что причины этих явлений определялись не изменениями в церковно-религиозной жизни, не насильственным обращением православных масс верующих в католицизм. Причины этих явлений обусловлены исторически, теми социально-экономическими изменениями, которые происходили в недрах разлагающегося феодально-крепостного строя.

Однако утверждение католицизма в Закарпатье в форме униатства еще более усугубило тяжесть положения непосредственных производителей и придало этим социально-экономическим процессам еще более мучительный для масс трудящихся характер.

Положение масс крепостного крестьянства в Венгрии и Закарпатье стало еще более тяжелым со второй половины XVIII ст., когда Мария Терезия, нуждаясь в поддержке венгерского дворянства в связи с войной с Пруссией, восстановила с известными ограничениями права, предоставленные мадьярским феодалам «Диким сеймом» 1614 года.

Размеры повинностей и налогов продолжали возрастать, барщина отнимала все рабочее время у крестьянина, вынуждая его до предела сокращать свою запашку, обрекая себя и свою семью на голодную смерть.

Размер портового налога во второй половине XVIII ст. в Венгрии увеличился в 6 раз (с 92 флор. в 1734 г. до 551 флор в 1775 г.). Шестидневная барщина в неделю становится правилом, а во владениях Карольи, Уйгели, барона Перси и др. имевших широкие возможности для сбыта сельскохозяйственной продукции, вводится семидневная барщина.

Крепостные крестьяне находились в полной власти своих господ. Дворяне через своих агентов — старост, судей, нотариусов, опираясь на свою вооруженную силу — гайдуков, грабили и притесняли крестьян, судили и карали их, закладывали за долги, продавали и обменивали как животных, вмешиваясь в личную жизнь крестьян, «регулируя» все стороны существования и быта своих подданных.

Венгерский историк Ачади в таких словах характеризовал положение масс крепостного крестьянства: «Крепостных считали скотом и землевладелец, когда ему было выгодно, мог крепостного продать, отдать в залог с наделом или без надела, поменяться крепостным с другим землевладельцем, как то делал со своим скотом. Землевладелец решал вопросы семейной жизни крепостных, воспитания детей, брака. Йоббадский парень должен был тогда жениться, когда ему прикажет господин, за непослушание — тюрьма». О продаже крепостных в Закарпатье свидетельствует ряд документов, в частности, об этом говорят архивы барона Перени, хроника незвитского коллегуна и другие источники.

Народные песни, устные предания сохранили до наших дней воспоминания о тяжелой доле крепостных, о каторжной барщине.

«А господи милосердний
Як ми бідували,
А поки ме та панщину
Кеждо одбували»... — говорилось в одной из за-

карпатских песен.

Йоббади барона Перени в таких словах описывали тяжесть барщины: «Наша служба господину непрерывная: в понедельник начинается, а в субботу заканчивается, и так целый год. На барщину и в воскресенье нас гоняют, и идем...».

Крестьяне с. Луково Бережского комитата рассказывали: у нас был пан Гездуш из Мужнева. На него мы работали больше, чем на себя. За отказ от работы «гайдуки страшно били... и сам пан бил, мучил всячески народ и морили голодом». Марамарошские крестьяне с. Горбки вспоминали: «Панщина была тяжелой. Кто своевременно не явился на работу, того страшно избивали и все дни барщины, которые были записаны — вычеркивались»¹⁵⁴).

В народной песне XVIII ст. о бесправии крепостных крестьян, произволе и лихоимстве чиновников говорилось в таких словах:¹⁵⁵).

«Тог наше руснаци
По работе, по праці,
Чом иншого не маме,
Вшитко пану даваме,
Внийде вояк, приде пан,
Урядници и ишпан,
Каждый хваце, каждый дре,
Що лем може, то бере.
Гдыш му не даш, цо он хце,
Укаже ти палице,
Бие, кричи: дай, дай!
А ты волаш: яй, яй!
Идеш к пану жаловац,
Мушиш ему дари дац:
Гуси, кури, телятка,
Вайца, масло, прасятка.
А гдыш ты тое не маш,
У пана нич не взыйкаш...»¹⁵⁵).

Тяжелый феодальный гнет, жестокая эксплуатация йоббадей, безграничный произвол дворянства вызывали обострение классовых противоречий между массами крепостного крестьянства и господствующим классом феодалов. Угроза новой крестьянской войны против феодально-крепостного строя, резкое падение доходов королевской казны, в связи с усиливающимся процессом разорения и обнищания масс крестьянства, вынудили правящую клику Австрии заняться крестьянским вопросом.

При Марии Терезии на протяжении 1764—1765 гг. были выработаны так называемые «нормы взаимоотношений между господами и крепостными, принимая во внимание старые законы и новые потребности», которые легли в основу «урбарильной реформы». Буржуазные и унитарские авторы изображают «урбарильную реформу», как проявление «высокой гуманности» Марии Терезии, которая, мол, вопреки желаниям дворянства, «подтвердила все льготы и права крестьян».

Не гуманные соображения, а необходимость, определяемая социально-экономическими условиями, заставила Марию Терезию ввести урбарильный закон, который не мог подтверждать «льготы и права крестьян» по той простой причине, что никакими льготами и правами массы крестьянства не пользовались. Они были совершенно бесправными, отданными на произвол своих господ. Урбарильный закон Марии Терезии ставил задачу только унифицировать, зафиксировать в урбарильных грамотах крестьянские повинности и налоги в пользу дворян-землевладельцев, ограничив в известной мере права вотчинного суда и безудержный произвол дворянства, вызывавший обострение классовых противоречий и нарастание революционного возмущения крестьянских масс господством феодалов-эксплуататоров.

Составление урбариев и введение их было возложено на комитатские власти, т. е. передано в руки дворян, которые использовали это право в своих интересах. По установленному порядку в состав «цесарской комиссии», назначенной для составления и введения урбария по отдельным дворянским именьям, включалось несколько представителей местного дворянства, выделяемых комитатским управлением.

Такая комиссия являлась в село, и в присутствии владельца земли, старосты и «нескольких старших людей из крестьян» составляла урбарильную грамоту по установленной правительством форме. Главные пункты грамоты определяли размеры повинностей крестьян по отношению к землевладельцу-помещику. Никакого влияния представители крестьян, присутствующие при составлении урбария, конечно, на его содержание оказать не могли.

Составленная дворянской комиссией урбарильная грамота поступала на рассмотрение и утверждение дворянского собрания комитата, после чего содержание утвержденного урбария объявлялось крестьянам и землевладельцу-дворянину. Один экземпляр урбарильной грамоты вручался старосте села, другой — помещику.

Первый пункт урбария на русинском языке носил название «о кмецку телеку», т. е. «о наделе крепостного». Единственными собственниками земли признавались только дворяне. Крепостные крестьяне могли только пользоваться господской землей. Наделы крепостных крестьян (*sessio colonialis*) состояли из двух частей: из «кмецкого места» или «внутреннего телека» (*fundus intra villanus*) — усадьбы и «поля», и «внешнего телека» (*fundus extra villanus*) — пахотной земли и луга.

Размер «кмецкого места» урбарием определялся в таких словах: «кмецке место должно быть таким, как одна нива, где можно посеять кобел зерна», т. е. размер крестьянской усадьбы не должен был превышать 1 гольда. Если «кмецке место» было меньше установленной нор-

мы, то недостаток земли поспелся за счет полевых угодий и «тага» (луга); в случае же превышения размеров усадьбы против установленной нормы, излишек ее отрезался из полевой земли крестьянина.

«Поле» состояло из пашни (*beneficium*), луга и непригодных земель (*maleficia*); размер его устанавливался в зависимости от качества и количества земли в имении¹⁵⁶).

Пахотная земля в зависимости от ее качества делилась на три, а иногда и на четыре класса. Причем с понижением качества земли размер гольда увеличивался. Так, один гольд земли I кл. имел 1 100 кв. саж., II кл. — 1 200 кв. саж. и III кл. — 1 300 кв. с. В связи с этим и количество пахотной земли в наделе колебалось от 12 до 22 гольдов (примерно, от 6 до 11 гект.).

Луга делились на части «хусты» («косец»). «Хуст» — это участок, который может выкосить один человек за день. Луговые земли также разбивались на три класса. Луговой надел I кл. состоял из 6 хуст, II кл. — из 8 хуст, III кл. — из 10—12 хуст. Размер лугового надела I кл. определялся приблизительно в 800 кв. саж.; II кл. — в 900 кв. саж. и III кл. в 1 000 кв. саж.

Один полный надел в Закарпатье, в соответствии с урбарильным законом Марии Терезии, должен был состоять из 1 гольда (0,5 гект.) усадьбы, 12—22 гольдов (6—11 гект.) пахотной земли и 6—8 гольдов (3—4 гект.) луга.

Такой «урбарильный телек» или часть его являлась единицей обложения и исчисления размеров повинностей крепостных крестьян. Землевладельцы-дворяне не могли уменьшать размеры урбарильной площади по каждому селу, а крестьяне без разрешения землевладельца не имели права покупать или обменивать наделы земли.

Этот параграф урбарильного закона буржуазные авторы выдавали за доказательство «бескорыстной заботы каролицы о благобыте русинов». Один из закарпатских корреспондентов «Славянских известий» (№ 17, 1819 г.), восхваляя «терезианский урбарий», писал: «Итак, этот *urbarium* обеспечил за крестьянами землю настолько, что помещик не мог ни пяди земли отнять у крестьянина».

Подобного рода утверждения не соответствуют исторической правде, так как закон разрешал землевладельцам обменивать свои земли с крестьянами на равную по количеству и качеству. Не только эта оговорка, а и многие другие оговорки, дополнения и исключения открывали перед помещиками широкие возможности для отвода крестьянам худших земель по качеству и сокращения нормы крестьянского надела, предусмотренной урбарием.

«Желлярские телеки» состояли, обычно, только из усадьбы, или зачислялись в разряд «пустых телеков» (*sessiones desertae*), которые должны были обрабатываться и засеиваться обществом крестьян в пользу помещика. Леса, водные, ягодные, рыбные угодья, выпасы относились к сервитутам и считались собственностью помещика, или, как, например, выпасы, использовались крестьянским обществом и помещиками совместно.

Второй пункт урбария — «який хосен кмете будуть мате» («какую пользу будут иметь крепостные» — был внесен только для отвода глаз и содержал перечисление «прав» крестьян на пользование сервитутами. Расчищенные крестьянином под пашню земли (иртованные земли) не могли быть по произволу помещика отняты или включены в крестьянский надел. «Иртыш» мог быть отобран у кмета за вознаграждение, установленное комитатскими властями. В отношении угодий общественного пользования (выгоны, прилегающие к селам леса) в урбарии говорилось: «Где только можно, должно быть отведено необходимое

пастбище для скота крестьян» Этим исчерпывались «выгоды» крестьян.

Третий пункт урбария — «о кметской работе гай службе» — определял характер и размеры барщинных повинностей крепостных по отношению к землевладельцу. «Каждый кметь, — говорилось там о тягловой барщине, — который сидит на полном наделе, должен один день в неделю отрабатывать на пана с утра и до вечера» «Упряжка» могла быть заменена двумя днями работы «пешего» крестьянина. Таким образом, урбарием устанавливалась с полного надела 52-дневная тягловая барщина в год и 104-дневная «пешая». Желляры, имевшие усадьбу и избу, должны были отработать 18 дней в году, а поджелляры — 12 дней. Если учесть обязательную подводную повинность (один раз в году с полного надела дальняя поездка — *longa vectura*) с упряжкой из четырех лошадей и обязательное участие крестьян в облавах на зверей, то тягловая барщина увеличивалась до 65 дней, а «пешая» до 117 дней в году.

Землевладельцу урбарий предоставлял право внеочередного найма на работу своих крепостных в свободное от барщины время за плату, установленную комитатскими властями. Замена барщины денежным obroком могла допускаться только с согласия крестьян («токма») по договору, зарегистрированному в комитатском управлении.

Пункт четвертый урбария носил название «о кметцу дань». Каждый кметь и желляр, говорилось в законе, имеющий избу, независимо от размера надела, уплачивает «*sensus domalis*» в размере 1 флорина в год. «Кулинария» от полного надела устанавливалась в таких размерах: 4 курицы, 12 яиц, гальба масла. От 30 «урбарнальных телеков» крестьяне должны были доставлять на барскую кухню одного теленка или уплачивать 1,5 флорина.

Кроме этого, на крестьян возлагались экстраординарные поборы (*subsidium*). При вступлении в брак землевладельца крестьяне обязаны были преподнести «подарок» в размере годовой «кулинарии». Такие же приношения полагались и новому священнику. Кмети должны были участвовать и в выкупе из плена своего господина. Размеры этой «дани» определялись комитатскими властями. Наконец, этим пунктом урбария устанавливался налог с каждого чана для изготовления водки (питьевой бенефиций) в размере 2 флоринов.

В соответствии с пунктом 5 урбария, от урожая всех культур, включая и виноград, взималась «нона». Девятая же часть шла в пользу землевладельца и от поголовья овец, коз, свиней. Нона могла быть заменена 12 тягловыми или 24 «пешими» днями барщины с полного надела, или 4 флоринами.

Бенефиции дворянства, перечислявшиеся в 6 пункте урбария, закреплялись за землевладельцами исключительное право на охоту, рыбную ловлю, на изготовление и продажу спиртных напитков, взимание налогов с населения городов, не имевших королевских привилегий, торговых, дорожных, перевозных и мостовых пошлин. Имущество умершего кметя, не оставившего наследников, переходило к землевладельцу.

7-й пункт урбарияльного закона отменял право дворян принуждать крестьян молоть зерно только на господских мельницах, но оставил, однако, только за землевладельцами право иметь мельницы. Урбарием отменялась — «сухая корчма», а также запрещалось принуждать крестьян покупать мясо убитых животных, принадлежащих землевладельцу, оставив, однако, в силе порядок, согласно которому крестьяне, если они имели надобность, должны были приобретать мясо в первую очередь на бойне своего господина.

Этим же пунктом ограничивался или отменялся ряд второстепенных повинностей крепостных и порядков, установленных произвольно земле-

владельцами: ограничены права дворян распоряжаться имуществом детей сирот крепостных, отменены ограничения, относящиеся к продаже крестьянами своих продуктов и деятельности торговцев, дополнительные поборы с крестьян (десятина с гусяного пера, поборы на содержание сторожей, экзекуторов, гайдуков, взимание военного «квартирного динара», «парукомство», т. е. залог с крепостных, возмещающий «убытки» землевладельца в случае побега кметя и др.).

Пункт 8 урбария только формально ограничивал патримониальную юрисдикцию землевладельца.

За проступки, совершенные крестьянами, землевладелец-дворянин мог применить следующие наказания и взыскания: барщинная работа от 1 до 3 дней, заключение в арестном доме на хлебе и воде, порки (мужчин наказывали 24 ударами палки, женщин — розгами).

Урбарий подробно перечислял возможные нарушения крепостными права собственности и имущественных интересов дворянина-землевладельца, и устанавливал наказания и штрафы за эти нарушения. За неявку на барщину кметь наказывался 12 ударами палок. За самовольную порубку леса и расчистку лесов под пашню, виновные должны были возместить нанесенный ущерб землевладельцу и отработать 3 дня пешей барщиной. При повторном нарушении этого пункта, виновный представлялся комитатским властям, которые должны были «наказать нарушителя так, чтобы для других это послужило уроком». Крестьянам запрещалось под угрозой уплаты штрафа собирание жолудей и шишек в господском лесу, охота на зверей и птиц, рыбная ловля и т. д.

Последний, 9 пункт урбария, озаглавленный — «О том ряде, который ся у селе мусит держати», излагал порядок выборов местных сельских должностных лиц, их права и обязанности. О содержании этого раздела урбария можно судить по грамоте с. Келечин, Марамарошского комитата.

«Биров» (староста) села избирался из числа трех лиц, предложенных землевладельцем, которому предоставлялось право негодного старосту («ажь бы ся не по правде держав») «из бировства изверчи тай карати», т. е. отстранить от должности и наказать. «Нотариуса» (сельского писаря), как говорилось в грамоте, «село вибрати може, тай изверчи без панской весте».

В грамоте в форме пожелания только оговаривалось, чтобы бироз не присваивал в свою пользу поборов, собранных с крестьян («силски бирови неяков причинов зпуд порции ся отнимати не будут»), чтобы налоги справедливо распределялись («што би порция ся у селе по правде розмитовала») и взимались без «отягощения». «Сельская громада» (сельское общество) обязывалась своевременно собрать «дань кметку», а «неисправные» крестьяне должны были подвергаться штрафу.

Грамотой крестьянам предоставлялось право обращаться с жалобами на несправедливости со стороны доминиальной администрации сначала к управляющему, потом к самому землевладельцу и, наконец, обжаловать действия дворянина-землевладельца через комитатское дворянское управление («коли бы кмете на пана ся кривдовали, мусят тогда свою кривду вармеди честнуй скаржити»¹⁵⁷).

Урбарийная реформа Марии Терезии, как и другие ее реформы, проведенные в интересах укрепления абсолютистско-крепостного строя, ни в какой мере не была, и не могла быть направлена на улучшение положения крестьян, как это утверждали представители немецкой националистической историографии.

Наоборот, урбарийная реформа, осуществленная господствующим классом, если и унифицировала крестьянские повинности, то только в пользу землевладельцев, а неопределенные и двусмысленные фор-

мулировки, определяющие размеры крестьянских повинностей, были использованы дворянством для дополнительного отягощения крестьян. Никакого ограничения произвола землевладельцев по отношению к крестьянам урбариаальный закон на деле не устанавливал; йоббади оставались такими же бесправными и угнетенными, а «право жалобы» крестьян на действия дворян-землевладельцев являлось фикцией.

Авторы буржуазно-либерального направления подчеркивают отрицательное влияние урбариаальной реформы на положение крестьян Закарпатья. Венгерский историк Ачади, говоря о последствиях урбариаального закона¹⁵⁸), указывал: «...на большей части территории урбарий мало изменил положение... именно в тех жупах, где крепостные получили мало земли — в словацких и русинских — положение крестьян со временем стало наиболее невыгодным»... Бидерман считал, что введение урбария «значительной части угро-русской народности принесло не улучшение, а ухудшение ее положения». В таких же выражениях характеризует последствия введения урбариаального закона и венгерский историк Закарпатья Легоцкий: «Мария Терезия, — писал он, ввела урбарий в пользу землевладельцев, и от того положение крепостных во многих местах ухудшилось»¹⁵⁹).

Размеры крестьянских наделов в Закарпатье были значительно уменьшены по сравнению с установленными законом «урбариаальными сессиями». Так по Ужгородской доминии, вместо 20—22 гольдов пахотной земли I и II классов и 8—10 гольдов лугов, полный урбариаальный надел не превышал 10—13 гольдов пахотной земли и 4—5 гольдов лугов.

В среднем на один крестьянский двор доминии приходилось 0,25 надела, т. е. до 5—6 гольдов пахотной земли. Из 17 сел доминии, по которым имеются сведения, только два села имели полные сессии в размере 13 гольдов, 7 сел — от 8 до 5 гольдов, остальные — меньше 5 гольдов на двор¹⁶⁰).

Крестьянские дворы, обрабатывавшие полные наделы, являлись редким исключением. Абсолютное большинство крестьян обрабатывало только часть надела. В Ужгородском и Турьянском дистриктах доминии, насчитывавших свыше 40 сел, расположенных на сравнительно плодородной земле, большинство крестьянских хозяйств обрабатывало от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{4}$ надела.

Северные дистрикты (Крайнянский и Верховинский), насчитывавшие 34 села, отличались малопродуктивными землями. В Крайнянском дистрикте, только в некоторых селах, лежавших в долине р. Уж, земля давала еще некоторый урожай ржи и кукурузы, но в селах, расположенных в горах, урожай зерновых был ничтожным. Поэтому крестьянские наделы здесь не превышали $\frac{1}{8}$ сессии.

Еще в более тяжелом положении находились крестьяне горного Верховинского дистрикта. Пахотных угодий в обычном смысле слова крестьяне-верховинцы не имели. Они могли только обрабатывать небольшие клочки каменистой почвы на склонах гор, выкорчевывая и выжигая лес. Полученные таким образом «пасеки» засеивались обычно просом. Через год земля истощалась и крестьяне вынуждены были готовить новые «пасеки». В этом дистрикте надел пахотной земли крестьянского двора не превышал $\frac{1}{16}$ сессии.

Мало того, что разоренные крестьяне обрабатывали только от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{16}$ части надела, после введения урбариаального закона, в связи со все большим вовлечением дворянских хозяйств в рыночные отношения, землевладельцы стали насильно сгонять крестьян с наиболее плодородных земель, которые превращаются в «аллодиальные» земли, обрабатываемые трудом крепостных крестьян и наемных рабочих. Крестьяне

получали «подлейшие», т. е. самые непригодные, малоурожайные земли, отнесенные к III—IV категориям.

В Ужгородской доминии земли I категории имели 24% сел, II категории — 12% сел, а 64% имели земли III и IV категорий. Мало-земельные крестьяне в доминии (обрабатывавшие от 0,5 гектара до 3 гектаров), а также имевшие большие наделы земли III и IV категорий, составляли 90% всех крестьянских хозяйств, и не могли существовать за счет обработки земли. Они вынуждены были не только для собственного пропитания, но прежде всего для уплаты податей и налогов испытывать дополнительные заработки, обрекая свои семьи на хронический голод.

Крестьяне наиболее плодородных районов, прилегающих к городам, как, например, села Ужгородского дистрикта (Лекарт, Загань, Шаламонь, Анталовци, Цигановци, Горяны и др.) имели известные возможности для продажи своих продуктов и дополнительных заработков. На ярмарках и базарах Ужгорода и Кишварда наиболее обеспеченная часть крестьян могла продавать некоторые продукты своего хозяйства, ткани домашней выработки или доставлять соль из Мукачева в Ужгород, что давало им известный доход. Крестьяне малоземельные и безземельные, составлявшие большинство населения, должны были уходить на заработки, особенно осенью, на виноградники, кукурузные поля, наниматься на период уборки урожая и молотбы в помещичьи имения не только в районе Ужгорода, но уходить за Тиссу до Дебрецена.

В других районах с малопродуктивной землей и неустойчивыми урожаями (села Турянского дистрикта — Липовец, Мокра, Порошково, Вульшинка, Турья-Пасека, Турья-Ремета и др.) большинство крестьян также добывало средства для существования и уплаты налогов сезонными заработками, а немногие хозяйства пытались пополнить свои доходы за счет разведения скота, вырученные деньги от продажи которого в лучшем случае могли покрыть только часть налогов.

Особенно бедственным было положение крестьян Верховины (села Бистра, Люта, Лубня, Ужок, Ставна, Волосянка и др.). Земледелие здесь даже в необходимых размерах было невозможно. Мизерные урожаи пшеницы, ржи и овса не обеспечивали самых минимальных потребностей крестьянской семьи. Картофель, который стал впоследствии основным продуктом питания, был еще неизвестен. Скотоводство, при отсутствии пастбищ, лугов и корма на зимний период, развиваться не могло. Отдаленность от городов и развитых сельскохозяйственных районов лишала возможности крестьян получить дополнительный заработок.

Крестьяне Верховины влачили извечно полуголодное существование и переживали страшную нужду. Даже один из доминиальных чиновников, обследовавший положение крестьян-верховинцев в 1794 г., должен был признать, что «жизнь этих людей со всех точек зрения убогая. При неплодородной почве они не имеют радости в обработке поля. Разбросанные в горах, где нет ни городов, ни дорог, ни торговли, они не имеют заработка... Продажа скота была до сих пор их единственным средством получения денег, но эта сумма редко больше той которую они должны платить в государственную и доминиальную кассу»¹⁶¹).

Процесс разорения и обнищания масс крестьянства к концу XVIII ст. принял угрожающие размеры. Число желляров и поджелляров в отдельных комитетах составляло 50—80% всего крестьянского населения. В Бережском комитате, например, по данным Легоцкого, насчитывалось 11029 желлярских семей (около 80% всего населения), а в Угоцком комитате в 1775 г. было крестьян с наделами 1176, желляров, имевших

не более $\frac{1}{8}$ надела или только избу с огородом (*inquilini domiciliati*) — 775 и 255 поджелляров, имевших только избу (*subinquilines*) или живших в чужой избе (*inquilinozum inquilini*).

Крестьянская беднота — желляры и деревенский пролетариат — поджелляры составляли кадры наемных рабочих помещичьих имений, батраков в хозяйствах зажиточных крестьян, а также пополняли ряды городского плебса, нанимаясь в качестве поденщиков, чернорабочих, землекопов, строителей, прислуги.

Труд сельскохозяйственных рабочих, подвергавшихся самой тяжелой эксплуатации, оплачивался чрезвычайно низко. В большинстве своем рабочий помещичьего имения и батрак получал за свою работу только питание, частично одежду и «подарки», заменявшие заработную плату. В страдную пору, в период уборки урожая большие массы деревенской бедноты из Закарпатья уходили на заработки в помещичьи хозяйства Венгерской равнины, получая, как наиболее высокую оплату за свой труд шестой или седьмой сноп убранного урожая.

Повинности и поборы, взваленные на плечи крепостных, к началу XIX ст. еще более увеличились, а «дополнения» к урбариальным грамотам Марии Терезии, применяемые повсеместно, создавали невыносимые условия для массы обездоленного, задавленного вечной нуждой крестьянства.

Размер портового налога с 551 флор. в 1775 г. увеличился к началу XIX ст. до 685 флор¹⁶²). Вместо семинедельной барщины по урбариальному закону во многих местах была установлена восьминедельная барщина, как это было сделано, например, в Ужгородской доминии. Если же учесть, что крестьяне вынуждены были отбывать барщину на территориях дистриктов доминий, расположенных нередко за десятки и сотни верст от своих сел, и тратить таким образом много времени на дорогу, то фактически барщина отнимала у крестьянина 9 недель в году.

Получившие широкое распространение «урбариальные договоры» (контракты) землевладельцев с крепостными крестьянами, заменявшие терезианские урбариальные грамоты, представляли собой не договор, а простой перечень дополнительных повинностей, возложенных на крестьян «контрактуалистов» по произволу землевладельцев. В Ужгородской доминии по такому «договору» число барщинных дней в году могло быть доведено до 104 даже для крестьян, неимеющих полного надела. Каждый рабочий день мог быть заменен денежным оброком в размере 10 крейцеров¹⁶³). В барщинные дни не включалась работа по обсеменению и уборке хлеба с пустующих наделов, которые должна была выполнить сельская громада, слав урожай! в доминиальную «комору».

В устном народном творчестве урбариальная реформа Марии Терезии характеризуется, как «панский закон», а по поводу 2-го пункта урбария «який хосен кмете будуть мате» крестьяне говорили словами поговорки: «Такий мам хосен, як мацце з кросен»¹⁶⁴). Фиктивное «право» обжалования действий землевладельца, предоставленное урбариальным законом крестьянам, было отражено в поговорке: «До бога високо, до каролиці далеко, а ті пани, що хотять те й діють».

В народной песне тяжелая доля крепостного, на которого была взвалена непосильная тяжесть поборов и повинностей, страдавшего от притеснений прислужников помещика, запечатлена в таких словах:

«Ой бодай ті, ватамане, та й хата згоріла,
А як мені молодому панщина доіла!
Панщина мі тай доіла, побили мя злидні,
Урбарія великая та панщина три дні»¹⁶⁵).

Старые крестьяне с. Верхняя Шаркодь (Бережский комитат) об издевательствах над крепостными «до воли» рассказывали: «не раз и щипались, не раз и топились, и все через ту несчастную панщину». Гайдуки плетями выгоняли на работу всех, и взрослых, и детей, и стариков. За малейшую оплошность крестьян жестоко истязали: «привязывали к скамье двумя ремнями и начинали бить... и не раз после порки человек умирал».

Денежные налоги и натуральные повинности, установленные «урбарриальными договорами», превышали всякие «нормы». Помимо «домового» налога в размере 1 флорина с полного надела, был введен дополнительный налог, который в одних доминиях выражался, например, в обязанности крестьян поставлять несколько голов молодого рогатого скота, овец, свиней, заменяемый в других имениях денежным взносом до 3 крейцеров.

«Кулинария», установленная урбарриальным законом, обычно заменялась денежными взносами, значительно превышавшими стоимость продуктов. Так, в Ужгородской доминии вместо поставки с полного надела 4 куриц, крестьяне должны были уплатить 24 крейц., за 12 шт. яиц — 3 крейц. и за меру масла — 21 крейц., в то время, как по рыночной цене эти продукты можно было продать только за 30—35 крейц.

Точно так же «нона» с урожая зерновых заменялась денежным побором в размере до 4 флоринов с полного надела, что значительно превышало стоимость девятой части урожая. По «дополнительному соглашению» ставки денежной подати, установленной вместо девятины от поголовья скота, также были выше стоимости скота.

Отягощенные безмерно налогами и повинностями крепостные крестьяне двух дистриктов Ужгородской доминии в 1791 г. подали жалобу на имя императора. Никакого облегчения, конечно, крестьяне не получили, и расследованием, проведенным специальным чиновником, не было установлено «противозаконных действий» со стороны доминиальной администрации.

Материалы этого расследования дают возможность установить, какие дополнительные повинности несли крестьяне, как администрация доминии использует различные средства для того, чтобы увеличить доходы эрара, часть которых присваивалась чиновниками доминии.

Наиболее тягостной обязанностью крестьян была подводная повинность. Крепостные доставляли на своих подводах бревна на лесопилки, перевозили кровельный материал, и за сотни километров доставляли соль в Ужгород. Причем никакой нормы нагрузки на подводу не существовало. Надсмотрщики до отказа перегружали поклажей крестьянские телеги, которые разваливались на дороге, а скот от перенапряжения падал. Убытки, которые несли крестьяне, конечно, доминия не компенсировала.

Помимо подводной повинности, крестьяне должны были содержать и кормить на протяжении всей зимы доминиальных овец. По урбарриальному договору на каждый крестьянский двор приходилось по две овцы, но фактически администрация доминии отдавала на содержание до 5 голов. Крестьянин не только должен был за счет своих кормов содержать эрарных овец, но и нести материальную ответственность за сохранность стада. В случае падежа овцы крестьянин или отдает доминии свою овцу, или уплачивает за каждую голову 1 гульден 59 крейц.

Даже после того, когда доминия продала свое стадо овец, то вместо содержания их крестьяне должны были отработать 6 дней барщины с полного надела и доставить определенное количество сена или уплатить за эту повинность 1 флорин. В 1790 году, когда вследствие тяже-

лого неурожая, крестьяне верховинских районов остались без хлеба и корма для скота, то эрарное управление наложило такую «контрибуцию» сеном, что у крестьян буквально ничего не осталось для прокормления своего скота.

Королевская казна, монополизировав торговлю солью, установила на нее чрезвычайно высокие цены: 216 крон за центнер. Потребитель должен был одновременно покупать не менее четверти центнера, что не всегда было доступно крестьянину. Склады соли отстояли от некоторых сел за сотни километров. Все это вынуждало крестьян употреблять пищу без соли, что приводило к массовым заболеваниям крестьянского населения, особенно верховинских районов, цынгой.

Не удивительно, что в этих условиях соль в Закарпатье, где имелись богатые соляные копи в Марамароше, доставлялась контрабандным путем из Галиции. И это обстоятельство не преминули использовать комитатские власти и органы эрара для нового отягощения крестьян.

Созданные эрарным управлением специальные отряды конной пограничной стражи («obequitatores»), не только донимали крестьян, у которых была обнаружена соль, штрафами, но нередко врывались в села и под видом «розысков контрабандистов» учиняли обыски и грабили крестьян. Мало того, крестьяне обязаны были во время таких наездов гайдуков содержать их за свой счет и уплачивать «контрибуцию» в размере 4,5 крейц. на каждого гайдука.

Наконец, крестьяне несли так называемую «верховую» повинность, содержали за свой счет проезжающих эрарных чиновников и их прислугу и должны были уплачивать бесчисленные штрафы за невыполнение тех или других «законных» и произвольно установленных повинностей и обязанностей.

С установлением церковной унии в Закарпатье массы населения были дополнительно отягощены новыми повинностями и поборами в пользу греко-католической церкви. Униатское духовенство получило более широкие возможности для эксплуатации крестьянства, превратившись в новое паразитическое сословие, высасывавшее жизненные соки из народных масс, на манер католических туенядцев в рясах, правами и привилегиями которых попы-неофиты с такой жадной ненасытностью пользовались. Окружив феодално-крепостной строй ореолом божественной благодати, освящая незыблемость власти чужеземных эксплуататоров-дворян, которых-де поставил над массами «неисповедимый промысл божий», униатская церковь содействовала еще большему угнетению трудящихся Закарпатья.

В XVIII ст. под видом «унификации» «коблины» и «роковины» в пользу церкви и «штоловых» поборов за требы, значительно увеличивается тяжесть повинностей, взваленных на плечи крестьян.

В долинных районах Закарпатья с каждого хозяйства взималась в пользу священника «коблина» в размере 2 вико зерна, а на содержание певцо-учителя — одно вико. «Роковина» составляла 1 день работы. В горных областях взималось вико зерна или 2 вико овса в пользу «пароха» и половину этого в пользу «певцо-учителя».

«Штоловая такса» для всех районов была установлена одинаковая: за «большие» похороны и «венчанье» по 50 крейцеров, за «малые» похороны — 24 крейцера и т. д.

На деле же размеры натуральных поборов и «штола» далеко превышали установленные размеры. Произвол сельского духовенства, грабеж верующих, приняли такие формы и размеры, что стали даже предметом обсуждения на совещании епископов 1773 года.

В протоколе совещания говорилось, что «парохии везде, а особенно в Марамароше, взимали повышенные штолы». За «большие» похороны

священники брали корову или 7—8 флоринов, т. е. в 14—16 раз больше, чем это было предусмотрено «штоловой таксой». За неуплату «штолы» священники отбирали у крестьян имущество, бедняков принуждали выполнять барщину. «В случае, когда люди были бедными и не в силах были платить, мертвые остаются по нескольку дней непохороненными.. За частные долги parroхи закрывают церковь перед верующими»,... — говорилось в протоколе совещания епископов¹⁶⁶).

Используя все средства — «духовное» влияние, принуждение, долговую кабалу, греко-католические священники не только обдирают верующих, но и присваивают себе их земли, пуская целые семьи по миру. «Греко-католическое духовенство, — писал А. Шаш, — приобрело себе завещаниями и подарками большие земельные владения»¹⁶⁷). В частности, к мукачевскому монастырю были приписаны два села¹⁶⁸).

Так обогащалось и жирело греко-католическое духовенство за счет эксплуатации трудящихся, массы которых с каждым десятилетием, скатываясь все ниже по наклонной плоскости, превращались в пауперов.

В конце XVIII ст. все большее значение приобретает денежный оброк, которым заменяются натуральные повинности крестьян. Переход к денежной феодальной ренте явился следствием дальнейшего развития товарно-денежных отношений, в сферу которых втягивались, как помещичьи, так и крестьянские хозяйства. Крестьяне-контрактуалисты обычно уплачивали денежный оброк в размере до 4 флоринов с полного надела вместо ноны от урожая, 48 крон за «кухонную подать», 10 крейц. за каждый день барщины, что значительно превышало стоимость продуктов по существующим тогда ценам и размеры дневной заработной платы наемного рабочего.

Этот период отмечен не только переходом помещичьих хозяйств к денежной ренте и эксплуатации наемного труда, не только увеличением доминиальных земель за счет насильственного отобрания лучших земель у крестьян, но и переходом помещичьих имений к рациональному способу ведения хозяйства, с целью повышения их доходности.

Это находит свое выражение в обработке больших массивов собственными помещичьими пахотными землями более усовершенствованными плугами, в применении удобрений, очистке семян, в установлении плодосмены. Помимо зернового хозяйства, во многих имениях закладываются виноградники, разводятся значительные стада овец, улучшенные породы рогатого скота.

В наиболее крупных доминиях получают развитие разработки леса, залежей глины, камня, песка, а также создаются небольшие предприятия для переработки сельскохозяйственного сырья, по выработке кож, сукон, полотна. Если удельный вес этих отраслей хозяйства и производства в конце XVIII ст. и не был значительным, то роль их в доходах доминий имела тенденцию к возрастанию.

В Ужгородской доминии, владевшей 220 000 угров лесов, разработка лесных богатств в конце XVIII ст. заметно увеличилась. Доминия имела два лесопильных завода и мастерскую по изготовлению кровельного материала из дерева (гонт). Доходы от продажи строительной древесины крестьянам давали ежегодно на протяжении 1787—1792 гг. до 3700 флоринов, а поборы за сбор жолудей до 2200 флоринов.

Доминии принадлежало также 6 водяных мельниц, кирпичный завод в Ужгороде, стекольный завод в Гуте, известковый карьер в Перечине, пивоварни и «гуральня» (предприятие по производству спирта) Гуральня являлась наиболее прибыльным предприятием, а 70 корч (на 86 сел доминии) приносили дохода около 5500 флоринов в год. Характерно, что на территории доминии в этот же период не было ни одной народной школы. Насильственное спаивание крестьян спиртными

напитками, «питьевая бенефиция» стали бичом закарпатских масс крестьянства и вели к широкому распространению алкоголизма и всех вытекающих из него бедствий.

Бедствия, переживаемые массами крестьянства Закарпатья, обусловленные тяжелым феодально-крепостническим гнетом, еще более усилились во второй половине XVIII ст. в связи с частыми неурожаями, эпидемиями болезней и голодом — спутниками разорения, обнищания, темноты и придавленности основных производителей господствующими классами.

Особенно тяжелым было для крестьянства Закарпатья десятилетие с 1780 по 1790 годы, когда появившаяся саранча на протяжении ряда лет уничтожала посевы на территории многих комитатов. В записи событий за 1783 год в с. Бедевля говорилось: «во всем венгерском государстве свирепствует голод, до $\frac{1}{3}$ населения вымерло».

В 1785 г. в записи с. Пилипец было зафиксировано: «вымерз хлеб на Верховине», а в следующем году: «не было чем сеять и от голода... много умерло людей». Подобная же запись сделана в это время и в с. Таламаш: «хлеб вымерз, болезни и голод... умерла третья часть населения, остался много сирот, умирающих на улицах». В записи с. Гукливого за 1787 год говорилось: «того року всей краине угорской великий голод и хоробы тяжке проходили: народа до третей части умерло на глуханю (тиф) из голоду, бо преншлого (прошлого) року сечков и бурянами были ся нагазянили» (наелись вредной травы; мад. gaz'. — дурная трава, плевелы).

В документах г. Мукачево 1788 год указывалось, что, начиная с 1785 года, вследствие нашествия гусеницы, которая «двигалась такой массой, что не видно было земли» и пожирала не только посевы, сады, овощи, но и заборы из прутьев, — крестьяне комитатов терпят страшные лишения. «По селам мололи на хлеб древесную кору и кукурузные кочаны.. Со всех виноградников в окрестностях Мукачево собрано не больше трех бочек вина». В другой записи под 1788 годом говорилось, что на Верховине «еще больший глад быв, бо кроме бурьяну и соломы и збрау люде от (корчмарей) куповали и из того кеселищу варили, та сербали (хлебали)».

В хронике Горватов за 1789 год сообщалось, что «руснаки» Бережского, Угочского и Марамарошского комитатов переживают страшные бедствия. Крестьяне поедали корни бурьяна, древесные опилки и кочаны кукурузы. «От того пухли и многие умирали, особенно в горах». По статистическим данным Швартнера только за один год, с 1786 по 1787, количество населения Марамароша уменьшилось на 11847 душ. Часть его погибла от голода и эпидемий, остальное население разбредлось по другим комитатам.

В условиях прогрессирующего развала феодально-крепостной экономики Австрии и Венгрии, чудовишного разорения крестьянства, резкого падения доходов королевской казны, в условиях нарастания революционного антикрепостнического движения, — появились в конце XVIII ст. «гуманные патенты» сына Марии Терезин Иосифа II, которые, как предполагал их автор — представитель «просвещенного абсолютизма», — должны были разрядить тяжелую для господствующих классов социально-политическую атмосферу, обеспечить растущие фискальные потребности государства и потребности капиталистической мануфактуры в свободном труде

К числу таких «гуманных патентов», отражающих попытки государственной власти найти выход из кризиса, переживаемого феодально-крепостным строем, относился изданный в 1785 году «закон об отмене Йоббадского состояния», в котором необходимость предоставления лич-

ной свободы крестьянам, как состояния «каждому человеку естественно принадлежащего», мотивировалась стремлением королевской власти добиться «земледельствия исправления, пильности и прилежания возбуждение».

Указом Иосифа II отменялось крепостное состояние и личная зависимость крестьян от землевладельцев дворян. «Стан иоббадский, — говорилось в указе, переведенном на «руснацкий» язык, — насколко той обывателей доселе всегдашним повинованием и ко определенным ораницам приписаних обвязывал, в будущее время отнюдь уничтожаемое и в том разумении имену тому йоббадь никому же возданну быти не хошеме». Дворовые люди не могли быть принуждаемы к службе, но «каждому на волю здается, аще изволит прияти таковую службу, о той с оречным своим паном самохотне погодитися, якоже хошеет может».

Крестьянам предоставлялось право свободного выбора занятий, заключение браков и свобода передвижения. Но «свобода передвижения» была обставлена такими условиями, что массы крестьянства по сути не могли ею воспользоваться. Крепостной, говорилось в указе, который хотел бы воспользоваться правом отхода, должен был заявить своему господину «в день святого Михаила», погасить все причитающиеся с него государственные налоги, уплатить чинш и возместить налагаемые урбарием повинности в пользу землевладельца. Только после этого, получив соответствующие справки от дворянина-землевладельца и комитатских властей, крестьянин мог в день «святого папы Григория» осуществить «отход».

Указ Иосифа II подчеркивал, что «законное» право господина на землю остается неприкосновенным. Крестьянские наделы оставались собственностью дворян; за пользование землей кмети должны по «договору» уплачивать соответствующий оброк.

Крестьянин мог свободно распоряжаться своей движимой и недвижимой собственностью («вещи овио движимые и якия колвек приобритыя... земель, лук, млинов, виноградов, добровольне продати, даровати, переменити, zostавити детем своим, албо кому либо сродник отказати, кому хошеет поручити»), но «так, дабы право законное пана оречного всегдашнее непорушено остало» и «тяговы», т. е. налоги и повинности выполнялись исправно.

«Грунты», предоставленные в пользование крестьянам, не могли быть отобраны у них, а крестьяне не могли переселяться по воле помещика с одного места на другое, или «из стóлицы в тругую, аще не хотят, да не будут принужденны переселитися».

Заканчивался указ Иосифа II заверениями в том, что обиженные «обыватели» всегда найдут защиту у комитатских властей («збиду или кривду неякую нанесено быти кому из них трафилося, стóлиця фишкальную помощь ему назначити и нанесенные кривды омстити подолжна будет»¹⁶⁹) и напыщенной декламацией, соответствующей духу эпохи «просвещенного абсолютизма»: «пусть же они (бывшие крепостные) по силе своих возможностей трудятся на общее благо и собственное счастье».

Указ Иосифа II «об отмене иоббадского состояния», как и другие его «гуманные патенты», остался только на бумаге, так как проведение аграрного законодательства встретило резкую оппозицию со стороны земельной феодальной аристократии и этот указ был отменен после смерти Иосифа II. Но если бы даже этот закон и был применен на деле, то и тогда социально-экономическое положение масс крестьянства не изменилось бы заметно в лучшую сторону и ни «земледельствия исправление», ни «прилежания возбуждение» достигнуто быть не могло.

Провозглашенное освобождение крестьян от личной зависимости при сохранении феодально-крепостнических отношений и феодальной собственности на землю, являлось паллиативом. Оно не могло разрешить антагонистических противоречий, свойственных феодальному обществу, приостановить процесс упадка и разорения крестьян, оставив массы «освобожденных» йоббадей в прежней экономической зависимости от дворян-землевладельцев, в прежнем бесправном положении.

Изданный в 1787 г. специальный указ Иосифа II о запрещении сокращения фонда рустикальных земель по произволу землевладельцев и присоединения крестьянских «грунтов» к доминиальным владениям, — несколько не приостановил процесса разорения крестьян, страдавших от феодального гнета, пользовавшихся самыми неплодородными, «плотлейшими» землями.

Леопольд II, напуганный буржуазной революцией во Франции, стремясь заручиться поддержкой дворянства, отменяет куцую крестьянскую реформу Иосифа II.

В 1828 году вспыхивают волнения крепостных во многих комитагах Венгрии и Закарпатья. Массы крестьянства требовали отмены крепостного права. В 1831 году начались массовые «холерные бунты», сопровождавшиеся отказом крепостных крестьян выполнять повинности в пользу землевладельцев, а в некоторых местах и разгромом дворянских поместий.

Феодальная реакция во главе с Францем II и Меттернихом подавляет крестьянские волнения в стране военной силой, одновременно пытаясь ослабить борьбу эксплуатируемых масс угнетенных национальностей Австрии и Венгрии политикой *divide et impera*, сущность которой была изложена с неприкрытым цинизмом Францем II в таких словах: «Мои народы чужды друг другу: тем лучше. Они не понимают и ненавидят друг друга. Из их нерасположения рождается порядок, из их вражды — общий мир»¹⁷⁰).

Тов. Сталлин, раскрывая сущность и своеобразие национальной политики господствующих классов Австрии писал:

«Есть старая специальная система управления нациями, когда буржуазная власть приближает к себе некоторые национальности, дает им привилегии, а остальные нации принижает, не желая возиться с ними. Таким образом, приближая одну национальность, она давит через нее на остальные. Так управляли, например, в Австрии»¹⁷¹).

Реакционная политика временщика Меттерниха могла только на время обеспечить призрачный «порядок» и «общий мир» в лоскутной вотчине Габсбургов.

«Правление князя Меттерниха основывалось на двух правилах: во-первых, держать каждый из подвластных Австрии народов в покорности с помощью всех остальных народов, находившихся в том же положении; во-вторых, — и это всегда было основным принципом неограниченного монархий, — опираться на два класса: феодальных землевладельцев и крупных финансистов, уравновешивая влияние и силу одного класса другим классом, чтобы за правительством оставалась полная свобода действий»¹⁷²).

Стремясь сохранить свободу действий за феодально-абсолютистским правительством Австрии для подавления стремления к свободе трудящихся масс, Меттерних и Фердинанд V должны были пожертвовать некоторыми правами феодальных землевладельцев, надеясь ослабить этим революционное движение угнетенных масс против существующего строя.

В 1832 году была создана специальная сеймовая комиссия для подготовки «нового» урбарнального закона, введенного в Венгрии и Закарпатье только в 1836 году. Оставив неизменным прежний размер ценза и барщины, девятину с урожая, «новый» урбарнальный закон сократил размеры «кулиарии», признавал право отхода за крестьянами после выполнения всех государственных налогов, повинностей и поборов в пользу землевладельца, а так же отменял телесные наказания, заменив их тюремным заключением по определению суда.

В 1839 году крестьянам по добровольному соглашению с помещиками разрешался выкуп из крепостной зависимости, а через пять лет и выкуп наделов. Бурные крестьянские восстания 1846 года в Галиции, и в других областях империи Габсбургов, потрясавшие устой прогнившего феодально-крепостного строя, разлагавшегося под влиянием капиталистического развития, революции 1848 года в Австрии и Венгрии вынудили правящую феодальную клику отменить крепостное право.

Примечания *)

1) Мицюк О. Нариси з соціально-господарської історії б Угорської, нині Підкарпатської Русі, Ужгород, 1936 г., т. 1, стр. 33.

2) Цит. соч. Мицюк О. Нариси з соціально-господ. історії... т. 1, стр. 63—64

3) См. Петров А. Древнейшая на Карпатской Русі шолтыская грамота 1329 г. Ужгород, 1936.

4) См. Bidermann J. Die ungarischen Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte, Innsbruck, 1862 г., т. 1; Perfeckij E. Sociálné-hospodár'ské poméry Podk. Rusi ve století XIII—XVI, Bratislava, 1924.

5) См. Гаджега В. Додатки до историе русинів и руських церквей в б. жупе Земплинской. Наук. 36. „Просвіта“, 1931 г., Ужг., VII—VIII. стр. 37.

6) Данные о валахских поселениях в сочинениях: Kadlec K. Valas'í a valas'ské právo v zemích slovánský'ch a uherský'ch, Praga, 1916 г., стр. 263; Гаджега В. Князь Федор Кориятович и Марамарош. журн. „Подк. Русь“, Ужг., 1930 г. (VII), 1931 г. (VIII), стр. 68—75, 99—113, 141—148, 169—175 и Mihályi J. Máramarosí Diplomák a XIV es XV szá'zadból, M—sziget, 1900 г., стр. 320 и сл.

7) Schwartner M. Statistik des Königreichs Ungerns, Pest, 1798, стр. 104.

8) Цит. Соч. Schwartner M. Statistik... стр. 229.

9) Коблик—32 лигра.

10) Цит. соч. Мицюк О Нариси з соціально-господарської історії... т. 1, стр. 174—174.

11) Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, Партиздат, М., 1932 г., стр. 23.

12) Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, 1932 г., стр. 61.

13) В XV ст. Заполья имел владения в 25 комитатах Венгрии, насчитывавшее 12 308 порт, из общего числа 30 160 порт, принадлежащих светским феодалам

14) Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, 1932 г., стр. 62.

15) Этот документ опубликован в сборнике С Горвата «В память Вербовиц» Перевод текста грамоты на украинский язык сделан Н М Лелекачем.

16) Записи о важнейших событиях на полях церковных книг

17) Архив баронов Переци хранится в Ужгородском историческом музее.

18) Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, 1932 г., стр. 62.

19) Ians'ák S. Slovensko v dobé uhorského feudalizmu. Hospodár'ské pome'ry od r. 1514 do r. 1848. Bratislava, 1932, стр. 5.

20) Decretum Tripartitum, tit. 27, р. II, цит. по соч. Kadlec K. Verboczyovo Tripartitum, 1902 г., стр. 59 и сл.

21) Цит. по соч. А. Петрова. Пределы угорусской речи в 1773 г. по официальным данным. Записки Историко-филологич. факультета С.-Петербургского университета, 1911 г., стр. 151.

22) См. Lehoczky T. Adalékok a kenézek intézményéhez. помещенная в Történelmi Társ., 1890 г. стр. 161 и Марков О. „Litterae keneziales.“ Сб. Милетича, София, стр. 555—572.

23) См. Mag. gazdaságtört. szemle, 1894 г., стр. 340—342.

24) Ország (мад.) — государство, страна, край.

25) Календар „Просвіта“ на рік 1934, Ужгород, стр. 48.

26) Выводы по Ужгородской казенной доминици в дальнейшем изложении сделаны автором на основании данных, приведенных в соч. Gabriel F. Poddanské pomé'ry na uz'horodském panstvi ke konci XVII st. Наук. 36. „Просвіта“, 1933—1934 гг.

27) Цит. соч. Gabriel F. стр. 168.

28) Цит. соч. Gabriel F., стр. 186.

29) Сокрыницькій-Сирошман, Утцюзинна, газдувство и прошлость южнокарпатських русинов, 1922 г. стр. 69, 70, 76, 96.

*) В связи с отсутствием специальных шрифтов написание некоторых чешских и венгерских слов передано неточно. Гал знак \checkmark над буквой заменен знаком' поставленным после буквы вверху.

- 30) Цит. соч. Gabriel F., стр. 181—182.
 31) Цит. соч. Gabriel F., стр. 182.
 32) Цит. соч. Gabriel F., стр. 183.
 33) Цит. соч. Gabriel F., стр. 171—176.
 34) Цит. соч. Сокрыцкий-Сирошман. Утцюзнина, газдуство... стр. 79—83.
 35) Lehoczky T. Beregvármegeve monográphiája, Ung, 1881 г., т. I, стр. 415—418.
 36) К. Маркс. Капитал, т III, ч II, Соч Маркса и Энгельса, т XIX, ч II, стр. 360.
 37) Цит. соч. Gabriel F., стр. 171.
 38) Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, 1932 г., стр. 23.
 39) См. Mészáros H. Magyarország története II József korában, стр. 421.
 40) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т XVI, ч. II, стр. 295.
 41) К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные соч., т I, 1948 г., стр. 30.
 42) Федор Корнятович — русско-литовский подольский князь, перешедший в XIV ст. в вассальную зависимость от венгерского короля и получивший во владение Мукачевскую долину.
 43) О. В. Об унии венгерских русинов «Русская беседа», книга XVI, апрель, 1859 г. М., стр. 49.
 44) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т XIV, стр. 104.
 45) А. Петров. «Старая вера» и униа в XVII—XVIII вв. Материалы для истории Угорской Руси. СПб., 1906 г., т II, стр. 2.
 46) Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, 1932 г., стр. 24—25.
 47) Ф. Исторический очерк угрорусского народа и угрорусской церкви. «Слав. изв.», № 8, 1890 г., стр. 153.
 48) Basilovics I. Brevis notitia Fundationis Theodori Koriathovits. Cassoviae, 1799, I, p. 57—58.
 49) Fiedler J. Beiträge zur Union der Ruthenen, стр. 10. Цит. по соч. И. Арсений Русские в Венгрии. ЖМНП, т. VI, 1886 г., ч CXXXVIII, стр. 708.
 50) Месяцеслов, изд. «Унию», Унгвар, 1904 г., стр. 42.
 51) Basilovics, opus cit. p. I, p. 68—71.
 52) И. Дулишкович. Исторические черты угро-русских, 1875 г., Унгвар., т II, стр. 92—94 и «Слав. известия», № 11, 1890 г., стр. 215—216.
 53) И. Мураший. «Тарасович». Ужг., стр. 34.
 54) Кондратович И. М. История Подкарпатской Руси. Ужгород, 1930 г., стр. 53.
 55) Basilovics, opus cit. p. I, p. 82—83.
 56) Цит. соч. О. В. Об унии. «Русская беседа», книга XVI, стр. 25.
 57) Четыре догматических правила унии так были изложены в дипломе Леопольда I, датированном 16 февраля 1699 г.:
 1) Romanum Pontificem esse caput universale totius per orbem diffusae Ecclesiae
 2) Panem azymum sufficientem esse materiam Coenae Dominicae seu sacramenti Eucharistiae.
 3) Praeter coelum, sedem beatorum, et infernum, carcerem damnatorum, tertium dar locum, in quo animae, nondum expiatae, detinentur et purificantur.
 4) Spiritum Sanctum, tertiam in Trinitate personam, a Patre et Filio procedere*.
 1) Римский первосвященник есть единственный глава всей мировой церкви
 2) Пресный хлеб есть достаточная пища для богослужения и для таинства причащения.
 3) Кроме неба, места пребывания блаженных, и ада, есть третье место, в котором содержатся и подвергаются очищению еще не искупленные души.
 4) Святой дух, третье лицо пресвятой троицы, исходит и от отца и от сына). (Цит. по соч. А. Петров. «Старая вера».. II, стр. 3).
 58) Hodinka A. A Munkácsi görögkatholikus püspökség története, Bdp, 1910, стр. 305.
 59) В. Гаджега, Додатки к истории русинов и руських церквей в Ужанской жупе, Ужгород, 1924 г., стр. 55.
 60) И. Кондратович. Епископ Тарасович и церковное соединение русинов. газ. «Неделя», № 1, 5 января 1936 г., Ужгород.
 61) Цит. соч. Fiedler. Beiträge... стр. 13.
 62) Православный епископ Иоанникий Зейкаш, хотя и проживал в своем имении в Имстичево, но его власть еще на протяжении пяти лет после избрания распространялась и на Мукачево, о чем свидетельствует сооруженная в 1661 г. в Мукачеве семиградским воеводою церковь, на которой была сделана следующая надпись:
 «Федор Корнятович князем был,
 За отпущение грехов монастырь зрбил,
 Древяна церковь от веку составала,
 А терзнейшего року 1661 каменная стала
 През Константина воеводу Мультянского,
 За неделю на имя госпожею его,
 Владыкою на тот час Иоанникий составал,
 За Мстичова о том ся полно старал,
 И тот камень зробити дал.
 Року 1661, мая 13».

⁶⁵) И. Дулишкович, Цит. соч., II, стр. 120—121.

⁶⁶) К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XIII, ч. I, стр. 160.

⁶⁷) Этот „Tractatus contra Latinos“ принадлежит представителю плебейского духовенства Закарпатья Михаилу Андрелло Оросвиговскому (1630—1710 гг.), автору ряда антикатолических памфлетов („Оборона верному человеку“, „Логос“ и др.). Михаила Оросвиговского за его полемическую страстность в борьбе с „латинщиной“ некоторые авторы называют „русинским Аввакумом“ (Цит. выдержки из трактата Оросвиговского по журналу Мюн. нар. проsv., ч. CCLXXXIX, октябрь 1893 г., стр. 534—536 и по соч. А. Петрова Статьи об Угорской Руси. Записки Ист.-фил. ф-та СПб. ун-та, прилож. к LXXXI части, 1906 г., стр. 38—40).

⁶⁸) Мадьярское—*püspök*—епископ.

⁶⁹) „буй“—буйный, сумасшедший.

⁷⁰) *Neim kell mas nekem Isten* (мадьяр.)—не нужно мне другого бога.

⁷¹) Записано автором в г. Хусте в 1947 г.

⁷²) До конца XVII в. в Венгрии распространяются акаатолические, протестантские течения (лютеранство), антиринитаризм и особенно кальвинизм. Вражда между протестантской и католической партиями достигала временами большой остроты. В *Annae litterae Societatis Iesu* 1689 г. описывается, какими угрозами и ругательствами встретили кальвинисты иезуитов в г. Naddasad: „Non est nobis necessaria fides vestra canina.. dati a daemone mystae et sacrificulae. Frucidemus eos et Turcis accedamus. mañumus, siquidem Turcismum amplecti, quam religionem rapisticam“ („Не нужна нам ваша собачья вера, ваши таинства и священнодействия, данные чертом. Мы их истребим, а сами перейдем к туркам; мы предпочитаем примкнуть к магометанству, чем подчиняться папистам“). (Цит. соч. „Петров А. „Старая вера“, II, стр. 13).

„Пропаганда кальвинская, по словам румынского автора Гурмузакки, не уступала в беспощадности католической“. Православных русинов агенты протестантских магнатов силой заставляли принимать реформированную религию, и это было тем легче, что, по словам примаса Венгрии Липпая, „nullus curavit, nullus patrocinatus est causae Ruthenorum, utpote schismaticorum“. („Никто не заботился и никакого покровительства не оказывал русским как схизматикам“) (Цит. по соч. А. Петрова „Старая вера“... II, стр. 13).

⁷³) Текст оригинала грамоты на латинском языке дан в ссылке на документы в цит. соч. И. Дулишковича, Исторические черты, т. III, 1877 г., стр. 2—3.

⁷⁴) Цит. соч. И. Дулишковича, Исторические черты, т. III, 1877 г., стр. 3.

⁷⁵) В дневнике де Камелиса сохранилось немало записей об отстранении от должностей священников за нарушение церковных законов о браке, за неграмотность или строптивость. По словам Дулишковича, де Камелис «Илью Серенчковского по причине вторичного маллетства от священнодействия запретил, Григория Грибовецкого, что дерзнул повенчати Серенчковского, Григория Тибавского — как невежу, Чепака, Григория Скотарского, Иоанна Гумсянского и Иеронима Липницкого по причине незаконных женитв. подигама Василия и Иоанна Пагута, потому, что дерзнул епископское письмо разодрати» и т. д. (Цит. соч. Дулишковича, Исторические черты..., т. III, стр. 4).

⁷⁶) *Hodinka A. A Munkäcsi gör. szert püspökség okmánytára. Ung., 1911 г. стр., 390—393.*

⁷⁷) *Hodinka A.* цит. соч. *A Munkäcsi okmánytára.* p. 392.

⁷⁸) Цит. соч. И. Дулишкович Исторические черты тетрадь III, стр. 6.

⁷⁹) Цит. соч. *Hodinka A. A munkäcsi görögkathol. püspökség története.* стр. 74.

⁸⁰) Ловкий епископ испочьювал пошатнувшееся положение князей Ракоци, павших в опалу за выступление против Габсбургов, чтобы оттянуть в свою пользу не только конфискованное Ракоци епископское имение, но и получить субсидию из доходов владетелей Мукачевской доминии. Кардинал Колонич, являвшийся опекуном наследников Ракоци, всемерно содействовал в этом своему фавориту де Камелису. В 1693 году королевской грамотой мукачевский монастырь и принадлежавшие ему земли были переданы униатскому епископу с добавлением 5,5 тысяч гуйльденов на личные нужды «русинского архипастыря». В следующем году царским указом „*Salva Civitate*“ мукачевский монастырь, ставший центром униатско-католической реакции в Закарпатье, был освобожден от уплаты налогов и постоя войск.

Поглощенный делом распространения унии не только среди «русинов», но и среди православного населения Трансильвании, стремясь расширить сферу влияния папского престола и увеличить свои доходы, де Камелис ведет борьбу также и против кальвинской церкви, стремившейся подчинить себе православное население, нажитись на его эксплуатации.

В *Recordationes et Decreta* Иосифа де Камелиса, относящейся к 1690 г., говорится: „*Interdixi Ruthenis.. ne solvant praedicantibus calvinis. decimas. pro me obtinul.*“ („Я запретил русским.. чтобы они не платили кальвинистским проповедникам... десятину... и оставил ее для себя“) (*Basilovics, opus cit., p. II, стр. 95*).

Здесь выражены совершенно недвусмысленно подлинные причины той активности, которую проявляет де Камелис в борьбе за окатоличение масс верующих.

⁷⁹⁾ См ЖМНП, VI, 1868 г., ч СХХХVIII, стр 712

⁸⁰⁾ См «Русская беседа», XVI, 1859 г., стр 30

⁸¹⁾ Цит. соч. И Дулишкович Исторические черты, тетрадь 3, стр. 22

⁸²⁾ Парох — приходский священник.

⁸³⁾ Цит соч Дулишкович Исторические черты., т III, стр 24.

⁸⁴⁾ См. ЖМНП, июнь 1868 г., ч СХХХVIII, стр 712.

⁸⁵⁾ Князья Ракоци принадлежали к одному из самых могущественных родов венгерских феодальных магнатов, владевших с 1630 года Семиградьем, а также огромными латифундиями в Венгрии, Словакии и Закарпатье, насчитывавшими свыше 700 тыс. гектаров земли Князья Ракоци, примыкавшие к протестанскому лагерю, ведут борьбу с Габсбургами, закончившуюся во второй половине XVII ст. победой королевских войск

Юный Ференц II Ракоци, наследовавший огромные владения, составлявшие до двух млн. угров земли, был вывезен в Австрию и воспитывался под наблюдением королевских вельмож. В 1694 г., достигнув совершеннолетия, Ференц II возвращается в одну из своих доминий в Шарышском комитате.

Князья Ракоци в период борьбы с Габсбургами не скупались на всякого рода демагогические обещания «льгот и прав» крестьянам, чтобы привлечь их на свою сторону. Больше того, они иногда и предоставляли известные льготы крепостным своих доминий, поддерживали «старую веру» в Закарпатье, широко рекламируя свою «заботу» о подданных, что и способствовало распространению среди масс крестьянства ложного представления о «добрых и справедливых» князьях Ракоци. Этим и объясняется обращение вожаков крестьян к Ференцу II Ракоци

⁸⁶⁾ Песня записана автором в с. Йовра, Ужгородского округа в 1947 году.

⁸⁷⁾ Ф. Энгельс Крестьянская война в Германии, 1932 г., стр. 67.

⁸⁸⁾ См. Acsády I. Magyarország népeisége a pragmatica sanctio korában 1720—1721 Bp., 1896, стр 312 и сл. и Papp I. Adalékok Máramaros történetéhez, M-Sziget, 1904, стр. 340.

⁸⁹⁾ А. Шаш. Нарис соціальної й господарської історії Шенборнської латифундії Мукачівсько-Чинядієвської в першій половині XVIII ст. Наук. Зб. „Просвіта“, Ужг., 1932 г., рочник IX, стр. 110—111.

⁹⁰⁾ Gabriel F. Selsky' stav v Uz'horodském komorním panství na sklonku XVIII století. Sborník zemské muzejní společnosti v Uz'horodě, 1932, стр. 44.

⁹¹⁾ Цит соч. Acsády I. Magyarország népeisége.. стр. 36.

⁹²⁾ Телек — крестьянский надел.

⁹³⁾ Угорский морг — около 1/4 гектара.

⁹⁴⁾ Русский земледельческий календарь, Ужг., 1923 г., стр. 61

⁹⁵⁾ Цит. соч. А. Шаш. Нариси., стр. 127

⁹⁶⁾ Репаев А. Народное хозяйство в пользу и употребление земледельцев русских, Ужг., 1864 г., стр. 4—5.

⁹⁷⁾ Цит соч. А. Шаш. Нариси., стр. 114.

⁹⁸⁾ О. Марков «Материалы для социальной истории Подк. Руси в XVIII веке „Карпатолуцк сбоник“, 1931 г., стр. 143.

⁹⁹⁾ Цит. соч. А. Шаш Нариси., стр 126.

¹⁰⁰⁾ 1 рейнский гульден — 1,5 угорских флорина.

¹⁰¹⁾ Цит. соч. А. Шаш. Нариси..., стр. 127, 115, 118

¹⁰²⁾ Цит. соч. А. Шаш. Нариси..., стр. 129—131.

¹⁰³⁾ Еще с XV ст. торговлю с Польшей и Западной Украиной взяли в свои руки города Восточной Словакии. Патрициат наиболее крупного из них—Кошицы—добился от королевской власти запрещения вести торговлю с Восточной Европой через г. Мукачево (см. Sas A. A Beregi szálfák útja Munkácsból Danzigig. Munk., 1928, стр. 5—6.

¹⁰⁴⁾ Цит. соч. А. Шаш Нариси., стр 120.

¹⁰⁵⁾ Цит. соч. А. Шаш Нариси., стр. 119

¹⁰⁶⁾ Цит соч. И Дулишкович. Исторические черты, тетр 3, стр 48.

¹⁰⁷⁾ Цит. соч. И. Дулишкович, т III, стр. 55—58

¹⁰⁸⁾ «Церковная газета», № 5, 4 марта 1858 г., стр. 39.

¹⁰⁹⁾ Цит. соч. А. Петров, «Старая вера»., II, стр. 17

¹¹⁰⁾ Цит соч. Петров А. «Старая вера»., т I, стр 23, 24, 25

¹¹¹⁾ Цит. соч. О. В. Об унии «Русская беседа», кн XVI, 1859 г., стр 37—38

¹¹²⁾ И Дулишкевич. Цит соч. Исторические черты., т III, стр. 93—95

¹¹³⁾ А. Петров Канонические визитации 1750—1767 гг в вармедях Земплинской и Абауйской Наук 36 «Просвета», Ужгород, 1924 г., рочник III, стр 110.

¹¹⁴⁾ Мариаш — 33 1/3 крейцера; 3 мариаша — 1 серебряный.

¹¹⁵⁾ По данным В. Гаджега, цит. соч. Dodatki в Ужанской жупе, стр 59—108

¹¹⁶⁾ «Месяцослов» на 1894 г., Унгвар, стр. 119.

¹¹⁷⁾ И Дулишкович. Цит. соч. Исторические черты., т III, стр. 161.

¹¹⁸⁾ Цит соч. И Дулишкевич. Исторические черты..., т III, стр. 131.

¹¹⁹⁾ Цит соч. Петров А. «Старая вера»., т II, стр 4

¹²⁰⁾ Цит соч. И Дулишкович Исторические черты., тетр. III, стр. 186.

- 121) А Петров Цит соч «Старая вера», т. I, стр. 64—67
- 122) А Петров Цит соч «Старая вера», т. I, стр. 74
- 123) Ленин В. И., Соч. т. 35, стр. 93
- 124) Цит соч И. Душикович. Исторические черты, тетр. III, стр. 162.
- 125) Ленин В. И., Соч., т. 15, стр. 389.
- 126) „Sermo“ Ольшавского, как образец „чудесного подхода к необразованному народу“ и умения эскамотировать, была издана в 1764 г. иезуитами в Тирнаве на латинском языке и носила название: „Sermo de sacra occidentalem inter et orientalem ecclesiam Unione, quo Michael Manuel Olsavzky, episcopus Rossensis, Munkacsiensis, per Inclutum Regnum Hungariae et partes illi annexas Vicarius Apostolicus. occasione suae cum Regio Decreto Visitationis Comitatus Szathmariensis Populum, per Sarabaitam, ad Schisma concitatum et relapsam A. D 1761, ad reassumendam Sacram Unionem cum optato successu exhortatus est“. (Речь о священном единении между западной и восточной церквями, каковую Михаил Мануил Ольшавский, епископ русский, мукачевский, в знаменитом царстве Венгрии и областях ему подчиненных викарый апостольский, произнес по случаю своего посещения народа Сатмарского комитета, из-за Сарабаита побуждаемого к расколу и отпавшего в 1761 году, побужденного к воссоединению со святой церквью с желанным успехом“) (Цит. соч. А. Петров „Старая вера“..., т. II, стр. 79).
- 127) Цит. соч. О В Об унии..., «Русская беседа», книга XVI, стр. 39.
- 128) Конратович Н. М. Очерки из истории мукачевской епархии „Карпаторусский сборник“ Ужгород 1931 г., стр. 103
- 129) Цит соч. О В. Об унии..., стр. 43.
- 130) Журнал „Житє і Слово“. Львов, июль 1896 г., статья „Ми в Європі“, стр. 2
- 131) Цит. соч. О В. Об унии..., стр. 45.
- 132) Офира — пожертвование.
- 133) Вармедь (мад) — жула, комитат
- 134) Мадьянское - ióisrap - иуджпан, главный жулан
- 135) Цит. по записи, сделанной автором в Хусге, в 1948 г.
- 136) Цит соч. О В Об унии., стр. 44.
- 137) Литературная газета «Свет», изд. Об-ва Василия Великого, Унгар, 1867 г., № 11
- 138) К Стринский. Язык литературной традиции Подкарпатской Руси, Ужгород, 1930 г., стр. 3
- 139) Гаджега В. О первых початках народного школьничества на Подкарпатской Руси, журн. «Подкарпатская Русь», № 2, 1927 г., стр. 31.
- 140) Цит. соч. В Гаджега. О первых початках... школьничества., журн. «Подкарпатская Русь», № 4, 1927 г., стр. 82—83
- 141) А Петров, К истории «русских инприг» в Угрии в XVII в., «Карпаторусский сборник», Ужгород, 1938 г., стр. 128
- 142) Hódinka A. цит соч. A. Munkácsi görögkathol. стр. 810
- 143) Журнал «Карпатская Русь», № 4, 1924 г., Прага, стр. 98.
- 144) Журн. «Подкарпатская Русь», № 4, 1924 г., стр. 100
- 145) Полное название труда Иоанникия Базилевича. „Brevis notitia Fundationis Theodori Koriathovics olim ducis de Munkács pro Religiosis Ruthenis ordinis sancti Basilii Magni in Monte Csernek ad Munkács anno MCCCCLX. Factae Exhibens seriem episcoporum graecocatholicum Munkácsiensium, cum praecipuis eorundem aliorumque illustrium virorum gestis, e variis diplomatibus, decretisque reglis ac aliis documentis authenticis potissimum concinnatam“.
- 146) Выходец из Закарпатья Петр Лодий (1764—1829) получил образование в Львовской греко-католической семинарии. В 1787 г. он был назначен профессором высшей теологической школы Studium Ruthenorum во Львове, где преподавал философию, математику и физику. На протяжении 1801—1803 гг. П. Лодий занимает должность профессора математики, логики и этики в Краковском университете. С 1804 г. П. Лодий работает в России в качестве профессора философии и права столичного Педагогического института и Петербургского университета
- 147) В. Довгович (1783—1849) — псевдоним В. Довганича.
- 148) См. Чижовский Д. Нариси з історії філософії на Україні, Прага, 1931 г., стр. 68; Бірчак І. Український філософ В. Довгович. Наук. Зб. на пошану акад. М. Грушевського, т. II, Киев, 1929 г., „История подкарпаторусской литературы“, Ужг., 1942, тр. 24—26
- 149) Цит. по календарю «Унио» на 1922 г., Ужг., стр. 72—74
- 150) «Церковная газета», № 11, 2 мая 1858 г., стр. 84.
- 151) «Церковная газета», № 11, 2 мая 1858 г., стр. 85
- 152) Там же, № 8, 1857 г., стр. 62
- 153) Кадлец К. Национальные и вероисповедные отношения до переворота. Сб. «Восемь лекций о Подкарпат. Руси», Прага, 1925 г., стр. 33.
- 154) См. Чижовский Д. Народні оповіання про давнину, 1925 г., стр. 72—92, 116
- 155) Эта песня была распространена в районах со смешанным русинско-словацким населением, результатом чего и явилось обилие в языке словацкой терминологии и

оборотов речи. Цит. по соч. Петрова А. Статьи об Угорской Руси. Записки Историко-филологич. ф-та ПТБ ун-та, прилож. к LXXXI части, 1905 г.

¹⁵⁶⁾ Площадь пахотной земли определялась „коблами“. Кобл зерна (прессбургская или братиславская мера), по урбарнию, состоял из 2 мер или 4 вико (вико—32 литра), каждое вико имело 32 гальбы. Размер кобла не был всегда и везде одинаковым. Один кобл как мера площади приравнялся в среднем одному гольду (нох, угр. ютр.).

¹⁵⁷⁾ Месяцослов на 1911 г., Унгвар, стр. 109--111.

¹⁵⁸⁾ Acsády I. A magyar jobbágyok története, 1906 г., стр. 363, 365.

¹⁵⁹⁾ Lehoczky T. Beregvármegye monographiája, т. 1, стр. 421.

¹⁶⁰⁾ Цит. соч. Gabriel F. Selsky' stav..., стр. 50.

¹⁶¹⁾ Цит. соч. Gabriel F. Selsky' stav..., стр. 49.

¹⁶²⁾ См. цит. соч. Marczali H. Magyarország története... стр. 421

¹⁶³⁾ Цит. соч. Gabriel F. Selsky' stav..., стр. 54.

¹⁶⁴⁾ «Такую имею пользу, как кошка от ткацкого станка»

¹⁶⁵⁾ Головацкий Я. Песни Галицкой и Угорской Руси, т. II, стр. 305.

¹⁶⁶⁾ В. Гаджега. Наши культурні церковні справи на епископських нарадах р. 1773 у Відні, Журн. „Подкарп Русь“, 1926 г., стр. 201 и др.

¹⁶⁷⁾ Цит. соч. Шаш А. Нарис соціальної й господ. історії Шенборнської лати-фундії... стр. 113.

¹⁶⁸⁾ С 1693 года мукачевский монастырь, имевший сотни гектаров пахотных земель, садов и виноградников, постоянно владеет селами Лавки и Бобовище, крепостные крестьяне которых несли в пользу монастыря многочисленные повинности и уплачивали натуральные и денежные подати. (См. Г. Гинах. Населення сіл Лавок і Бобовищ на початку XVIII ст. Наук. зб. „Просвіта“ XIII—XIV, 1938 г.)

¹⁶⁹⁾ Текст указа Иосифа II, цит. по «Карпаторусск. сборнику», 1931 г., стр. 140—142.

¹⁷⁰⁾ Градовский А. Д. Система Меттерниха. Соч., т. III, СПб, 1899 г., стр. 604.

¹⁷¹⁾ Сталин И. В. Соч., т. 5, стр. 254—255.

¹⁷²⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VI, стр. 38

ЛИТЕРАТУРА

- К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. 7, изд. 1940 г.
- К. Маркс. Капитал, т. 3, ч. II, гл. 47.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. Избр. соч., т. 1, 1948 г.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии. Соч., т. 6.
- Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, М., 1950 г.
- Ф. Энгельс. Какое дело рабочему классу до Польши? Собр. соч. Маркса и Энгельса, т. 13, ч. 1.
- Ф. Энгельс. Введение к английскому изданию брошюры „Развитие социализма от утопии к науке“. Собр. соч. Маркса и Энгельса, т. 16, ч. 2.
- Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Партиздат, М., 1932 г.
- В. И. Ленин. Классы и партии и их отношение к религии и церкви. Соч., т. 15.
- В. И. Ленин. Письмо А. М. Горькому. Соч., т. 35.
- И. В. Сталин. XII съезд РКП(б). Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве. Соч., т. 5.
- И. В. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Соч., т. 13
- * . .
- Арсений. Русские в Венгрии. Журнал Мин. нар. просв., т. VI, 1886 г. СХХХХVIII, СПб.
- Acsády I. Magyarország népessége a pragmatica sanctio korában 1720—1721. Bdp, 1896.
- Acsády I. A magyar jobbágság története. 1906 г.
- Basilovics I. Brevis notitia Foundationis Theodori Koriathovits..., Cassoviae, 1799—1804 гг., тт. I—III.
- Bidermann I. Die ungarischen Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte. Innsbruck. 1862, т. 1.
- Gabriel F. Poddanské poměry na uz'horodském panství ke konci XVII st. Наук. 36. „Просвіта“, 1933—1934 гг., Ужг.
- Gabriel F. Vy'voj kolonisace Drugetovského panství Uz'horodskeho, Наук. 36. „Просвіта“, Ужг., 1932 г. (IX).
- Габриель Ф. Материалы к истории крепостничества на Подкарпатской Руси. Ужг., 1934 г.
- Габриель Ф. Господарське положеня Подкарп. Руси на початку XVIII столетя. Пр., 1933 г. XI.
- Gabriel F. Selsky' stav v Uz'horodském komornim panství na sklonku XVIII století Sbornik zemské musejní spolec'nosti v Uz'horodé, 1932.
- Гаджега В. Додатки до истории русинів, руських церквей в був жупе Земплинской. Наук. 36. „Просвіта“, 1931 г., Ужг., VII—VIII.
- Гаджега В. Додатки к истории русинов и руських церквей в Ужанской жупе, Ужг., 1924 г.
- Гаджега В. О первых початках народного школьничества на Подкарпатской Руси, журн. „Подкарпат. Русь“, 1927 г., Ужг.
- Hodinka A. A Munkácsi görögkatholikus puspökség története, Bdp, 1910 г.
- Hodinka A. A Munkácsi gör. szert. puspökség okmánytára. Ung. 1911 г.
- Градовский А. Д. Соч., т. III, Система Меттернича, СПб, 1899 г.
- Дулишкович И. Исторические черты угро-русских. Унгар, тетрадь I 1874 г., тетр. II 1875 г., тетр. III 1877 г.
- Kadlec K. Valas'i a valas'ské právo v zemích slovánský'ch a uherský'ch. Praga. 1916 г.
- Kadlec K. Verboczyovo Tripartitum. Praga, 1902 г.

- Кадлец К. Национальные и вероисповедные отношения до переворота. Сборник „Восемь лекций о Подкарпатской Руси“, Прага, 1925 г.
- Кондратович И. М. История Подкарпатской Руси, Ужг., 1930 г.
- Lehoszky T. Beregvármegye monográfiája. Ungv., 1881 г., I.
- Марков О. Материалы для социальной истории Подк. Руси в XVIII в. „Карпаторусский сборник“, 1931 г., Ужгород.
- Mihályi I. Magyarosi Diplomák a XIV. es XV. századból. M-Sziget, 1900 г.
- Мицюк О. Нариси з соціально-господарської історії б. Угорської, нині Підкарпатської Руси. Ужгород, 1936 г., т. 1.
- Неедлы З. Р. История Закарпатской Руси до XIV ст. Изв. А. Н. СССР, серия ист. и филос., т. II, № 4, М., 1945 г.
- О. В. Об унии венгерских русинов. „Русская беседа“, кн. XVI, апрель 1859 г., М.
- Рарр I. Adalékok Magyarország történetéhez, M-Sziget, 1909 г.
- Perfeskij E. Sociálne-hospodárské pomery Podk. Rusi ve století XIII – XVI. Bratislava, 1924 г.
- Петров А. Древнейшая на Карнатской Руси шотлыская грамота 1329 г., Ужгород, 1936 г.
- Петров А. Пределы угрорусской речи в 1773 г по официальным данным. Записки ист.-фил. ф-та С-Петербург. ун-та, 1911 г.
- Петров А. „Старая вера“ и уния в XVII—XVIII вв. Материалы для истории Угорской Руси, ПГБ, 1906, II.
- Петров А. Канонические визитации 1750 – 1767 гг. в вармедях Земплинской и Абауйской. Наук. Зб. „Просвета“, III, Ужгород, 1924 г.
- Петров А. Статьи об Угорской Руси. Записки ист.-фил. ф-та С-Петерб. ун-та, прилож. к LXXXI части, СПб, 1906 г.
- Петров А. К истории „русских интриг“ в Угрии в XVII в. „Карпаторусск. сборник“, Ужгород, 1938 г.
- Репавев А. Народное господство в пользу и употребление земледельцев русских. Ужг., 1864 г.
- Fiedler I. Beiträge zur Geschichte zur Union der Ruthenen in Nord-Ungarn und der Immunität des clerus Desselben. W. 1862.
- „Церковная газета“, Будин, 1856—1858 гг.
- Шаш А. Нарис соціальної й господарської історії Шенборнської латифундії Мукачівсько-Чинадівської в першій половині XVIII ст. Наук. Зб. „Просвіта“, Ужг., 1932 г. (IX).
- Schwartzner M. Statistik des Königreichs Ungerns, Pest. 1798 г.